

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи



БАБИКОВА Марина Рашитовна

**ВЕРБАЛЬНО-ИКНИЧЕСКАЯ
ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

10.02.01 — Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Н. Б. Руженцева

Екатеринбург 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	14
1.1. Интертекстуальность и прецедентность. Понятие вербально-иконической прецедентности (ВИП)	14
1.2. Понятие и модель современного националистического дискурса	23
1.3. Методика анализа прецедентности в националистическом дискурсе	34
Выводы по первой главе	40
ГЛАВА 2. ВИДЫ И ФУНКЦИИ ВЕРБАЛЬНО-ИКОНИЧЕСКОЙ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	42
2.1. Креолизованный текст в русском националистическом дискурсе: общая характеристика	42
2.2. Механизмы взаимодействия вербально-иконических элементов в националистическом дискурсе	46
2.3. Жанровая специфика креолизованных текстов в националистическом дискурсе	57
2.4. Типология вербально-иконической прецедентности в националистическом дискурсе	67
2.5. Функции вербально-иконической прецедентности в националистическом дискурсе	70
2.6. Воздействие ПФ на сознание молодежной аудитории	77
Выводы по второй главе	83

ГЛАВА 3. СФЕРЫ-ИСТОЧНИКИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	86
3.1. Сфера-источник «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА»	86
<i>Субсфера-источник «Политическая символика»</i>	88
<i>Субсфера-источник «Милитаризм»</i>	116
<i>Субсфера-источник «Политический деятель»</i>	124
<i>Субсфера-источник «Националистические объединения»</i>	130
3.2. Сфера-источник «КУЛЬТУРА»	134
<i>Субсфера-источник «Мультипликация»</i>	135
<i>Субсфера-источник «Интернет»</i>	142
<i>Субсфера-источник «Кино»</i>	146
<i>Субсфера-источник «Литература»</i>	152
<i>Субсфера-источник «Религия»</i>	159
<i>Субсфера-источник «Реклама»</i>	164
<i>Субсфера-источник «Эстрада»</i>	168
3.3. Контекстные прецедентные феномены	177
Выводы по третьей главе	191
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	195
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	203
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	204
<i>Список источников речевых примеров</i>	236

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено специфике прецедентности в современном русском националистическом дискурсе.

Актуальность исследования. В современном российском обществе остро стоит проблема межэтнических конфликтов, которые подрывают политическую стабильность как внутри страны, так и за ее пределами. Поэтому возникла необходимость детального, разностороннего и углубленного анализа методов и приемов пропаганды националистических настроений и способов вербовки молодежи в ряды экстремистских организаций. В этой связи важно учитывать активное использование националистической пропагандой креолизованных текстов, совмещающих вербальные и визуальные семиотические ряды. Оперирование креолизованными текстами стало одним из наиболее популярных способов трансляции националистических идей.

В современной науке проблемы националистического дискурса изучаются в рамках различных дисциплинарных подходов, в том числе юридического, политологического, исторического, социологического, психологического и др. (К. В. Анисимова, Л. Г. Багирова, М. Б. Ворошилова, А. П. Глухов, А. А. Громько, Е. П. Дулесов, Н. В. Зверев, К. В. Злоказов, В. С. Малахов, М. Л. Размолодин, С. А. Шаронова, В. В. Шишков, А. А. Чемакин и др.).

Необходимо отметить, что лексемы «националистический» и «экстремистский» в данном исследовании не являются юридическими терминами, а используются как общеупотребительные слова современного русского языка в соответствии с их определениями в толковом словаре.

Вербально-иконические ПФ изучены далеко не достаточно, хотя есть значимые исследования в этой области. Так, Ю. М. Лотман рассматривает варианты цитирования визуального ряда скульптуры, живописи, а также хроникальных кадров [Лотман 2000]. Использование ПФ из области живописи в периодических изданиях рассматривает С. И. Сметанина [Сметанина 2002].

Д. Б. Гудков анализирует в своих исследованиях случаи невербальной прецедентности [Гудков 1999], а Г. Г. Слышкин пишет о включении в прецедентный текст изображений [Слышкин 2000]. Вопросы визуальной прецедентности отражены и в ряде других исследований [Пикулева 2002; Ворошилова 2010, 2013; Высоцкая 2013; Чернявская 2013; Садуов 2013]. Подробное обоснование и развитие концепция визуальной прецедентности получила в исследованиях Л. А. Мардиевой [Мардиева 2007, 2011, 2016].

Предмет исследования — вербально-иконические прецедентные феномены как средство воздействия на сознание молодежной аудитории.

Объект исследования — типология и функции креолизованных ПФ, механизмы взаимодействия семиотических рядов.

Общая цель исследования — выявление специфики вербально-иконических прецедентных феноменов как средства полисемиотического воздействия.

Для достижения сформулированной таким образом цели необходимо решить ряд **задач**:

1. Создать аналитическую базу креолизованных текстов, используемых в современном русском националистическом дискурсе.

Охарактеризовать (с опорой на типологию В. И. Карасика) модель постсоветского националистического дискурса, которая включает в себя типовых участников дискурса («своих» и «чужих»), цель, ценности, основные стратегии и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы.

2. Охарактеризовать типы креолизованных ПФ, выявить их функции.

3. Охарактеризовать структурно-семантические особенности и ведущие сферы-источники прецедентных феноменов.

4. Установить механизмы взаимодействия вербального и иконического семиотических рядов.

5. Выявить особенности воздействия прецедентных феноменов на молодежную аудиторию.

Мы не ставили перед собой задачу давать политическую, юридическую, нравственную или иную оценку деятельности создателей рассматриваемых текстов. Вместе с тем отметим, что сам по себе факт изучения дискурса русских националистов не означает одобрения их деятельности, особенно той, которая противоречит российскому законодательству и моральным нормам нашего общества.

Материалом исследования послужили креолизованные тексты, размещенные на официальных сайтах националистических объединений и отдельных националистических групп, креолизованные тексты, размещенные в социальной сети «ВКонтакте» (группа «Оставайся белым», 7987 фотографий на стене сообщества [https://vk.com/album-33375495_00?rev=1]; группа «Героическая молодежь», 1569 фотографий на стене сообщества [https://vk.com/album-149747365_00]; группа «ВозРождение Белого Рода по всему Белому Свету», 1973 фотографии на стене сообщества [<https://vk.com/albums-65317909>]; группа «Русское национальное единство» (РНЕ), 111 фотографий на стене сообщества [https://vk.com/album-125471182_00]; группа «ДПНИ Держи кровь чистой», 40 фотографий в фотоальбоме сообщества [https://vk.com/public54296039?z=album-54296039_175170436]; группа «Русский национализм», 1704 фотографии на стене сообщества [https://vk.com/album-112132824_00?rev=1]; группа «Будь белым», 376 фотографий на стене сообщества [https://vk.com/album-121180360_00]; группа «Против шавок и черной мрази», 25 фотографий в группе [<https://vk.com/club24080071>]; группа «Другая Россия» [https://vk.com/album-55790675_00?rev=1], 16 351 фотография на странице сообщества; персональная страница пользователя Михаила Макеева, 448 фотографий [<https://vk.com/albums142482789>]; персональная страница пользователя Максима Макаренко, 3457 фотографий [<https://vk.com/id292199559>]), а также иные сайты и группы сети «ВКонтакте», которые были обнаружены в ходе интернет-серфинга по ключевым словам. Материалы нашей картотеки (1990—2018 гг.) — это тексты, официально признанные запрещенными и внесенные в соответ-

ствующий список Минюста РФ либо созданные в объединениях, деятельность которых официально признана экстремистской. При сборе материалов использовались материалы научно-образовательного центра экспертиз Уральского государственного педагогического университета.

В настоящем исследовании проанализировано более 2000 креолизованных текстов, созданных в постсоветский период.

Методологическая база исследования сложилась под влиянием основных положений *теории креолизованного текста* (А. А. Адзинова (2007), Е. Е. Анисимова (2003), В. М. Березин (2003), А. А. Бернацкая (2000), Н. С. Валгина (2003), М. Б. Ворошилова (2008, 2010, 2013, 2016б, 2016в, 2016г и т. д.), Г. В. Ейгер, В. Л. Юхт (1974), О. А. Корда (2013), А. Ю. Зенкова (2004), Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов (1990), Д. П. Чигаев (2010), Vardin (1975), Sauerbier (1978) и др.); *теории национализма* (Б. Андерсон (2001), Ю. В. Арутюнян (1998), Р. Брубейкер (1994, 1996, 2006), Э. Геллнер (1964, 1994), М. Грох (1995, 2002), Л. М. Дробижева (1997), В. В. Коротеева (1993, 1999, 2000), Э. Лор (2012), В. С. Малахов (1998, 2005, 2007, 2013), А. И. Миллер (1997), Э. Смит (1986, 1991, 2002, 2004), В. Д. Соловей (2008, 2009), Т. Д. Соловей (2009), А. И. Соловьев (2001), В. А. Тишков (1993, 1997, 1998), Э. Хобсбаум (1998, 2004), А. Л. Янов (1995) и др.); *теории интертекстуальности* (Р. Барт (1978), Ю. Кристева (2000), С. Л. Кушнерук (2006), А. А. Леонтьев (2001), Ю. М. Лотман (1981), Н. В. Петрова (2005), Н. Пьеге-Гро (2008), Н. А. Фатеева (1998, 2007), М. Б. Ямпольский (1993, 1996)); *теории прецедентных феноменов* (М. Б. Ворошилова (2010, 2013), И. В. Высоцкая (2013), Д. Б. Гудков (1998, 2003), И. В. Захаренко (1997), В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова (1994, 1996, 2001), В. В. Красных (1997, 2002, 2003), Д. С. Мичурин (2014), Е. А. Нахимова (2004, 2007, 2011), Ю. Б. Пикулева (2002), Р. Т. Садуов (2013), Г. Г. Слышкин (2001), С. И. Сметанина (2002), Ю. А. Сорокин (1998), А. Е. Супрун (1995), М. А. Фокина (2016), В. Е. Чернявская (2013) и др.); *семиологических исследований* А. К. Байбурина (1989, 2007), Р. Барта (1994), М. Л. Бутовской (2004),

Г. В. Колшанского (1974, 1990), Ю. М. Лотмана (1973, 1978, 1981, 2000), Е. А. Петровой (2000), А. Пиза (2002), В. М. Розина (2006), У. Эко (2004). Теоретические обоснования невербальной прецедентности основаны на исследованиях Л. А. Мардиевой (2007, 2011, 2016).

Для решения поставленных задач в ходе исследования применялся ряд количественных и качественных **методов**. Качественные: обобщение, описание; группа аналитических методов, методы дискурсивного анализа, при помощи которого охарактеризована модель националистического дискурса, и когнитивного моделирования, метод контекстуального анализа; типологический метод, метод семиотического анализа, метод социолингвистического анализа. Количественные методы: метод сплошной выборки и статистической обработки.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется следующим:

– создана, теоретически обоснована и апробирована авторская методика анализа вербально-иконических прецедентных феноменов, характерных для современного русского националистического дискурса;

– охарактеризована (с опорой на типологию В. И. Карасика) модель постсоветского националистического дискурса, которая включает в себя типовых участников дискурса («своих» и «чужих»), цель, ценности, основные стратегии и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы;

– введены в научный оборот и теоретически обоснованы термины «контекстный прецедентный феномен» и «модели полипрецедентности» в националистическом дискурсе, что важно для развития понятийно-терминологического аппарата теории прецедентности.

Научная новизна диссертации заключается:

– в комплексном (дискурсивном, функциональном, когнитивном, структурно-семантическом, семиотическом) описании вербально-иконической прецедентности в рамках постсоветского русского националистического дискурса;

– в том, что впервые системно охарактеризован жанровый корпус постсоветского русского националистического дискурса;

– в том, что описаны основные функции вербально-иконической прецедентности в постсоветском русском националистическом дискурсе и феномен полипрецедентности с учетом его различных вариантов в указанном дискурсе;

– в том, что охарактеризованы типичные приемы манипуляции сознанием адресатов посредством прецедентных феноменов.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования ее материалов в процессе подготовки будущих филологов, юристов, социологов и политологов. Кроме того, результаты исследования могут применяться при производстве судебно-лингвистических экспертиз по делам о возбуждении социальной, расовой, национальной или религиозной розни, а также в рамках деятельности по профилактике национализма в современном молодежном дискурсе, и в первую очередь в социальных сетях.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Под «русским националистическим дискурсом» понимается способ упорядочивания социально-политической реальности с помощью актуализации русского национального символического значения в контексте глобализации (политической/культурной/экономической).

2. Модель националистического дискурса, созданная с опорой на типологию В. И. Карасика, включает в себя: типовых участников дискурса; хронотоп, цель, ценности, основные стратегии, ключевые жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы.

3. Наиболее типичными жанрами для современного русского националистического дискурса являются агитка, граффити, карикатура и интернет-мемы, которые, в свою очередь, подразделяются на демотиваторы, интернет-комиксы, эдвайсы, «аткрытки». Во всех креолизованных текстах присутствуют вербально-иконические прецедентные феномены, используемые авторами текстов в качестве эффективных способов манипуляции сознанием адресата.

4. Вербально-иконическую прецедентность следует рассматривать в рамках классической типологии прецедентных феноменов, включающей текст, высказывание, ситуацию, имя с учетом факта материализации каждого из перечисленных ПФ в иконических текстах или визуальные прецедентные феномены: «прецедентный визуальный образ / прецедентный визуальный феномен», «коды визуального поведения».

Первое место по частотности занимает сфера-источник «История и политика» (субсферы «История и политика», «Милитаризм», «Политический деятель», «Политические объединения и шествия»). На втором месте по частотности располагается сфера-источник «Культура» (субсферы «Мультипликация», «Интернет», «Кино», «Литература», «Религия», «Реклама», «Эстрада»).

5. ПФ в националистических текстах выполняют следующие функции: *выразительное и образное представление кого-либо, маркировка интенций адресанта, разрушение стереотипов и предубеждений, оценка, моделирование, а также прагматическую, парольную и людическую функции.* Для графического оформления креолизованного текста характерны *аттрактивная, смысловыделительная, экспрессивная, характерологическая, символическая и эстетическая функции.*

6. Для националистического дискурса характерен феномен полипрецедентности, то есть нанизывание и сочетание в рамках одного креолизованного текста прецедентных феноменов, относящихся к различным смысловым сферам-источникам. Полипрецедентность представлена двумя моделями, предполагающими сочетание прецедентных феноменов как с одной, так и с разными субсферами-источниками, а также использование двух и более ПФ, каждый из которых относится к разным сферам-источникам.

7. Манипуляция сознанием адресатов посредством прецедентных феноменов включает мифологическое манипулирование, манипулятивные психотехнологии, ценностно-эмоциональное манипулирование, использование меха-

низмов социального контроля, манипулирование рациональными, убеждающими аргументами.

8. В националистическом дискурсе важную роль играет контекст. Характерной особенностью контекстных прецедентных феноменов является то, что, с одной стороны, они получают свое «новое» значение только в конкретном дискурсе. С другой стороны, они становятся символами националистического дискурса, нередко выполняя функцию идентификации «своих» или оппозиционирования «чужих».

Структура диссертационного исследования включает в себя введение, три главы, заключение, список сокращений, библиографический список.

Во **введении** охарактеризованы основные параметры исследования: с опорой на обобщение научной литературы по теме диссертации формулируется актуальность поставленной проблемы, определены объект и предмет работы, обоснована методология исследования, обозначены цель и задачи для ее достижения, а также научная новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость.

В **первой главе** «Теоретические основы исследования прецедентных феноменов в националистическом дискурсе» дается обобщение теоретического материала по актуальным для исследования вопросам: теории интертекстуальности и теории прецедентности. Кроме того, представлена модель современного русского националистического дискурса, выстроенная с позиций социолингвистического подхода. В главе приводится методика анализа вербально-иконических прецедентных феноменов, оптимальная с точки зрения особенностей националистического дискурса.

Во **второй главе** «Виды и функции вербально-иконической прецедентности в современном русском националистическом дискурсе» представлен жанровый корпус креолизованных текстов в националистическом дискурсе, дана типология вербально-иконической прецедентности. Рассмотрены функции вербально-иконических ПФ и механизмы взаимодействия двух семиотических ря-

дов в националистическом дискурсе. Описаны основные способы воздействия ПФ на сознание молодежной аудитории.

В третьей главе «Сферы-источники прецедентности в националистическом дискурсе» выявлены и описаны основные субсферы-источники культурного знания для националистического дискурса. Рассмотрены контекстные ПФ, охарактеризовано явление полипрецедентности, введен в научный оборот термин «контекстные прецедентные феномены».

В заключении приведены основные результаты проведенного исследования, обозначены приоритетные направления дальнейшей работы.

Библиографический список содержит 273 источника, включая научную литературу и словари.

Апробация материалов исследования. Материалы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета, а также в рамках аспирантского семинара на указанной кафедре. Материалы исследования были представлены автором на I Международной научно-практической конференции молодых ученых на иностранных языках «Актуальные проблемы профессиональной сферы в современном мире» (Екатеринбург, 2015), V Международной научно-практической конференции «Язык. Право. Общество» (Пенза, 2018), Международной конференции «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» (Екатеринбург, 2018), Международной конференции «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (Екатеринбург, 2019).

По теме диссертации опубликовано 11 работ, в том числе 4 — в изданиях, включенных в список ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Бабилова, М. Р. «Аллогенные» жанры в современном экстремистском дискурсе / М. Р. Бабилова, М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — С. 160—164.

2. Бабикова, М. Р. Контекстные прецедентные феномены как способ репрезентации националистических идей / М. Р. Бабикова, М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (66). — С. 58—63.

3. Бабикова, М. Р. Сфера-источник «мультипликация» как тактический ход стратегии дискредитации в националистическом дискурсе / М. Р. Бабикова // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2017. — № 4. — С. 170—174.

4. Бабикова, М. Р. Тактика «создания образа тяжелого прошлого» как один из основных приемов стратегии запугивания в национальном и религиозном экстремистском дискурсах / М. Р. Бабикова, Ю. Р. Тагильцева // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2018. — № 2. — С. 218—223.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В настоящей главе дается обобщение теоретического материала по актуальным для исследования вопросам. Первый раздел посвящен теории интертекстуальности и прецедентности.

Во втором разделе представлена модель современного русского националистического дискурса, выстроенная с использованием алгоритма, предложенного В. И. Карасиком.

Третий раздел первой главы представляет собой обобщение различных методик описания прецедентных феноменов, на основе которых строится авторская методика, оптимальная для задач описания ПФ в националистическом дискурсе.

1.1. Интертекстуальность и прецедентность.

Понятие вербально-иконической прецедентности (ВИП)

Возникновение термина «интертекстуальность» связано с работами таких ученых, как М. М. Бахтин, Ю. Н. Тынянов, Ф. де Соссюр. Феномен интертекстуальности в работах Ю. Н. Тынянова раскрывается через изучение пародии: «Он (как и Бахтин) видел в пародии фундаментальный принцип обновления художественных систем, основанный на трансформации предшествующих текстов. Пародия выступает как двуплановый текст, сквозь который „сквозит“, по его выражению, текст-предшественник» [Ямпольский 1993: http]. М. М. Бахтин делает выводы о диалогических отношениях между текстами и внутри текста, объектом его исследований был роман как наиболее яркий образец диалогизма. Н. Пьеге-Гро отмечает: «Согласно Бахтину, любое высказывание (независимо от его принадлежности к литературе) укоренено в социальном контексте,

накладывающемся на него глубокий отпечаток, и обращено к социальному горизонту. Вот почему любое высказывание, любое слово несет в себе конституирующую его чужую речь» [Пьеге-Гро 2008: 66]. Анализируя труды Бахтина, Пьеге-Гро пишет: «Каждое слово — это носитель чужой речи, причем оно отмечено печатью этой речи до такой степени, что никакое девственное слово, принадлежащее предшествующему высказыванию, оказывается попросту невозможным» [Пьеге-Гро 2008: 66]. Теория анаграмм Фердинанда де Соссюра позволила ученым структурировать теорию интертекстуальности, а также «наглядно представить, каким образом иной, внеположенный текст, скрытая цитата организуют порядок элементов в тексте и способны его модифицировать» [Ямпольский 1993: <http>].

Бахтинские понятия диалогизма и полифонии получают развитие в трудах Ю. Кристевой, которая впервые использует понятие интертекстуальности в постмодернистский период: «Любой текст как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия intersubjectivity встает понятие интертекстуальности» [Кристева 2000: 429].

Кроме того, к наиболее известным исследованиям интертекстуальности следует отнести труды Р. Барта, Ж. Женетта, М. Риффатера, И. А. Фатеевой. Существуют различные подходы к определению и описанию данного термина, что обусловлено научной парадигмой, в рамках которой работает исследователь.

Классический подход к определению данного термина в современных условиях выходит за пределы художественного текста и все больше соотносится с общегуманитарным вектором. Однако принципы интертекстуальности не меняются, как и прежде, ориентированы на диалогический характер высказывания: «...природа диалогического слова раскрывает смысловые уровни текста, конкретизирует авторский мировоззренческий комплекс, создает эффект мерцания эстетической перспективы» [Безруков 2018: 8]. Авторы, создавая свои

тексты, попадают в условия межтекстовых взаимодействий, преломляя и трансформируя их. Задачей адресантов становится манипуляция кодами, игра знаками, то есть авторизация дискурса. Порождая новые тексты, авторы апеллируют как к осознанным, так и к неосознанным ассоциациям, которые находят свое отражение в новом тексте и в любом случае имеют связь со всем многообразием известных автору текстов, в том числе и общественно значимых, которые, согласно определению Ю. Н. Караулова, принято называть прецедентными текстами. Создание новых текстов всегда так или иначе основано на апелляции к прецедентным текстам, что и приводит к интертекстуальности, однако не означает, что интертекстуальность есть процесс бесконечной «переклички» прецедентных текстов [Кудрина 2005: 5]. Между тем следует отметить, что феномен интертекстуальности является более широким понятием, включающим понятие прецедентности: «...интертекст является „средой бытования“ прецедентных единиц... прецедентность как свойство некоторой единицы формируется только благодаря ее неоднократной интертекстуализации» [Там же: 10].

Остановимся подробнее на понятии ПФ и подходах к анализу ПФ.

Понятие прецедентности введено в научный оборот Ю. Н. Карауловым. В 1986 г. ученый дает определение термину «прецедентные тексты», к числу которых относит тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2007: 216].

Появление термина «прецедентный текст» повлекло за собой выделение других форм прецедентности, которые, в свою очередь, можно разделить на две большие группы: вербальные прецедентные феномены и тексты как продукты речевой деятельности. Внутри этих групп выделяют прецедентное высказывание [Костомаров, Бурвикова 1994, 2006], прецедентное имя [Гудков 1997;

Нахимова 2007], прецедентный феномен и прецедентную ситуацию, которые поддаются вербализации [Красных и др. 1997], концепт прецедентного текста [Слышкин 2000], прецедентный культурный знак [Пикулева 2002], текстовую реминисценцию [Супрун 1995] и невербальные (визуальные) прецедентные феномены, которые на сегодняшний день являются объектом исследования многих ученых [Пикулева 2003; Ворошилова 2010, 2016в; Высоцкая 2013; Мардиева 2007, 2011, 2016; Чернявская 2013; Садуов 2013]. Поэтому конкретные единицы анализа варьируются в зависимости от материала исследования и дискурса, с которым работает исследователь.

Термин и его дефиниция, предложенные Ю. Н. Карауловым, задали важный вектор исследований в современной науке. Среди наиболее известных ученых, чьи исследования в области прецедентности являются фундаментальными, следует упомянуть Н. П. Вольскую, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Е. А. Нахимову, Г. Г. Слышкина, Ю. А. Сорокина и др.

В нашем исследовании за основу взято определение ПФ, предложенное Д. Б. Гудковым и В. В. Красных: под ПФ понимаются те единицы, которые имеют вербальное или визуальное выражение, характеризуются общеизвестностью среди значительной части представителей лингвокультурного сообщества или популярностью в некоторых малых группах, обладают специфическим познавательным и эмоциональным планами, что выявляется в речи представителей того или иного лингвокультурного сообщества [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева 1997; Нахимова 2004]. С точки зрения С. И. Сметаниной, «указанные единицы полифункциональны в грамматическом и понятийном плане, то есть, не фиксированы в отношении различных морфологических критериев, объема и синтаксических понятий, потенциально многозначны по семантике, что дает возможность по-разному „представлять“ их в тексте, используя как единицы, имеющие рационально-логическое или эмоционально-образное содержание» [Сметанина 2002: 116].

К наиболее общеизвестным вербальным единицам системы ПФ относятся прецедентный текст (ПТ), прецедентное высказывание (ПВ), прецедентная ситуация (ПС) и прецедентное имя (ПИ). Связь между указанными единицами тесная, актуализация одной из них приводит к актуализации нескольких остальных [Гудков, Красных, Захаренко, Багаева 1997].

Термин «прецедентный текст» определяется этими авторами так: «...законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества; в когнитивную базу входит инвариант его восприятия; обращение к ПТ многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или символы» [Там же: 64].

«Прецедентное высказывание — репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само ПВ как таковое; ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка. К числу ПВ принадлежат цитаты из текстов различного характера, афоризмы, пословицы, поговорки» [Там же: 65].

«Прецедентная ситуация — некая „эталонная“, „идеальная“ ситуация, связанная с определёнными коннотациями, когда-либо бывшая в действительности или принадлежащая виртуальной реальности созданного человеком искусства; в когнитивную базу входит набор дифференциальных признаков ПС, означающим ПС может быть прецедентное высказывание или прецедентное имя, а также прецедентный феномен» [Красных 2002: 45].

«Прецедентное имя — индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к числу прецедентных (например, *Обломов*, *Тарас Бульба*), или с ситуацией, широко известной носителям языка и

выступающей как прецедентная (*Иван Сусанин, Колумб*), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (*Моцарт, Ломоносов*)» [Гудков 2003; цит. по: Кушнерук 2006: 29].

Кроме того, для нашего исследования актуальна проблема визуальной (иконической) прецедентности, рассматриваемая в работах ряда исследователей (И. В. Высоцкая, Ю. Б. Пикулева, Л. А. Мардиева и др.). Однако вопрос типологизации визуальной прецедентности остается открытым, каждый исследователь определяет свой подход к выделению типов невербальных прецедентов.

И. В. Высоцкая, анализируя креолизованные тексты рекламного дискурса, выделяет *прецедентное изображение* (на примере плакатов); при рассмотрении музыкальных рекламных роликов исследователь говорит о *прецедентном звучании*; последний тип, выделяемый исследователем, может быть репрезентирован как визуально, так и вербально — *прецедентный образ* [Высоцкая 2013: 125, 126].

В диссертации Ю. Б. Пикулевой представлен лингвокультурологический анализ прецедентного культурного знака в современной телевизионной рекламе. Наряду с традиционными формами вербальных ПФ, исследователь выделяет невербальные прецедентные культурные знаки, однако для каждого из них приводит аналог вербального. Представленные типы невербальных прецедентных единиц соответствуют рассматриваемому материалу — рекламным видеороликам: *известные персоны*, вербальный аналог — имя собственное; *узнаваемые голоса*, вербальный аналог — словосочетание, включающее имя собственное или отэтнонимичное прилагательное; *прецедентные графические формы*, аналог в вербальном выражении исследователь видит в названиях шрифтов; *музыкальные цитаты*, вербальные аналоги — имя собственное (название произведения, имя автора); *культурно значимые предметы вещного мира*, вербальный аналог — этноспецифические номинации / безэквивалентная лексика; *произведения живописи, скульптуры, архитектуры*, вербальный аналог — имя собственное: название произведения или имя автора; *узнаваемые*

кадры хроники, художественных, телевизионных и мультипликационных фильмов, спектаклей, вербальные аналоги — имя собственное и вербализуемая прецедентная ситуация; *прецедентные ситуации / сюжеты*, вербальные аналоги — вербализуемые ситуация и сюжет; *ментально значимые эмблемы и символы*, вербальный аналог — словосочетание, включающее имя собственное; *типовые жесты и поведенческие формулы*, вербальный аналог — вербализуемая прецедентная ситуация [Пикулева 2003: 9—11].

Кроме того, Ю. Б. Пикулева выделяет третий тип ПФ: *смешанные культурные знаки*. Данный тип характеризуется сосуществованием вербального и невербального компонента, которые не могут рассматриваться автономно. К таким прецедентным культурным знакам исследователь относит *фрагменты хроники, художественных, телевизионных, мультипликационных фильмов, спектаклей; песенные цитаты; ритуалы; плакаты*.

Следует отметить, что первые в России фундаментальные исследования в области невербальной прецедентности принадлежат Л. А. Мардиевой (2007, 2011, 2016). Она разграничивает прецедентные визуальные феномены (ПВФ) и прецедентные визуальные образы (ПВО). Под прецедентными визуальными образами понимаются «хранящиеся в памяти представителей определенного социокультурного сообщества зрительные образы культурного пространства (термин „образ“ понимается нами как единица мысленного кода, субстрат подобного внутреннего образования может быть разным; говоря о прецедентных визуальных образах, мы имеем в виду те образы сознания, которые имеют визуальную природу или, по крайней мере, визуальный субстрат для них является обязательным). Если прецедентный визуальный образ — явление идеальное, то прецедентный визуальный феномен — это результат объективации (материализации, овеществления) визуального образа в текстовых (иконических и вербальных) структурах» [Мардиева 2016: 254].

Исследователь дает уточнение, которое позволяет шире подходить к определению визуальной прецедентности: «...прецедентными визуальными об-

разами мы считаем именно визуальные образы культурного пространства, а не образы визуального культурного пространства»; «...в качестве прецедентных рассматриваются хранящиеся в памяти членов социокультурного общества цельные или фрагментарные картиноподобные образы визуальных и вербальных произведений, невербального поведения отдельных личностей или социальных групп и образы предметного мира» [Мардиева 2016: 254].

Анализируя визуальную прецедентность на примере медиатекстов, Л. А. Мардиева представляет свою классификацию невербальных ПФ:

1. Собственно иконические прецедентные феномены — вторичные графические и фотографические тексты: плакаты, картины, фотографии и т. д., а также графические и фотографические способы воспроизведения скульптурных изваяний или их фрагментов.

2. Прецедентные жестовые феномены, или жестовые стигматы; в данном случае термин *жест* используется в широком значении и включает в себя все знаковые телодвижения. Исследователь предлагает использовать в связи с этим термин *коды визуального поведения*, что позволит анализировать большее количество знаковых форм поведения. К зрительно воспринимаемым (наблюдаемым) знаковым формам поведения исследователем относятся: «1) жесты, мимика, позы, походка, значимые невербальные действия, т. е. невербальное поведение, или жесты в широком понимании этого термина; 2) окружающие человека вещи, имеющие или приобретающие в определенной ситуации семиотический статус; 3) семиотически значимые визуально наблюдаемые результаты действий человека над своим телом, лицом, волосами (татуировка, косметика, прическа, украшения и пр.)» [Мардиева 2016: 112, 257].

Исследования Л. А. Мардиевой позволяют сделать следующие практические выводы: «...на практике же обнаруживается тесная взаимосвязь всех видов визуальной прецедентности, в том числе и с теми, что традиционно выделяются в лингвистике» [Мардиева 2016: 260].

Предложенные разными исследователями определения визуальной прецедентности имеют один общий компонент: выделяются смешанные — вербально-визуальные — прецедентные феномены, с разницей в номинации понятия, суть указанных феноменов — в одинаковом, однозначном прочтении и отсылке к одному и тому же источнику. Как отмечает Р. Т. Садуов, «вполне логично, что в большинстве случаев прецедентные вербально-визуальные феномены отсылают к креолизованным текстам, которые также состоят из вербальной и визуальной составляющих» [Садуов 2013: 224].

В данной работе мы руководствуемся традиционной типологизацией вербальных ПФ. Вслед за исследованиями Л. А. Мардиевой мы будем придерживаться разграничения терминов «прецедентный визуальный образ» / «прецедентный визуальный феномен», «коды визуального поведения» [Мардиева 2016].

В рассматриваемом дискурсе, в силу специфики пропагандистского материала (широко распространенных креолизованных текстов), частотной становится апелляция к невербальным прецедентным феноменам, подкрепленным вербальным компонентом, нередко также прецедентным (вербально-иконическая прецедентность). Л. А. Мардиева пишет об этом: «Процесс интерпретации прецедентного визуального сообщения в рамках вербальной составляющей поликодового медиатекста есть процесс вовлечения. Прецедентный визуальный феномен, представленный в иконическом тексте, как и всякое визуальное сообщение, занимает сильную позицию в тексте, т. е. это та часть сообщения, на которую получатель информации сразу обращает внимание и которую прочитывает в первую очередь» [Мардиева 2016: 307]. В этом же исследовании у Л. А. Мардиевой описан механизм воздействия на сознание адресата через невербальные ПФ: при ознакомлении с материалом впервые адресат поверхностно читает иконическое сообщение, и в ходе чтения устанавливаются ассоциативные связи с первоисточником. Далее происходит визуальное конструирование, другими словами — актуализация образа психического состоя-

ния. Этот этап способствует формированию эмоционально-оценочного настроения адресата, в результате чего «он оказывается в состоянии повышенной готовности для восприятия запланированного воздействия» [Мардиева 2016: 307]. Роль визуального прецедентного феномена заключается еще и в том, что он является «спусковым механизмом» возбуждения «визуального конструирования читателя в заданном ключе» [Мардиева 2016: 308].

Использование прецедентных феноменов в рамках и без того обладающих высоким прагматическим потенциалом креолизованных текстов наделяет сообщения националистов мощными воздействующими и манипулятивными свойствами. Перейдем к характеристике модели националистического дискурса.

1.2. Понятие и модель современного националистического дискурса

Современная социальная наука подразумевает под дискурсом определенный способ употребления языка. Восприятие и осознание окружающего мира проходит сквозь призму того дискурса, в который мы погружены: научный, религиозный, политический, медицинский, педагогический, националистический и др. По словам В.С. Малахова, «дискурс — это закрепленный в языке способ упорядочения социальной реальности. В той мере, в какой социальная реальность дана нам в качестве дискурсивно организованной реальности, дискурс становится элементом, частью этой реальности» [Малахов 2005: 122].

Сегодня националистический дискурс является объектом исследования многих ученых: историков, политологов, социологов, психологов и др. В России появление термина «националистический дискурс» относится к 1997 г. Это понятие было введено советским и российским историком А. И. Миллером в статье «О дискурсивной природе национализмов» (журнал «Pro et Contra») и вызвало немалый интерес и многочисленные дискуссии в научном сообществе.

А. И. Миллер, основываясь на анализе подходов к определению понятия «национализм» (которые, по мнению исследователя, наибольшим образом от-

ражают дискурсивную сущность идеологии), понимает дискурс как «отложившийся и закреплённый в языке способ упорядочения действительности и видения мира» [Миллер [http](#)]. Он определяет националистический дискурс как «не-что, вмещающее всех участников дискуссий на тему национализма, как публичных, так и научных» [Миллер 1997; цит. по: Головин 2018]. Предложенное определение не нашло поддержки других ученых и стало дискуссионным.

Другой отечественный ученый, крупнейший специалист в области теории национализма В. С. Малахов, дискутирует с трактовкой А. И. Миллера и предлагает свое видение данного понятия. Под дискурсом В. С. Малахов понимает «закреплённый в языке способ упорядочения социальной реальности» [Малахов 2005: 122]. Данное определение позволяет исследователю понимать националистический дискурс как «аналитическую модель, которая дает возможность сопоставить друг с другом различные идеологические конфигурации, а также проследить, из каких элементов эти конфигурации состоят» [Там же: 122—123].

Исследования В. С. Малахова во многом основаны на умозаключениях британского философа И. Берлина, составившего свой перечень элементов структуры националистического дискурса, которые В. С. Малахов предлагает рассматривать в качестве его основных элементов, так как они в полной мере отвечают любому виду и типу национализма. К данным элементам относятся:

- 1) принадлежность к нации — фундаментальная характеристика человеческого существования;
- 2) нация как единый организм;
- 3) вера в моральный приоритет принципа нации;
- 4) «нация» как главное основание всех притязаний на власть [Берлин 2001; приводится по: Головин 2018].

В дискурсивном преломлении феномен национализма рассматривается и американским политическим теоретиком К. Калхуном, интерес которого был сконцентрирован в первую очередь на формах проявления национализма.

По мнению исследователя, «дискурсивная формация национализма — тот способ осмысления социальной солидарности, коллективной идентичности и связанных с ними вопросов, которая играет решающую роль и в производстве националистического самопонимания и в признании националистических притязаний другими» [Калхун 2006: 30]. Исследователь также выделяет 10 элементов националистического дискурса.

В свою очередь, Д. Шварцмантель, раскрывая понятие «националистический дискурс», связывает рост соответствующих настроений в обществе с процессами глобализации: «В современном мире форма „агрессивного“ национализма получила существенный стимул к развитию из-за доминирования идей глобализма» [Шварцмантель 2009; цит. по: Головин 2018]. Исследователь считает, что националистический дискурс выстраивается следующим образом: «принадлежность к нации — это принадлежность к одной культурной или этнической группе, а национальной идентичности угрожают иммигранты, „чужие“. Ученый говорит о том, что примером такого феномена являются, как правило, праворадикальные силы, которые используют националистический популизм и „национальный“ дискурс как стиль в своей политике: они эксплуатируют антииммигрантскую тематику и апеллируют к идее „мы — они“ и „друзья — враги“» [Шварцмантель 2009; цит. по: Головин 2018]. Упомянутые бинарные оппозиции: «мы — они», «друзья — враги» — действительно являются основами националистического дискурса (одной из основ) и, как правило, характеризуют политику праворадикальных партий. Степень радикальности данных оппозиций может варьироваться, что зависит от того, в рамках какого поля действует та или иная организация: легального или находящегося за пределами закона.

Для нашего исследования релевантно понимание националистического дискурса, данное Д. Шварцмантелем, что связано с материалом работы.

Однако классической работой, посвященной идеологии и особенностям дискурса правых националистических организаций, следует, с нашей точки зрения, считать книгу «Политика страха. Что значит дискурс правых попули-

стов?» Р. Водак, где выделяются критерии, которые можно считать базовыми для националистического дискурса, а именно:

1) фокусировка на гомогенном демосе, народе (нативистские критерии определения данных понятий);

2) акцент на «исконной нации», конструирование сценариев угроз («Нам» угрожают «Они»);

3) вера в общий нарратив о прошлом (конструирование ревизионистской истории, в которой «Мы» — герои или «Мы» — жертвы Зла);

4) заговор как неотъемлемая часть дискурса крайне правых, основа которого — дискурс страха;

5) традиционные ценности и моральные принципы как основа идеологии политических партий правопопулистской направленности;

6) антиинтеллектуализм (упрощенные объяснения и решения) [Водак 2018; приводится по: Головин 2018].

Подводя итог теоретическому осмыслению феномена «националистический дискурс», можно согласиться с определением, данным М. С. Головиным: «Националистический дискурс — это способ конструирования/упорядочивания социально-политической реальности с помощью актуализации символического значения нации/национального в контексте глобализации (политической/культурной/экономической), а также кризиса интеграционных процессов» [Головин 2018].

Новые исследования дискурса позволяют сделать выводы о существовании особого уровня дискурса, не относящегося непосредственно к языковой системе, а находящегося на стыке вербальной и невербальной коммуникации. Дискурс — это специфический набор, а в большей степени отбор языковых средств, характерных тому или иному типу дискурсов, дискурс представляется как «ментальный мир», «ментальное пространство» [Плотникова 2000: 34]. Мы попытались сконструировать модель националистического дискурса, которая представляет собой некий единый ментальный мир с характерным набором участников, ситуаций, языковых единиц.

Описание модели националистического дискурса мы осуществляем с помощью алгоритма, предложенного В. И. Карасиком: характеристика типовых участников; описание хронотопа; выявление целей; определение ценностей; описание основных стратегий; описание ключевых жанров [Карасик 2004].

Описание **типовых участников** модели националистического дискурса можно представить в виде следующей схемы:

«СВОИ»		«ЧУЖИЕ»
<i>Адепты националистических организаций</i>	<i>Потенциальная националистическая аудитория</i>	<i>Объекты националистической агрессии</i>

В основе схемы лежит хорошо известная в националистическом дискурсе оппозиционная пара: «СВОИ — ЧУЖИЕ» [см.: Ворошилова 2014]. В свою очередь, категория «СВОИ» может быть представлена двумя типами:

1. Адепты националистических организаций, которые могут быть охарактеризованы по следующим критериям: возраст, пол, социальные условия жизни. Аудиторией националистических группировок, как правило, являются молодые люди, иногда даже не достигшие совершеннолетия, в возрасте от 14 до 30 лет, что обусловлено рядом психологических особенностей данной возрастной категории. Как отмечают социологи: «Социальная неопределенность, тревожность и риски, деформация общественных ценностей и правосознания негативно влияют на нравственно-психологическое сознание и поведение молодежи, повышается уровень ксенофобии, нетерпимости, молодое поколение (особенно в подростковом возрасте) не имеет достаточно твердой установки на неприятие идей экстремизма и терроризма и, тем более, противодействие им» [Маркин, Роговая 2012: 144].

Кроме того, в ходе социологических исследований было выявлено, что жизненная позиция членов молодежных националистических организаций характеризуется «неустойчивостью, неосознанностью выбора, ценностной пустотой, неопределенностью жизненных целей, их суженными границами и гедони-

стической или фаталистической направленностью, личностно-центрированной ориентацией и нарциссическим, изолирующим или депрессивным отношением к себе и к миру в целом», т. е. в целом носит деструктивный характер [Бонкало, Бонкало 2015: [http](#)].

Деструктивность жизненной позиции формируется в определенных социальных условиях. Как правило, те молодые люди, которые попадают в ряды националистических объединений и остаются там, продвигаясь по «карьерной лестнице», являются выходцами из неблагополучных семей. Зачастую такая молодежь проявляет агрессию в отношении государства из-за слабого финансового положения и отсутствия возможности получения образования. Чаще всего, по мнению исследователей, эту нишу занимает безработная молодежь: «Безработные молодые люди, у которых часто нет образования, которые озлоблены на общество и государство, употребляют алкоголь и наркотики, в силу малой защищенности наиболее агрессивны настроены и не толерантны» [Маркин, Роговая 2012].

Немаловажную роль играет гендерный аспект: адептами националистических группировок чаще всего являются лица мужского пола, что связано прежде всего с некоторыми физиологическими особенностями [Киселева 2015: [http](#)].

2. «Потенциальная националистическая аудитория». В рамках данной группы, на наш взгляд, целесообразно выделение нескольких возрастных подгрупп, которые легче всего поддаются деструктивным силам.

Школьники — будучи морально незрелой категорией молодежи, являются для националистических группировок своеобразной потенциальной аудиторией для вовлечения в запрещенную деятельность. Их долго готовят к вступлению в ряды националистов, формируют их мировоззрение до того момента, пока данная возрастная категория не перейдет на следующую ступень — студенчество. Школьники оказываются наиболее подвержены чужому влиянию в силу того, что у данной возрастной категории пока отсутствует способность самостоятельно мыслить. Они более ведомы, находясь в положении зависимости от родителей и окружения, стремятся к самовыражению и автономности через со-

вершение «плохих» поступков «для продвижения в жизни или для того, чтобы быть как все, не выделяться» [Маркин, Роговая 2012: 11].

Студенты — это уже те, кто, как правило, может активно транслировать националистические идеи, кто способен принимать активное участие в националистических митингах, акциях. Студенческая аудитория наиболее эмоциональна в силу юношеского максимализма и односложного черно-белого восприятия межнациональных и межрелигиозных отношений. Возрастные особенности студенчества, по мнению исследователей, характеризуются более высокими протестными настроениями, повышенной активностью и решительностью [Там же].

Школьники и студенты — те категории лиц, на кого в большей степени направлены многочисленные пропагандистские материалы.

Следующая категория оппозиции «СВОИ» — «ЧУЖИЕ» — «объекты националистической агрессии» (те, против кого направлена пропаганда). К данной категории мы относим мигрантов, приезжающих в Россию заниматься трудовой деятельностью, и лиц неславянской национальности. Зачастую националистические настроения направлены против женщин, вступающих в браки с лицами «неславянской внешности». Довольно часто объектом ненависти для националистов становится современное российское правительство. Другими словами, у каждого националистического объединения есть свои антагонисты в зависимости от идеологической концепции: это иностранные граждане (преимущественно под прицелом оказываются лица неславянской внешности, выходцы из Средней Азии и с Кавказа), российское и зарубежное правительство (идет противостояние иностранной культуре и политике) и т. д.

Хронотоп националистического дискурса с точки зрения **временной характеристики** целесообразно соотносить с определенными периодами развития страны. Несмотря на то что современные националистические объединения во многом тяготеют к известным националистическим тенденциям прошлых веков, среди которых имперский национализм, Черная сотня, фашистская Гер-

мания, коммунистическая идеология и другие, сегодня у националистического дискурса своя эпоха, свой период развития и становления, сформировавшиеся под влиянием прошлого опыта. Националистическая идеология XXI столетия во многом отражает своеобразный этап развития нашей страны. Зачастую в материалах националистических организаций мы видим отклик на те или иные политические и культурные события настоящего времени. Эпоха глобализации, пришедшая на смену локализации, привнесла новые краски в идеологию национализма. Апелляция к прошлому национализма указывает на неснижающуюся со временем актуальность проблем нации, однако в каждую эпоху они транслируются по-своему. Вполне вероятно, что те проблемы, которые лежат в основе современного национализма, через несколько десятков лет изменятся на другие, пришедшие на смену сегодняшним.

Местом националистического дискурса можно считать то, где проходят реальные националистические мероприятия: митинги, шествия, пикеты, собрания. Место может быть виртуальным, так как в современном мире национализм распространяется в том числе благодаря развитию интернета. Хронотоп виртуального мира не имеет осязаемых пространственно-временных границ и соответственно обладает размытой структурой.

Отсутствие поддающегося визуализации хронотопа обеспечивает националистическим объединениям возможность взаимодействовать друг с другом, обмениваться мыслями, беседовать, привлекать новых участников, совершать пропагандистские действия в любое время и в любом месте: «Хронотоп виртуальности, теряя свою линейную плоскость, перемещается в объемную форму существования, которая позволяет каждому пользователю создавать свой собственный виртуальный хронотоп, актуальный для него в определенный период времени. Пространственно-временной континуум сжимается, „аккумулируется“ в единой виртуальной точке субъективного восприятия пользователя, которая и становится точкой отсчета» [Селютин 2012: 123].

Цель националистического дискурса — создание русского национально-го государства и правительства, в основе деятельности которых будут лежать национальные интересы русского народа.

Основополагающая **ценность** националистического дискурса — это нация как высшая форма общественного единства, а также все, что связано с нацией: культура, язык, духовное возрастание, духовные ценности, политическая независимость, национальное самосознание, к сохранению и защите которых стремятся националистические объединения.

Стратегии националистического дискурса состоят из коммуникативных интенций, направленных на достижение основных целей рассматриваемого дискурса. Под речевыми стратегиями и тактиками мы понимаем вслед за А. П. Чудиновым следующее: «Коммуникативная стратегия — это основной путь, который должен привести к победе», а коммуникативная тактика — «конкретные приемы реализации стратегического замысла» [Чудинов 2000: 36]. Основной путь, зачастую приводящий к победе националистические объединения, часто соотносим со стратегией дискредитации, реализация которой может осуществляться как вербально, так и невербально.

Стратегия дискредитации направлена на «подрыв доверия к кому-, чему-либо, умаление авторитета, значения кого-, чего-либо» [МАС; цит. по: Иссерс 1997: 2]. В основе данной стратегии, применяемой в националистическом дискурсе, лежит оппозиция «СВОИ — ЧУЖИЕ» [Иссерс 1997], где «СВОИ» — это русские, православные, права которых якобы регулярно ущемляют: их обманывают, «портят» их женщин, завоевывают их территории, вытесняя с родной земли, травят наркотическими средствами, насиluent, спаивают и т. д.; «ЧУЖИЕ» — в первую очередь лица неславянской внешности, мигранты, выходцы из Средней Азии и с Кавказа; кроме того, в категории «чужаков-врагов» находятся и представители Запада (и Запад в целом), и выходцы из КНР. В круг «чужих» включают зачастую представителей российского правительства: президента, министров и всю государственную систему.

Отметим также, что в рассматриваемом дискурсе проявляются и другие речевые стратегии, например, стратегия создания образа освободительной войны, создания образа врага, создания оппозиции по национальному / религиозному признаку [Ворошилова 2014: 243]; стратегия формирования ненависти к «чужим», стратегия побуждения к насилию [Экстремистский текст... 2014: 148—152]; стратегия авторитарного монологического единогласия, стратегия диалогического разногласия, стратегия диалогического согласия [Глухов 2010: 54—57].

Жанровая структура националистического дискурса достаточно разнообразна. Националисты зачастую выбирают такие жанры, как заметка, статья, пост (в интернет-пространстве), кроме того, в последнее время активно используются «аллогенные» жанры, под которыми мы понимаем жанры, порожденные извне, неспецифические, чужеродные рассматриваемому дискурсу, которые соотносятся с пропагандистскими манипулятивными текстами. Это, например, националистические кричалки, жанр беседы и научно-популярная лекция [Бабикова, Ворошилова 2015: 161].

Прецедентные тексты — в националистическом дискурсе представлен объемный корпус ПФ с разными сферами-источниками. Наиболее характерными для данного дискурса и формирующими дискурс следует назвать такие ПФ, которые отражают суть идеологии нацистских государств, преимущественно нацистской Германии, немалый интерес представляет символика Российской империи, актуализируется древнеславянская символика. Отмеченные прецедентные феномены относятся к категории, образующей сам дискурс. Однако отметим общую склонность к фигурированию ПФ с разнообразными сферами-источниками, среди них такие, как мультипликация, кино, литература, музыка и другие. Использование таких ПФ в националистическом дискурсе обусловлено стремлением к сближению с «адресатом».

Дискурсивные формулы националистического дискурса — это в первую очередь лозунги и кричалки типа «*Россия для русских*», «*Вон из России, здесь*

хозяева славяне», *«Сохрани белую расу»*, *«Моя честь называется верность»*, *«Идея без дел мертва»* и др. К дискурсивным формулам националистического дискурса следует также отнести визуальное выражение идеологии через символику — национально-государственную и современную националистическую.

В рассматриваемом дискурсе наиболее популярны жанровые разновидности креолизованного текста. Так, широко распространены невербальные жанры националистического дискурса — агитка, интернет-мемы, граффити, карикатура. Не случайно националистические объединения апеллируют к указанным видам невербальных жанров, так как каждый из них при более подробном рассмотрении обладает сильным прагматическим потенциалом [Ворошилова 2008, 2012, 2016в; Бабилова, Ворошилова 2015; Данилова, Нуриева 2014; Гарев 2004 и др.].

Обобщая признаки националистического дискурса, отметим, что националистический дискурс носит сложный двойственный характер: с одной стороны, дискурс можно охарактеризовать как лично ориентированный, так как между единомышленниками дискурса возникают отношения, предполагающие максимальное сжатие передаваемой информации, переход на особый сокращенный код общения, в ходе которого понимание между коммуникантами происходит «с полуслова», коммуникативная ситуация становится очевидной и подкрепляется лишь многообразием оценочно-модальных, эмоциональных компонентов.

С другой стороны, националистический дискурс может быть охарактеризован как статусно ориентированный (институциональный), так как в его контексте осуществляется речевое взаимодействие между разными социальными группами, которые репрезентируют бинарную оппозицию «СВОИ» — «ЧУЖИЕ». Таким образом, в этих отношениях реализуется схема, описанная В. И. Карасиком: «На периферии институционального общения находится контакт представителя института с человеком, не относящемся к этому институту.

Таким образом, устанавливается следующая иерархия участников институционального дискурса: агент — клиент — маргинал» [Карасик 2004: 245].

Отталкиваясь от сказанного выше, перейдем к используемой применительно к националистическому дискурсу методике описания прецедентных феноменов.

1.3. Методика анализа прецедентности в националистическом дискурсе

На современном этапе изучения прецедентности не существует единой методики анализа ПФ. Выбор методики зависит от направления и целей научной работы, которая диктует приемы сбора, обработки информации и обобщения полученных данных. В данном разделе будут рассмотрены некоторые существующие подходы к исследованию прецедентных феноменов и определена методика, наиболее соотносимая с целями и задачами настоящей работы.

Когнитивный подход к изучению языковых реалий на рубеже XX—XXI веков предопределил появление антропоцентрической парадигмы в языкознании, что позволило по-новому подойти к изучению языка. Указанный подход ориентирован на потребности общества в информации о человеческой жизни, ее социальных, психических и этнокультурных характеристиках. По определению Н. Н. Болдырева, когнитивная лингвистика — это «одно из самых современных и перспективных направлений лингвистических исследований, которое изучает язык в его взаимодействии с различными мыслительными структурами и процессами: вниманием, восприятием, памятью...» [Болдырев 1998: 3]. Определяя язык в рамках когнитивной лингвистики, ученые-когнитивисты подтверждают идеи В. фон Гумбольдта о языке и его взаимодействии с человеком. Язык является основой всех остальных видов человеческой деятельности. Так, В. А. Маслова говорит о том, что «язык — это вербальная сокровищница нации, средство передачи мысли, которую он „упаковывает“ в некую языковую структуру. Знания, используемые при этом, являются знаниями не только о языке, но и о мире, о социальном

контексте, знаниями о принципах речевого общения, об адресате, фоновыми знаниями» [Маслова 2007: 4]. О том, как хранятся знания о мире, о том, как они структурированы в языке и в процессе коммуникации, в своих работах размышляют и другие ученые: Н. Д. Арутюнова, А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, Г. И. Берестнев, Г. А. Волохина, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. Н. Телия, А. П. Чудинов.

Когнитивная лингвистика, как и любая другая наука, гетерогенна в своем содержании, этим обусловлено разнообразие тем и направлений. В рамках нашей работы актуальна проблема прецедентности.

Лингвисты, работающие в рамках когнитивной парадигмы, интересуются прецедентными феноменами прежде всего потому, что данные феномены отражают вербальный уровень, за которым скрывается концептуальный уровень сознания.

На сегодняшний день есть достаточное количество работ, посвященных исследованиям прецедентности, которые основаны на различных методиках анализа. Среди наиболее популярных — определение сфер-источников прецедентных феноменов. Кроме того, в ряде работ предложены результаты анализа трансформаций представленных прецедентных феноменов. Существует ряд работ, посвященных манипулятивной функции прецедентных феноменов в различных дискурсах (реклама, СМИ, политика, спорт и другие).

Существуют работы, посвященные сопоставительной характеристике прецедентных феноменов, функционирующих в российских дискурсах, и ПФ, функционирующих в других языковых культурах: английской, французской, немецкой, китайской и др.

Анализу функциональных особенностей прецедентных феноменов посвящены работы Г. Г. Слышкина, предложившего типовую классификацию функций прецедентных феноменов в тексте [Слышкин 2000: 85—104].

Особенности функционирования ПВ в разговорной речи выявлены в исследованиях Ю. А. Гунько [Гунько 2002: 18].

Сущность прецедентного феномена, его характер, статус, условия его активизации, сфера бытования, способы и средства кодирования, функции прецедентных феноменов, маркеры в текстах / дискурсах разного типа и другие аспекты анализируются в работе Л. И. Гришаевой [Гришаева 2004: 23—24].

В диссертационном исследовании А. А. Адзиновой представлен комплексный подход к анализу ПФ. А. А. Адзинова анализирует прецедентные феномены в заголовках креолизованных текстов, размещенных в глянцевого журналах. Исследователем осуществлена 1) классификация ПФ по лексико-тематическим группам; 2) верификация полученных данных путем проведения лингвистического эксперимента; 3) анализ видов трансформаций заглавий-прецедентизмов «с точки зрения их соответствия/несоответствия структурно-семантической целостности исходных прецедентных текстов, с одной стороны, и типов преобразования их в речевых репрезентациях, с другой стороны» [Адзинова 2007: 16].

Есть исследования, которые посвящены функционированию ПФ уже с конкретными сферами-источниками. Например, О. С. Боярских, рассматривая ПФ со сферой-источником «Литература», предлагает следующую методику анализа ПФ: «1) обнаружение различного рода апелляций к сфере художественной литературы в русскоязычных газетно-публицистических материалах разных жанров (информационных, аналитических, художественно-публицистических) и квалификация данных апелляций в качестве литературных прецедентных феноменов; 2) изучение и классификация различных способов вербализации литературных прецедентных феноменов и их семантических, когнитивных, функциональных и формальных особенностей в печатных СМИ; 3) анализ и классификация источников литературных прецедентных феноменов, функционирующих в российской периодике; 4) изучение и классификация способов взаимодействия литературных прецедентных феноменов внутри связанного текста; 5) установление особенностей восприятия исследуемых единиц потенциальными читателями» [Боярских 2008: 71].

Анализ прецедентных имен в различных типах дискурсов представлен С. Л. Кушнерук в работе, выполненной на материале российской и американской рекламы. В работе сделаны выводы о функциональных свойствах прецедентных имен (определение особенностей актуализации дифференциальных признаков прецедентных имен в рекламном тексте, установление зависимости между характером соотношенности прецедентного имени с первичным денотатом) [Кушнерук 2004: 59].

Г. А. Завьялова в своем диссертационном исследовании уделяет внимание прецедентным феноменам, функционирующим в детективном дискурсе, сопоставляя российский детективный дискурс с английским. Г. А. Завьялова предлагает следующую методику: 1) определение источников прецедентности в детективном дискурсе; 2) определение и описание основных типов ПФ в рассматриваемом дискурсе; 3) анализ функционирования прецедентных феноменов в персонажном и сценарном когнитивных контурах детективного дискурса, выявление связи типов прецедентных феноменов с основными характеристиками детектива; 4) определение национально-культурной обусловленности использования ПФ [Завьялова 2014: 11].

Диссертационная работа М. А. Фокиной предполагает обзор функционирования прецедентных феноменов в политическом дискурсе в целом и в частности в жанре блога (на материале блогов известных политиков). Исследователь предлагает следующие критерии для описания ПФ: прецедентные феномены с точки зрения стратегии самопрезентации, прецедентные феномены с точки зрения интолерантных стратегий и тактик; манипулятивная функция прецедентных феноменов; также рассмотрены функции и способы акцентуации прецедентных феноменов в блогах политиков [Фокина 2016б: 5].

Наряду с анализом вербальных прецедентных феноменов, существует ряд работ, объектом которых становятся изобразительные ПФ или комбинированные вербально-визуальные прецедентные феномены. Аспекты их анализа также

варьируются в зависимости от направления исследования. Рассмотрим подробнее применяемые методики.

Так, Ю. Б. Пикулева исследует прецедентные культурные знаки (ПКЗ), которые могут иметь как вербальное, так и невербальное выражение в телевизионной рекламе. Первый этап исследования ПКЗ — классификация вербальных ПФ и невербальных ПФ, встретившихся в телевизионной рекламе. Следующим этапом стало определение сфер-источников прецедентных феноменов в рекламном дискурсе. На третьем этапе Ю. Б. Пикулева проанализировала принципы синтагматической организации культурных знаков и их функции в тексте телевизионной рекламы, определив тем самым принципы сочетаемости прецедентного культурного знака в контекстной среде, роль в структурировании воздействующей информации и механизмы формирования манипулятивной функции прецедентных вербальных единиц [Пикулева 2003: 4].

Исследование Д. С. Мичурина посвящено прецедентному поликодовому тексту в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ. Д. С. Мичурин вводит в науку понятие *прецедентного вербально-изобразительного текста* и выделяет следующие его типы: интернет-мемы, демотиваторы, веб-комиксы и клише инфографики. Д. С. Мичурин также описывает структуру и закономерности функционирования такого типа текстов [Мичурин 2014].

В диссертационном исследовании Л. А. Мардиевой «Виртуальная действительность в языковой и внеязыковой репрезентации (на материале медиатекстов)» есть глава, посвященная прецедентным визуальным образам и феноменам в медиатекстах. Автор обобщает специальные исследования в области классификации прецедентных визуальных феноменов, рассматривая визуальные прецедентные феномены с прагматической точки зрения с особым вниманием к следующим аспектам: визуальные прецедентные феномены как инструмент воздействия, особенности восприятия визуальных ПФ в контексте журна-

листского вербального сообщения, стратегии кодирования информации, специфика манипулирования сознанием читателей [Мардиева 2015: 336].

На сегодняшний день исследования, посвященные вербальной прецедентности, встречаются чаще, чем исследования в области визуальной прецедентности; это в очередной раз подтверждает мысль о том, что тема прецедентности считается до сих пор дискуссионной и актуальной, имеет немало проблемных вопросов, требующих анализа и изучения.

Итак, с опорой на многообразие существующих методик, с учетом накопленного эмпирического опыта, в данной работе будет использована методика, наиболее подходящая для исследования прецедентных феноменов, функционирующих в националистическом дискурсе, включающая следующие этапы:

- 1) методом сплошной выборки производится отбор креолизованных текстов (размещенных на официальных сайтах националистических организаций и в специальных группах в социальной сети «ВКонтакте»);
- 2) изучение содержательно-семантических свойств ПФ: определение смысловых субсфер-источников;
- 3) анализ вербально-иконической прецедентности с точки зрения типологии, функциональных особенностей, жанровой специфики, механизмов взаимодействия семантических рядов;
- 4) описание полипрецедентности, характерной для националистического дискурса, в рамках двух моделей;
- 5) определение и описание контекстных прецедентных феноменов, функционирующих в националистическом дискурсе;
- 6) определение и описание механизмов воздействия ПФ на сознание молодежной аудитории.

Данная методика анализа прецедентных феноменов, встречающихся в националистическом дискурсе, позволяет, на наш взгляд, реализовать комплексный подход к анализу материала, понять специфику националистической

пропаганды, установить ключевые образы — эталоны дискурса современных российских националистических объединений.

Выводы по первой главе

Вслед за Д. Б. Гудковым и В. В. Красных под ПФ в настоящей работе понимаются те единицы, которые имеют вербальное или визуальное выражение и характеризуются общеизвестностью среди значительной части представителей лингвокультурного сообщества. ПФ могут быть популярны в некоторых малых группах, иметь значение в познавательном и эмоциональном плане, актуализироваться в речи представителей того или иного лингвокультурного сообщества.

Вербальные единицы системы прецедентных феноменов (прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация и прецедентное имя) дополняются средствами визуальной (иконической) прецедентности. Существующие работы в области визуальной прецедентности [Ворошилова 2013; Высоцкая 2013; Мардиева 2016; Пикулева 2003; Садуов 2013 и др.] позволяют говорить о том, что на практике вербальная и визуальная прецедентность находятся в тесной взаимосвязи.

Объектом настоящего исследования является креолизованный текст, соотносимый с националистическим дискурсом. В таких текстах постоянно обнаруживается взаимодополняемость вербальных ПФ и визуальных ПФ. Придерживаясь традиционной типологии вербальных ПФ, вслед за Л. А. Мардиевой мы употребляем термины «прецедентный визуальный образ» / «прецедентный визуальный феномен», «коды визуального поведения».

Нами была представлена модель националистического дискурса, созданная в рамках социолингвистического подхода, предложенного В. И. Карасиком. Нами были охарактеризованы типовые участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, ключевые жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы.

Важным этапом настоящего исследования является определение способа анализа корпуса ПФ. Накопленный эмпирический опыт позволяет нам использовать следующую методику анализа прецедентных феноменов в креолизованных текстах националистического дискурса, соответствующую целям и задачам настоящего исследования, а также специфике рассматриваемого дискурса:

1) с использованием метода сплошной выборки производится отбор креолизованных текстов (размещенных на официальных сайтах националистических организаций и в специальных группах в социальной сети «ВКонтакте»);

2) изучаются содержательно-семантические свойства ПФ (с определением смысловых субсфер — источников);

3) анализируется вербально-иконическая прецедентность с точки зрения типологии, функциональных особенностей, жанровой специфики, механизмов взаимодействия семантических рядов;

4) описывается полипрецедентность, характерная для националистического дискурса, в рамках двух моделей;

5) определяются и описываются контекстные прецедентные феномены, функционирующие в националистическом дискурсе;

6) определяются и описываются механизмы воздействия ПФ на сознание молодежной аудитории.

ГЛАВА 2. ВИДЫ И ФУНКЦИИ ВЕРБАЛЬНО-ИКОНИЧЕСКОЙ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Креолизованный текст в русском националистическом дискурсе: общая характеристика

Молодежные националистические организации, деятельность которых мы часто наблюдаем во Всемирной информационной сети, с целью привлечения внимания и последующего воздействия на сознание и подсознание адресата активно используют яркие листовки, плакаты, демотиваторы и прочие комбинации визуальных и вербальных средств (семиотически осложненные тексты).

Интерес к визуальной информации спровоцирован определенными изменениями в обществе. Как пишет А. Ю. Зенкова, «в рамках процессов глобализации язык визуальных образов более отвечает насущным задачам межнационального общения, а его экономичность, моментальная интуитивная ясность обеспечивает быстроту коммуникативных процессов» [Зенкова 2004: 186].

Прагматический потенциал визуального сообщения намного выше вербального. Адресат быстрее фиксирует в памяти зрительный образ, чем вербальную информацию. Визуальная информация рассчитана прежде всего на эмоциональное, интуитивное восприятие. Как отмечает О. А. Корда, «зрительный, эмоционально насыщенный образ (изображение) схватывается сознанием быстро и легко, этот процесс не требует интеллектуального напряжения» [Корда 2013: 14]. В пользу более высокого прагматического потенциала визуальной информации высказывается А. Ю. Зенкова: «Восприятие визуального образа требует совершенно иных логических операций по сравнению с письменным текстом или устным словом, что снижает критичность мышления, так как картинка дается в целостности одномоментно, ярко и броско, не требуя долгого вчитывания и размышления» [Зенкова 2004: 186].

Однако лишь «синтез вербальных и невербальных средств» формирует информационную емкость и прагматический потенциал креолизованных текстов [Ворошилова 2013: 29].

В научном дискурсе существует множество номинаций феномена взаимодействия двух и более семиотических систем. В нашем исследовании используется термин «креолизованный текст» (КТ), который введен в научный дискурс отечественными учеными-лингвистами Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым. Многие исследователи придерживаются данной терминологии [Анисимова 2003; Аджинова 2007; Бойко 2006; Валгина 2003; Ворошилова 2013; Корда 2013; Садуов 2013].

В работе М. Б. Ворошиловой «Политический креолизованный текст: ключи к прочтению» проведен подробный анализ термина «креолизованный текст» и его вариантов. Автор дает «компромиссное» определение термину и выделяет его ключевые характеристики. Вслед за М. Б. Ворошиловой мы считаем, что креолизованный текст — «текст, обладающий сложной формой, то есть основанный на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата» [Ворошилова 2013: 22].

Ключевые характеристики феномена:

- «– сложная форма;
- сочетание единиц различных семиотических систем (двух и более);
- отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния и т. д.;
- комплексное воздействие текста на адресата» [Ворошилова 2013: 21].

По составу креолизованные тексты не всегда ограничиваются лишь сочетанием вербального и визуального компонента. В зависимости от рассматриваемого дискурса, КТ могут состоять и из звуковых, атрибутивных и других знаковых единиц.

Заметим, что наше исследование посвящено статическим креолизованным текстам, «доминанту поля паралингвистических средств которых образуют иконические (изобразительные) средства» [Анисимова 2003: 8].

Комбинации взаимодействия разных знаковых систем могут зависеть от дискурса, в рамках которого они функционируют. Е. Е. Анисимова выделяет наиболее распространенные модели, которым соответствуют креолизованные тексты националистического дискурса, а именно:

«Изображение + надпись/подпись (плакат, граффити, карикатура);

Серия изображений + сопровождающие их надписи/подписи (комикс, лубок, альбом);

Вербальный текст + изображение/изображения без сопровождающей надписи/подписи (модель характерна для листовок, значительной части художественных текстов);

Основной вербальный текст + изображение/изображения и сопровождающая надпись/подпись (модель типична для газетно-публицистических, научных, научно-популярных текстов)» [Анисимова 2003: 9].

Первую предложенную исследователем модель считаем необходимым дополнить с учетом специфики националистического дискурса. Националистические объединения часто, кроме указанных КТ, используют распространенные в сети Интернет разновидности *интернет-мемов* (рис. 1, 2).



Рис. 1

Источник:

<https://www.deviantart.com/tdc88/art/Keep-Calm-and-Heil-Mein-Fuhrer-349922422>



Рис. 2

Источник: <https://vk.com/event10759451>

Следует также рассмотреть имеющиеся правила (нормы), которые регулируют «внешнее» оформление креолизованного текста. Стандарт, модель (пример «исторически сложившейся практики зрительного воплощения того или иного типа текста» [цит. по: Анисимова 2003: 8]) — это элементы, которые составляют понятие «графической нормы», введенное И. Э. Клюкановым.

Е. Е. Анисимова вводит более широкое понятие, компонентом которого является графическая норма. Это понятие *«коммуникативно-прагматическая норма, объединяющее языковые и неязыковые правила построения текстов в определенной типовой ситуации с определенной интенцией для достижения оптимального прагматического воздействия на адресата»* [Анисимова 2003: 9].

Коммуникативно-прагматические нормы креолизованных текстов националистического дискурса устанавливаются с опорой на общую картину мира адресанта. Современная стилистика КТ включает чаще всего выбор цветовой гаммы, которая воспроизводит палитру, транслирующую идеи фашистской Германии: красный, черный, коричневый. Активны цвета, передающие противопоставление «своих» — «чужих» по цвету кожи: «черный — белый», — кроме того, в современном националистическом дискурсе есть характерные комбинации цветов, например, черно-желто-белый, отсылающий к прецедентной сфере «имперский флаг».

Связь единиц вербального и визуального семиотических рядов на содержательно-композиционном уровне повышает прагматический потенциал семиотически осложненных текстов. При этом отметим, что определенную роль играет взаимодействие визуальных и вербальных элементов, однако интенсивность их взаимодополнения может быть различной. По словам Е. Е. Анисимовой, «элементы двух кодов могут быть интегрированы друг в друга или располагаться обособленно друг от друга. Первый тип связи усиливает слитное восприятие обоих компонентов, он представлен разными комбинациями: вербальный компонент может даваться на фоне изобразительных средств, „окаймляться“ ими, быть вписанным в изображение; в свою очередь, изобразительные

средства могут быть вмонтированы в вербальный компонент (речь идет о так называемых „открытых“, не замкнутых иллюстрациях) и непосредственно включаются в динамику повествования» [Анисимова 2003: 28].

2.2. Механизмы взаимодействия вербально-иконических элементов в националистическом дискурсе

Отношения, возникающие между вербальной и изобразительной частью в рамках одного креолизованного текста, могут быть различными. В лингвистике существуют разные подходы к определению типов корреляции.

В исследованиях Л. Бардена (1975) типология корреляции зависит от характера информации, передаваемой компонентами креолизованного текста: денотативной (*Д*) / коннотативной (*К*). Таким образом, исследователь выделяет 4 типа корреляции:

1. Изображение_{*Д*} + Слово_{*Д*} — в таких текстах оба компонента являются носителями денотативной информации (например, информационное сообщение), однако зачастую в рамках данных типов КТ изображение доминирует над словом.

2. Изображение_{*Д*} + Слово_{*К*} — в подобных моделях изображение передает денотативное значение, а вербальный компонент — коннотативное (например, иллюстрационное сообщение).

3. Изображение_{*К*} + Слово_{*Д*} — в данной модели главная информационная роль принадлежит вербальному компоненту, значение которого носит денотативный характер, тогда как изображение передает коннотативный смысл (например, комментирующее сообщение).

4. Изображение_{*К*} + Слово_{*К*} — в таких текстах оба компонента являются носителями коннотативной информации (например, символическое сообщение) [Bardin 1975; приводится по: Ворошилова 2013: 32].

Е. Е. Анисимова также предлагает классификацию видов корреляции, выделяя два типа отношений между вербальным и невербальным компонентом:

1) *отношения взаимодополнения* — изображение в таких текстах носит автономный характер и может быть понято без дополнительных разъяснений. Вербальный комментарий в таком случае лишь дублирует информацию, передаваемую изображением. Таким образом, вербальный комментарий выполняет дополнительную функцию;

2) *отношения взаимозависимости* — в рамках отношений взаимозависимости изображение, наоборот, находится в позиции зависимости от вербального компонента, который определяет его интерпретацию. В случае отсутствия вербальной (пояснительной) части смысл изображения может быть неправильно истолкован. Таким образом, вербальный комментарий выполняет основную функцию [Анисимова 2003: 12].

Классификацию взаимоотношений между вербальной и изобразительной частью предлагает С. Д. Зауэрбир. Описанные виды корреляции зависят от референтной соотнесенности составных частей:

– *параллельная корреляция* — предполагает полное совпадение содержания рисунка и вербальной части;

– *комплементарная корреляция* — содержания двух частей частично перекрывают друг друга;

– *субститутивная корреляция* — при этом виде связи изобразительная информация замещает вербальную информацию;

– *интерпретативная корреляция* — связь между элементами при данном типе корреляции устанавливается на ассоциативной основе [Sauerbier, 1978; приводится по: Анисимова 2003: 12—13].

М. Б. Ворошилова на основе анализа существующих типологий КТ по способу корреляции компонентов разработала свою классификацию [Ворошилова 2013]. Классификация, предложенная М. Б. Ворошиловой, наиболее актуальна в рамках изучения КТ, функционирующих в националистическом дискурсе.

Исследователь выделяет типы корреляций с опорой на прагматический потенциал компонентов.

1. **Параллельная корреляция** — семантика и прагматический потенциал компонентов указанного типа текстов совпадают практически полностью (например, учебные КТ).

2. **Перекрестная корреляция** — семантика и прагматический потенциал компонентов указанного типа текстов частично перекрывают друг друга (преобладающее большинство создаваемых КТ).

3. **Оппозитивная корреляция** — семантика и прагматический потенциал невербальной части вступает в противоречие с вербальной частью, что часто дает комический эффект (например, рекламные тексты).

4. **Интерпретативная корреляция** — вербальная и иконическая части по содержанию взаимосвязаны на ассоциативной основе (например, тексты художественного дискурса).

5. **Поддерживающая корреляция** — один из компонентов дополняет другой (поддерживает семантику второго) с целью выделения некоего важного акцента. Данной функцией может быть наделен как вербальный компонент, так и невербальный, в этой связи выделяют два подтипа поддерживающей корреляции:

- вербально поддерживающую и
- невербально поддерживающую корреляцию [Ворошилова 2013: 35—37].

Многие исследования в области креолизованных текстов посвящены вопросам статуса, значения, роли изобразительного компонента в процессе восприятия и понимания КТ. Ранее нами было отмечено, что прагматический потенциал визуальных компонентов превышает прагматический потенциал вербального текста, но создание КТ невозможно без взаимодействия указанных семиотических кодов. В данном контексте ученые предлагают рассматривать, в каких взаимоотношениях находятся эти коды, выявляют степень участия вербальных и невербальных компонентов в организации креолизованных текстов.

Так, Е. Е. Анисимова предлагает выделять три группы текстов:

1. *Тексты с нулевой креолизацией* — в подобных текстах изображение не имеет значения, поэтому в тексте не представлено.

2. *Тексты с частичной креолизацией* — несмотря на присутствие изобразительного компонента, вербальная часть все же является относительно автономной, «между вербальными и изобразительными компонентами складываются **автосемантические отношения**». В организации данного типа текстов изобразительный компонент носит факультативный характер.

3. *Тексты с полной креолизацией* — в данном типе текстов элементы вербальной и невербальной системы тесно взаимосвязаны, «между обоими компонентами устанавливаются **синсемантические отношения**». В вербальной части есть отсылка к изобразительному компоненту, а изображение носит статус обязательного элемента [Анисимова 2003: 15].

В исследованиях А. А. Бернацкой также предложено три типа текстов с различной степенью креолизации:

1) сильная — элементы креолизованного текста равноценны и находятся в полной взаимозависимости;

2) умеренная — одна из систем КТ доминирует над другой;

3) слабая — «речь идет о традиционных параязыковых средствах коммуникации (фонационных, кинетических, графических)» [Бернацкая 2000; приводится по: Ворошилова 2013: 31].

Сравнивая предложенные учеными классификации текстов по степени креолизации, отметим, что введение понятия «слабая креолизация» кажется нам наиболее подходящим решением, так как в современном коммуникативном пространстве «чистых текстов» практически не встречается, поскольку даже при отсутствующих изобразительных компонентах мы будем оценивать письменный текст в том числе с учетом размера и гарнитуры шрифта, цветовой гаммы и т. д.

Коммуникативно-когнитивная установка авторов креолизованных текстов определяет целостность их темы и выбора средств передачи смысла. Как

отмечает Е. Е. Анисимова, «креолизованный текст предстает сложным тексто-вым образованием, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 2003: 17].

Смысл, передаваемый разного рода креолизованными текстами, основан на тесном взаимодействии между вербальным и иконическим компонентом. Эта взаимосвязь (в зависимости от типа КТ) обнаруживается на разных уровнях: содержательном, содержательно-языковом, содержательно-композиционном. Рассмотрим взаимосвязь компонентов КТ в националистическом дискурсе.

Связность компонентов на содержательном уровне представлена двумя основными типами:

1) *денотативная соотнесенность* — как вербальный, так и иконический знак (представленные в рамках одного КТ) обозначают одни и те же предметы, явления, ситуации реального мира;

2) *опосредованная денотативная соотнесенность* — как вербальный, так и иконический знак (представленные в рамках одного КТ) обозначают разные предметы, явления, ситуации реального мира, связанные между собой: а) тематически или б) ассоциативно [Анисимова 2003: 18].

Данный вид связи наиболее ярко представлен в текстах с полной креолизацией, так как очень важно для понимания текста полное семантическое соотнесение вербального и иконического элементов.

Семантические связи в КТ с полной креолизацией могут быть представлены двумя типами:

1) вербальный компонент не имеет смысловой самостоятельности при наличии определенного значения, соответственно должен быть соотнесен с иконическим компонентом (рис. 3).



Рис. 3

Источник: https://vk.com/photo-33375495_309350576?rev=1

Вербальный ряд представлен высказыванием «*Только вместе*». Однако смысловую завершенность оно принимает только при установлении семантической связи с иконической частью, которая представлена прецедентным символом «кельтский крест» и контекстным прецедентным феноменом — образом волка. Совокупное прочтение КТ дает понимание того, какие цели объединяют тех, кто «вместе»;

2) значение вербального компонента определено, обладает полной смысловой самостоятельностью, но соотнесение с иконическим компонентом позволяет правильно истолковать общий смысл сообщения (рис. 4).



Рис. 4

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

Значение вербального компонента «*Стань патриотом*» очевидно. Однако данная фраза, встроенная в националистический контекст, приобретает иное значение за счет иконической составляющей (изображение прецедентного визуального образа бойца на фоне черно-желто-белого флага), что очень важно для интенции адресанта. Адресату становится понятно, какой смысл адресант вкладывает в лексему «патриот». В националистическом дискурсе патриот — это националист.

Связность компонентов на содержательно-языковом уровне представлена двумя типами, которые могут прослеживаться как на уровне плана содержания, так и на уровне плана выражения.

1. Эксплицитно выраженная связность включает в себя несколько видов связности:

– *структурная связь*. Иконические знаки буквально вмонтированы в вербальный компонент. Иконический компонент может служить синтаксическим эквивалентом членов предложения.

Как такой тип связи реализуется в националистическом дискурсе, демонстрирует пример на рис. 5.



Рис. 5

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Вербальный ряд — это фраза «*Вход только для белых!*». Иконический компонент — прецедентный визуальный образ (кельтский крест) — дополняет семантику вербального ряда, усиливая ее;

– *идентифицирующая связь*. Иконические знаки олицетворяют адресата или адресанта сообщения. Данный тип связи нередко применяется в рекламе, где используется прием персонификации и речь ведется с помощью личных и притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица. Отметим, что данный вид связи характерен и для националистических плакатов, на которых зачастую изображены лидеры запрещенных группировок, призывающие пополнять ряды националистов и поддерживать соответствующую идеологию. Так, в шуточном КТ (рис. 6) представлено изображение А. Гитлера с цитатами: «Я — фашист? Муссолини коммунист тогда что-ли?» (орфография сохранена). Личное местоимение «я» связывает вербальную часть КТ с иконической — фотографией фюрера. Таким способом идентифицируется отправитель сообщения;



Рис. 6

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

– *дейктическая связь*. В данном виде связи вербальный компонент отсылает адресата к изобразительной части креолизованного текста. Дейктическая связь является наиболее универсальной в разных сферах коммуникации. Данный тип связи можно назвать наиболее частотным в рамках националистического дискурса. Например, на рисунке 7 мы видим надпись «*Будущее принадлежит НАМ!!!*». Компонент «нам» отсылает к изображению молодого человека с поднятой вверх правой рукой, что, в свою очередь, отсылает нас к идеологии нацистской Германии. Кроме того, воинствующий настрой мужчины подкреплен изображением скрывающей лицо маски.



Рис. 7

Источник: https://vk.com/photo-149747365_456240383?rev=1

2. Имплици́тно выра́женная связно́сть предполагает неявно выраженный характер смысловых отношений между вербальными и иконическими компонентами. Суть таких креолизованных текстов улавливается за счет более глубокого соотнесения обоих компонентов, выявления их внутренних семантических связей [Анисимова 2003: 20—24]:

Связность вербального и иконического компонентов на содержательно-композиционном уровне. По словам Е. Е. Анисимовой, это «определенные семантико-синтаксические отношения, проявляющиеся в порядке расположения вербальных и иконических элементов в содержательной структуре — внутренняя, или семантическая соотнесенность компонентов и в формальной структуре текста — внешняя, или визуально-пространственная соотнесенность компонентов» [Анисимова 2003: 24]. Рассмотрим подробнее каждый из видов соотнесенности компонентов:

а) внутренняя (семантическая) соотнесенность компонентов предполагает корреляцию иконических компонентов с разными частями вербального компонента. Для националистического дискурса характерен лишь один тип связи — связь изображения с предложением или его частями. Это связь изображения с буквой. Наиболее характерен такой вид связи для учебной литературы, однако, несмотря на это, в националистическом дискурсе часто встречаются

ся КТ такого плана. Например, дана заглавная буква, лексема, начинающаяся с этой буквы, и визуализированный ряд, дополняющий образ (см. рис. 8): заглавная буква «А» и лексема «*Антифашист*». Визуальный ряд создает образ, который коррелирует с лексемой. Следует отметить, что такой тип взаимоотношений между вербальным и визуальным рядом чаще всего носит иронический характер.



Рис. 8

Источник: https://vk.com/photo-33375495_339714229?rev=1

Связь изображения со словом или словосочетанием. Вид связи характерен также для учебной литературы и иллюстрированных словарей, справочников. В националистическом дискурсе не встречается.

Связь изображения с предложением или его частями. Вид связи используется преимущественно в объявлениях или инструкциях. Однако в националистическом дискурсе есть КТ, представляющие собой некие инструкции, как например на рисунке 9.



Рис. 9

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

В данном примере в качестве вербального элемента выступает один общий заголовок «Национал-Социализм». Иконические компоненты иллюстрируют понятие, выраженное вербально. Во-первых, фон — полотнище флага Третьего рейха. Во-вторых, значки, размещенные в центре флага, демонстрируют адресатам сущность феномена: в национал-социализме не приветствуют табакокурение, не употребляют алкоголь, наркотики, не смотрят ТВ, но занимаются единоборствами.

Связь изображения с одним или несколькими абзацами. Широко представлена в научных, научно-технических текстах. В националистическом дискурсе не встречается.

Связь изображения с относительно большими по объему фрагментами вербального компонента (главами, разделами, параграфами и т. д.). Вид связи чаще всего встречается в научно-популярных, художественных текстах. В националистическом дискурсе не встречается.

Связь изображения со всем произведением — в националистическом дискурсе не встречается;

б) *внешняя (визуальная соотнесенность) компонентов.* Важную роль в организации креолизованных текстов играет пространственное расположение компонентов. Некоторые структурные особенности КТ важны для интерпрета-

ции его содержательной стороны. Среди них Е. Е. Анисимова выделяет место расположения иконических и вербальных элементов на бумажном листе, т. е. отдаленность визуальных и иконических компонентов друг от друга (в одном визуальном поле или в разных визуальных полях). Изобразительный компонент может располагаться вверху, внизу, сбоку, в середине бумажного листа и т. д. Данный вид связи также не рассматривается нами в силу специфики исследовательского материала.

Итак, креолизованные тексты как семиотически осложненные феномены включают в себя всевозможные типы знаков, а иногда и сами выступают в качестве знаков. Анализ видов отношений между знаками креолизованного текста позволяет более полно представить специфику креолизованных текстов.

Перейдем к жанровой дифференциации корпуса креолизованных текстов, соотносимых с националистическим дискурсом.

2.3. Жанровая специфика креолизованных текстов в националистическом дискурсе

Наиболее популярными видами креолизованных текстов, функционирующих в националистическом дискурсе, являются агитка, креолизованные интернет-мемы (демотиваторы, интернет-комиксы, эдвайсы и пр.), граффити, карикатура. Остановимся подробнее на каждом из них.

АГИТКА. В Большом толковом словаре дано следующее определение: «Агитка — литературное, живописное и т. п. произведение, преследующее агитационные пропагандистские цели» [Кузнецов 2014: <http>]. Националисты активно используют данную форму пропаганды своих идей (рис. 10, 11). Часто в основе такого креолизованного текста лежит апелляция к агиткам советских времен.



Рис. 10

Источник:

<http://ucrazy.ru/interesting/1234336944-современnyeantialkogolnyeplakaty.html>



Рис. 11

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

ГРАФФИТИ (рис. 12, 13) — это креолизованный текст, ставший популярным среди националистов и успешно транслирующий их идеологию. В отличие от предыдущих типов КТ, граффити «выходит на улицу», охватывая разнообразный контингент реципиентов. В Большом толковом словаре граффити определяются как «надписи на стенах зданий, сделанные от руки» [Кузнецов 2014: http]. Использование жанра граффити обусловлено способностью последних в самых изощренных художественных формах, иногда лишь одной, но ставшей уже прецедентной фразой, выразить идеологию, направленную на разжигание вражды и ненависти по признаку расовой, религиозной принадлежности. К основным элементам рассматриваемого жанра следует отнести визуальные и вербальные символы. Ведущую функцию выполняет именно визуальный компонент, который нередко полностью дублирует компонент вербальный.

В настоящее время граффити часто «связаны с „опозиционной“ субкультурой: они могут служить неким „индикатором“ политической активности, а нередко являются и средством выражения политической позиции, такие граффити можно обозначить как политические. Политические граффити особенно популярны среди группировок, исключенных из установленной политической системы, например, националистические, экстремистские» [Ворошилова 2016в: 60].



Рис. 12



Рис. 13

Источник: <https://pbs.twimg.com/media>

Источник: <https://www.google.com/search>

КАРИКАТУРА (рис. 14). Еще один способ трансляции националистической идеологии, а также высмеивания, дискредитации современной власти и современной политической ситуации — это карикатуры. В Большом толковом словаре под редакцией С. А. Кузнецова дано следующее определение: «Карикатура — 1. Рисунок, изображающий кого-, что-л. в намеренно искажённом, подчеркнуто смешном виде; 2. Смешное, убогое подобие кого-, чего-л.» [Кузнецов 2014: http].

Современные исследователи определяют рассматриваемый феномен двояко: с одной стороны, это сатирическое или юмористическое изображение, в котором представлены неожиданные сопоставления или уподобления, возможны заострения или преувеличения каких-либо черт, что создает комический эффект. С другой стороны, карикатура рассматривается как жанр изобразительного искусства, лежащий в основе изобразительной сатиры. Содержание его часто отличается тенденциозной социально-критической направленностью с целью высмеивания каких-либо социальных, бытовых, общественно-политических явлений или реальных лиц [Ворошилова 2010: 91]. Кроме того, современная карикатура — это не просто отражение каких-либо явлений, это «значимый источник данных о взаимоотношениях между людьми, политическими событиями и властью» [Будаев, Чудинов 2006: 132].

Использование карикатуры националистическими объединениями позволяет последним стать «ближе» к адресатам, вызвать доверие к себе через юмор. Эмоциональная окраска (реализованная через юмор), придаваемая в карикатуре политическим событиям и деятелям, упрощает восприятие информации, делает ее доступной для всех социальных групп. По этому поводу М. Б. Ворошилова пишет: «Юмор, и в том числе политический юмор, позволяет в яркой, сконцентрированной, „сжатой как пружина“ форме вскрыть противоречия, двойные стандарты, столь распространенные в политике, нередко наглядно демонстрируя абсурдность ситуации» [Ворошилова 2010: 90].



Рис. 14

Источник: https://vk.com/photo-33375495_456239238?rev=1

ИНТЕРНЕТ-МЕМ. Интернет, являясь одним из основных хранилищ и каналов распространения информации, порождает новые виды текстов. К современному способу хранения и трансляции элементов культуры относятся такие единицы информации, которые распространяются от человека к человеку посредством сети Интернет и называются мемами. Этот термин был введен Р. Докинзом в первом десятилетии XXI в. Под мемом понимается идея, информация, образ или же объект культуры. Мемы перенимаются многими членами интернет-сообществ, имеют высокую скорость циркуляции в Интернете и регулярную воспроизводимость. Мемы являются феноменом, склонным к постоян-

ному обновлению, смешиванию, трансформации для образования более сложного и специфического языка интернет-сообществ, что обеспечивает популярность мемов [Щурина 2014а: 102].

Рассмотрим жанровую классификацию интернет-мемов, наиболее популярных в современном националистическом дискурсе.

Демотиватор. Относительно новый вид коммуникации, зародившийся в интернет-пространстве и достаточно быстро ставший популярным как среди широкого круга пользователей Интернета, так и среди узконаправленных группировок (субкультур). Жанр демотиватора возникает в США в конце XX в. как один из видов манипулятивных технологий в сфере управления персоналом. Создавались мотивационные плакаты по типу социальной рекламы. Их задачей была пропаганда позитивного взгляда на мир, формирование активной жизненной позиции, формирование определенных настроений в обществе, в школьной и молодежной среде. Однако популярными мотиваторы не стали, так как были неинтересными и «неталантливыми». В связи с этим распространилась практика пародирования мотиваторов, осуществляемого в форме создания демотиватора. Демотиватор — это изображение, состоящее из графического компонента в черной рамке и поясняющего его лозунга, создающегося по особым правилам [Бугаева 2011: 148].

Жанр демотиватора подчиняется определенным правилам конструирования, среди которых выделяется правильное размещение следующих элементов: визуальный компонент (рисунок, плакат, фотография), обрамленный в черную рамку, ниже следует лозунг, выделенный крупным шрифтом, следом за лозунгом какое-либо пояснение или цитата, набранная более мелким шрифтом — последний компонент призван подробнее объяснять идею демотиватора, но при этом эта часть не является обязательной и зачастую отсутствует.

Демотиватор удобен в плане ухода от ответственности, так как одной из особенностей данного жанра является анонимность, что «развязывает» руки в выборе как изобразительных, так и вербальных средств (рис. 15, 16).

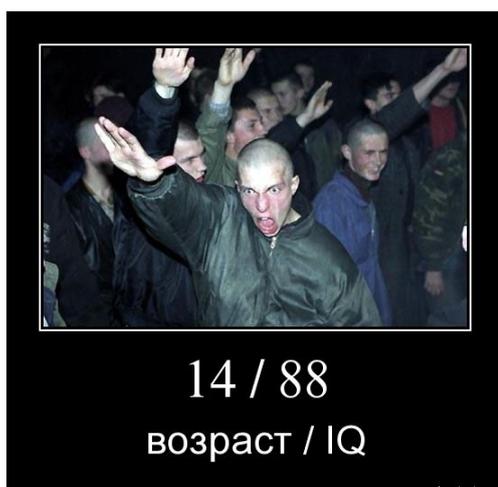


Рис. 15

Источник: <https://u-kpt.ru/polezno-znat/chto-znachit-1488.html>



Рис. 16

Источник: <http://pn14.info/?p=188462>

Макрос (или **макро**). Тексты, содержащие визуальный компонент, главная цель которого — передача эмоций по отношению к предмету. Визуальный компонент может быть представлен удачной или, напротив, курьезной фотографией, или же кадром из фильма. Поза, жесты, выражение лица, взгляд — все это отражает определенную эмоцию, состояние. Таким образом, макрос имеет двухчастную структуру, где текстовый компонент транслирует конкретное событие, а изображение — сопутствующий эмоциональный настрой (рис. 17).

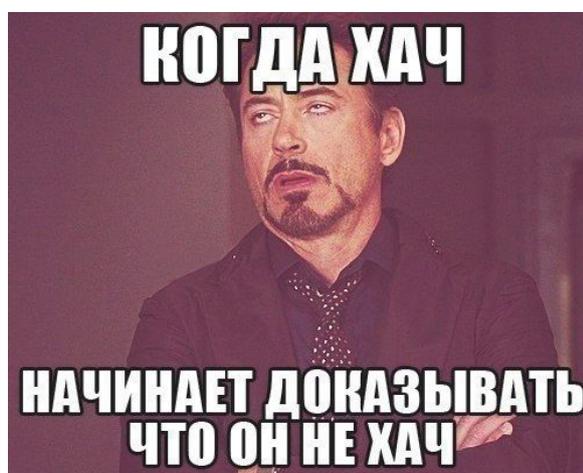


Рис. 17

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Эдвайсы (от англ. *advice* — «совет»). Категория мемов-картинок с разными животными или персонажами на цветном фоне. Сверху и снизу размещены остроумные фразы, которые приписываются персонажу в центре.

Структурной особенностью данного жанра является его трехчастная композиция:

- фон — цветовая подложка (служащая определенным жанровым знаком);
- визуальный знак — прецедентное изображение, визуальный мем, задающий тематику или определяющий дискурс;
- вербальный компонент — двухчастное высказывание, неоспоримое или представляющее собой совет.

К наиболее распространенным визуальным образам, характерным для данного типа мемов, относят «Филологическую деву, Скучающего Ботана, Улыбчивого кавказца, Котэ и др.» [Щурина 2014в: 87]; «филосораптора, голубя-религиоведа, медведя-педофила и др.» [Мичурин 2014: 68].

В националистическом дискурсе встречаются макросы с общеузнаваемыми персонажами, такими как «Филосораптор», «Улыбчивый кавказец». Зачастую заимствуется именно форма эдвайса, а остальные компоненты, такие как цветовая наполняемость и образы, продиктованы семантикой дискурса.

К наиболее популярным цветовым комбинациям следует отнести те, которые способны актуализировать в сознании реципиента нацистскую символику: черный, красный, белый, коричневый. Актуальна «переключка» черного и белого цветов как визуальное выражение оппозиции «СВОЙ» — «ЧУЖОЙ».

Среди наиболее популярных образов, встраиваемых в канву националистического эдвайса, отмечены следующие: «Злой волк», «Адольф Гитлер», «Представитель сообщества „Ку-клукс-клан“», «Улыбчивый кавказец — 2», «Типичный иммигрант», «Baby win», «Мультиплицированный афроамериканец» (рис. 18, 19).



Рис. 18

Источник: https://vk.com/photo-33375495_309048393?rev=1

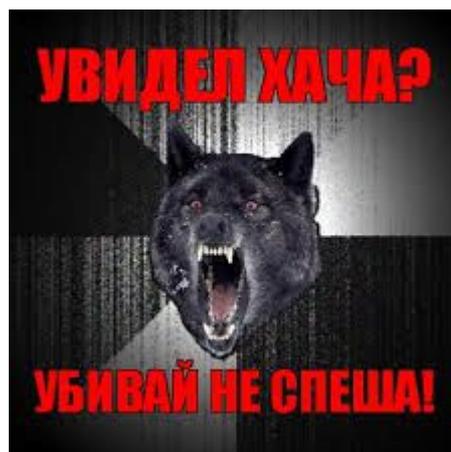


Рис. 19

Источник: https://vk.com/album-33375495_00

Интернет-комикс (в иной терминологии — стрип-комикс [Ухова 2014]). Е. А. Нежура определяет данную разновидность интернет-мема как «лаконичные креолизованные тексты, включающие обычно 2—4 изображения, иллюстрирующие веселую историю. От обычных комиксов они отличаются минимализмом оформления и наличием шаблонных элементов. Полученный результат может выглядеть неаккуратно, но вызывает у пользователей неизменно положительные эмоции благодаря забавному и незамысловатому сюжету» [Нежура 2012: http].

Интернет-комикс имеет двухчастную структуру, где вербальный компонент зачастую представлен в виде традиционных для жанра комикса реплик, а визуальный компонент — сюжетной зарисовкой, упрощенной до «визуальной примитивности». В современном националистическом дискурсе в качестве наиболее востребованного визуального образа используются А. Гитлер, представители Ку-клукс-клана, герои российских (советских) мультфильмов и сказок, собирательные образы различных национальностей и рас, таких как русские, африканцы, кавказцы, евреи.

Характерной чертой интернет-комиксов националистического дискурса является тематическая обусловленность. Используя интернет-комикс, национа-

листы обычно проигрывают какую-либо ситуацию, направленную на оскорбление, высмеивание, унижение «ЧУЖОГО».

Для выражения эмоций авторы националистических комиксов активно используют популярные в интернет-пространстве так называемые «Rage faces» — «мемо-рожицы», представляющие собой зарисованное лицо, выражающее определенную эмоцию, линию поведения. Среди актуализируемых в националистическом дискурсе «Rage faces» нами были отмечены «Trollface»; «Me gusta»; «Forever alone»; «Ffuuu»; «Cuteness overload»; «LOL guy»; «Яо Мин»; «True story»; «Agog» и другие. Мы не считаем этот список исчерпывающим в силу постоянного возникновения новых интернет-мемов (рис. 20,21).



Рис. 20

Источник: https://vk.com/photo-33375495_351614393?rev=1

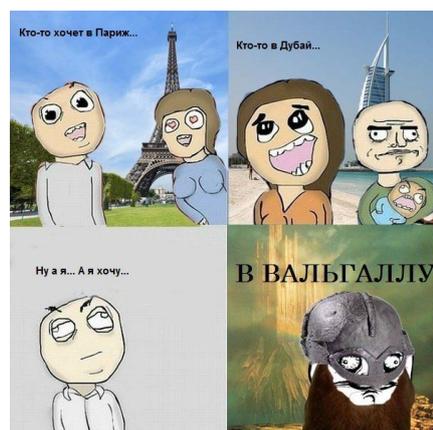


Рис. 21

Источник: https://vk.com/photo-149747365_456239654?rev=1

«Аткрытка». Структура данного текста также носит двухчастный характер. Вербальный компонент представлен, как правило, ироническим высказыванием.

Визуальный компонент представлен рисунком, стилизованным «под старину» на однотонном фоне пастельных оттенков (отличий в выборе фонового цвета не зафиксировано).

Тематика текстов «аткрыток» определяется спецификой дискурса (рис. 22).



Рис. 22

Источник: https://vk.com/photo-33375495_327645447?rev=1

В целом креолизованные тексты в рамках националистического дискурса легко воспринимаются и имеют добавочное смысловое наполнение, которое усиливается за счет прецедентных феноменов.

Специфика креолизованного текста в полной мере соответствует целям националистических объединений: корреляция зрительных образов и слова является эффективным приемом манипуляции сознанием общества. Соединение перечисленных компонентов образует «кооперативный эффект», когда два типа восприятия «входят в резонанс и взаимно „раскачивают“ друг друга». Контрапункт, гармоничное многоголосие смысла и эстетики — вот основа эффективности различных средств информации. «Они одновременно захватывают и мысль, и художественное чутье („семантика убеждает, эстетика обольщает“»)» [Кара-Мурза 2007: 115].

Креолизованные тексты ориентированы на специфику восприятия информации современным человеком: информация, основанная на изображении, как бы более «ленивая», она не требует от адресата больших усилий. Как отмечает С. Г. Кара-Мурза, информация, поступающая человеку по одному каналу, будь то через слово или зрительный образ, контролируется им, поддается фильтрации, но при соединении нескольких каналов «эффективность внедрения резко возрастает — „фильтры“ рвутся» [Там же: 350].

Однако, несмотря на очевидность прагматического потенциала КТ в националистическом дискурсе, требуется более подробное описание некоторых

средств манипуляции, и в частности прецедентных феноменов, составляющих ткань креолизованных текстов националистического дискурса.

2.4. Типология вербально-иконической прецедентности в националистическом дискурсе

В основе классификации прецедентных феноменов в националистическом дискурсе лежит классическая типология: прецедентные текст, высказывание, ситуация, имя [Гудков 1997]. Вместе с тем, опираясь на специальные исследования Л. А. Мардиевой, мы поддерживаем тот факт, что практически каждый вербально выраженный прецедентный феномен может быть материализован в иконических текстах. Так, например, еще Д. Б. Гудков говорил о возможности вербализации прецедентных текстов и прецедентных ситуаций [Гудков 1999, цит. по: Мардиева 2016: 256]. Однако полностью согласиться с данным утверждением нам не представляется возможным, так как прецедентные образы — единицы ментального уровня, а «мышление происходит не только на базе естественного языка, прецедентные образы не могут быть исключительно вербальными». Например, прецедентное имя *Гитлер* в сознании среднестатистического носителя русского языка и культуры хранится в свернутом виде, при актуализации, возможно, выплывают наиболее яркие отличительные образы — характерные усы, способ приветствия фюрера (рука, поднятая вверх под определенным углом). В этой связи могут быть актуализированы и события (ситуации), связанные с прецедентным именем. Иными словами, образ Гитлера вбирает в себя и вербализацию, и визуализацию, что является результатом материализации идеального образа сознания.

Другим примером может считаться изображение концлагеря, которое сразу отсылает адресата к прецедентному событию Великой Отечественной войны — холокосту и вызывает определенные эмоции, чувства, а также актуализирует всю цепочку связанных с этими событиями прецедентов.

То же самое касается и других прецедентных феноменов (прецедентного высказывания, прецедентной ситуации, прецедентного текста), с одной лишь разницей: будучи объективированными в невербальных знаках, при прочтении они требуют перекодировки на естественный язык: «...на стадии расшифровки сообщения прецедентное высказывание (*текст, ситуация, имя*) действительно является образованием вербальным. Однако с позиции отправителя сообщения прецедентное высказывание может быть как вербальным, так и невербальным» [Мардиева 2016: 257].

Вслед за Л. А. Мардиевой мы используем понятия «прецедентный визуальный образ / прецедентный визуальный феномен», «коды визуального поведения». Эти термины обозначают также собственно иконические и прецедентные жестовые феномены, или стигматы. Попытаемся адаптировать данную типологию к националистическому дискурсу.

1. Собственно иконические прецедентные феномены — вторичные графические и фотографические тексты: плакаты, картины, фотографии. В националистическом дискурсе к данной группе относятся символика (национально-государственная, современная националистическая, в том числе графическая и дискурсивная), а также собирательные образы (славянки, образы воинов, богатырей, современных защитников родины).

2. Прецедентные жестовые феномены, или жестовые стигматы (термин *жест* используется в широком значении и включает в себя все знаковые телодвижения). Вслед за Л. А. Мардиевой мы используем в данном контексте термин *коды визуального поведения*, что позволяет анализировать большее количество знаковых форм поведения. К зрительно наблюдаемым знаковым формам поведения в националистическом дискурсе мы относим:

- жесты, мимику, позы, походку, значимые невербальные действия, т. е. невербальное поведение, или жесты в широком понимании этого термина. Например, узнаваемый в националистическом дискурсе и доступный к прочтению большинством адресатов жест — нацистское

- приветствие. Приветствие в Третьем рейхе состояло из поднятия правой руки под углом примерно в 45 градусов с распрямленной ладонью и немецкого восклицания *Heil Hitler!* — «*Да здравствует Гитлер!*»;
- окружающие человека вещи, имеющие или приобретающие в определенной ситуации семиотический статус. В данном случае нами выделена целая категория кодов визуального поведения. Это в основном атрибутика молодежных националистических организаций: военные ботинки (берцы) — любимая обувь скин-движения, кастет и нож, которые так часто фигурируют в КТ националистического дискурса;
 - семиотически значимые визуально наблюдаемые результаты действий человека над своим телом, лицом, волосами (татуировка, косметика, прическа, украшения и пр.). В данной подгруппе речь идет об узнаваемых усах Гитлера, бритых головах скинхедов и т. д.

Итак, предложенная типология вербально-иконической прецедентности в достаточной степени характеризует исследуемый дискурс. Однако важно учитывать, что каждый из перечисленных ПФ немислим без субъекта. Как отмечает Л. А. Мардиева, «человек создает прецедентный текст, человек выступает в качестве субъекта или объекта прецедентной ситуации или субъекта, продуцирующего то или иное прецедентное высказывание, и именно человек — личность, включенный в разнообразные социальные отношения, не только является создателем артефактов культуры, но и сам является продуктом культуры» [Мардиева 2016: 257]. Перейдем к рассмотрению функционирования прецедентных текстов как проявления деятельностной специфики субъекта — адресанта националистических сообщений.

2.5. Функции вербально-иконической прецедентности в националистическом дискурсе

Важным является вопрос о функциях прецедентных (как вербальных, так и визуальных) феноменов. Почему они столь часто используются при создании пропагандистских текстов? Прежде всего прецедентные феномены — это единицы, известные большей части представителей русского лингвокогнитивного сообщества, или единицы, известные узкому кругу людей, так называемые социумно-прецедентные.

Кроме того, прагматический потенциал прецедентных феноменов проявляется в том, что благодаря им в сознании адресата происходит актуализация знаний и представлений, которые напрямую связаны с прошлым культурным опытом языкового сообщества. Прецедентные феномены способны воздействовать на эмоциональный и интеллектуальный уровень человеческого восприятия. Смыслы, возникающие при апелляции к прецедентным феноменам, обычно коннотативно окрашены, что является условием актуализации прагматического потенциала ПФ. Обратимся к ряду важных функций, выполняемых прецедентными феноменами и обуславливающих реализацию прагматических интенций воздействующего характера. Отметим также, что функции, характерные для ПФ в рассматриваемом дискурсе, могут быть реализованы по отдельности (только вербальными ПФ, только иконическими ПФ) или же в совокупности.

На определение функций, выполняемых прецедентными феноменами, в известной степени оказывает влияние тип дискурса. Схожесть функций прецедентных феноменов с функциями метафор характерна для политического дискурса. Они призваны «сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно ввести в изложение элементы языковой игры, предложить читателям для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку. По своим функциям и восприятию прецедентные феномены во многом

сходны с метафорой» [Чудинов 2003: 29]. Того же мнения придерживаются О. С. Иссерс (2008) и М. А. Фокина (2016).

К общим функциям прецедентных феноменов Г. Г. Слышкин относит следующие: 1. *Номинативная функция* — предполагает называние и вычленение фрагментов действительности и формирование понятий о них; 2. *Персуазивная функция* — использование прецедентных феноменов с целью убеждения в своей точке зрения с опорой на авторитетность и уважение к прецедентному феномену; 3. *Людическая функция* — заключается в создании языковой игры на основе апелляции к ФП; 4. *Парольная функция* — основана на бинарном концепте «свой» — «чужие», поэтому данная функция направлена на использование прецедентных феноменов с целью опознания «своих» и ограждения от «чужих» [Слышкин 2000: 85—98].

В исследовании ПФ Л. И. Гришаевой выделен ряд функций, которые созвучны функциям прецедентных феноменов, фигурирующих в русском националистическом дискурсе: *выразительное и образное представление кого-либо; иллюстрирование национальной специфики; маркировка интенций адресанта; разрушение стереотипов и предубеждений* [Гришаева, 2008; цит. по: Чистова 2009: 36].

Кроме того, настоящему исследованию созвучна группа функций, выделенных Е. А. Нахимовой, так как эти функции отражают цели использования националистами прецедентных феноменов: *функция оценки, моделирующая функция, прагматическая функция, парольная функция, людическая функция* [Нахимова 2007: 143—144].

Представим ***функции вербально-иконической прецедентности в националистическом дискурсе.***

1. *Функция выразительного и образного представления кого-либо* (рис. 23).



Рис. 23

Источник: https://vk.com/albums-24080071?z=photo-24080071_262354187%2Fphotos-24080071

В данном случае прецедентный визуальный образ бойца в черной маске — яркий пример представителей борьбы «за Русь против врага», что дополнительно прочитывается благодаря ПВО «квадрат Сварога» и вербальному компоненту «*Слава Руси*».

2. *Функция маркировки интенций адресанта (рис. 24).*



Рис. 24

Источник: картотека

Визуальный прецедентный образ скинхеда и выполняемые им действия репрезентируют намерения адресанта в отношении «врага». Враг же номинирован в вербальной части КТ «*СЛАВЯНИН! Защити своих детей от кавказской угрозы*».

3. *Функция разрушения стереотипов и предубеждений (рис. 25).*

Приведенный пример, с учетом актуализации прецедентности с субсферой-источником «Религия», имеет своей целью разрушение представлений о христи-

анстве через сравнение христианского и языческого образов, каждый из которых сопровождается текстами. Главная часть КТ, заставляющая адресатов задуматься над сравниваемыми образами, — это «*Русич, задумайся, кто и зачем подменил тебе идеалы и понятия*», направленная на дискредитацию христианства.



Рис. 25

Источник: https://vk.com/album-33375495_00

4. *Функция оценки* (рис. 26). ПФ в данном случае — мощное средство эмоциональной оценки. Оценка выражена через ряд семантических связей: вербальная часть — «*Нам не нужно жидовское правительство*» — характеризует отношение к современному правительству. Его ненужность эксплицирована через визуальный ряд. Но важным в данном случае является текст демотиватора, расположенный внизу КТ и состоящий из прецедентных фраз: «WP NS» (White power — «белая власть», NS — National socialism) — и прецедентной визуальной символики (дискурсивной) — 14 88 («We must secure the existence of our people and a future for white children», что в переводе означает «Мы должны защитить само существование нашего народа и будущее для белых детей» / «Heil Hitler!» («Хайль Гитлер!»)). Числовая комбинация 14/88 носит националистический характер, способна служить идентификатором «СВОИХ» и актуализировать в сознании адресатов определенные смыслы: сохранение «белого рода», защита от врагов-«неарийцев». Данный ПФ логически обобщает смысл КТ.



Рис.26

Источник: https://vk.com/album-33375495_00

5. *Моделирующая функция* (рис. 27). В данном случае прецеденты направлены на формирование представлений о мире в виде моделей: порядочность, сдержанность политики Третьего рейха и хаос, разврат политики современной России. Сравнение двух картинок подкрепляется фразой, направленной на адресата: «*MAKE YOUR CHOICE*», что в переводе означает «Сделай свой выбор».



Рис. 27

Источник: https://vk.com/album-33375495_00

6. *Прагматическая функция* (рис. 28). Следует отметить, что данная функция является одной из ведущих, которую выполняют ПФ в националистическом дискурсе, так как ПФ сами по себе являются мощным средством воздействия на адресата и способны изменить его картину мира. Контекстные прецедентные феномены КТ (образ славянской семьи) задают определенную систему ценностей, которая выражена посредством вербального компонента: «*Чистая кровь — будущее расы*» — и подкреплена другим прецедентным визуальным образом: кельтским крестом, размещенным в левом верхнем углу.



Рис. 28

Источник: https://vk.com/photo-33375495_299113707?rev=1

7. *Парольная функция* (рис. 29). Функция, характерная для дискурсивно обусловленных ПФ, какими являются многие ПФ националистического дискурса.



Рис. 29

Источник: https://vk.com/album-33375495_00

Функция направлена на дифференциацию «своих» и «чужих». Таким образом, создается группа единомышленников, понимающих друга друга и отделяющих себя от «непосвященных». В КТ содержится прецедентная числовая символика «282 разжигай», интерпретация которой доступна посвященному адресанту.

8. *Людическая функция* (рис. 30). Функция реализуется при помощи игры. Таким образом текст становится более ярким, привлекающим внимание, авторы текста «играют» с адресатом, «втираясь в доверие», как на представленном КТ. Мы видим подмену сем в названии «фильма»: латинские *ss* заменены рунами «зиг», замену в традиционной формуле киноафиши демонстрирует и подпись к демотиватору: «*От создателей Ho-LaCoste coming soon*». Элементы языковой игры проявляются в пародировании рекламного дискурса. Слово, напоминающее бренд: «*Ho-LaCoste*» — образовано путем объединения двух названий: холокост и «*LaCoste*».



Рис. 30

Источник: https://vk.com/photo-33375495_399714428?rev=1

Выполняя указанные функции, прецедентные феномены в националистическом дискурсе являются не только одним из средств накопления знания, но и мощным средством воздействия на адресата.

2.6. Воздействие ПФ на сознание молодежной аудитории

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы относительно функционирования вербально-иконической прецедентности в националистическом дискурсе: в большей степени дискурс репрезентируется прецедентными визуальными образами/феноменами. Как было отмечено ранее, это обусловлено спецификой визуального текста — он обладает более высоким прагматическим потенциалом. В настоящем разделе мы рассмотрим технологии воздействия на сознание молодежной аудитории посредством прецедентных феноменов.

Л. А. Мардиева отмечает: «„Технологии“ создания образов, частные идеи, носителями которых они являются, подвергаются изменениям под влиянием социального заказа и идеологии, моды, характера транслятора, но сама сущность художественного образа как средства передачи из поколения в поколение фундаментальных ценностей неизменна. Вхождение художественного образа в фонд прецедентных означает, что идея, которую он транслирует, востребована обществом» [Мардиева 2016: 317].

Прецедентные визуальные феномены, которые были обнаружены в КТ националистического дискурса, используются в манипулятивных целях (на базе принципов нейросемантического программирования), основанных на двух взаимообусловленных приемах: методе аналогии и технике «якорения» [Мардиева 2016: 318]. Используя различные прецедентные образы, адресанты апеллируют к чувственным переживаниям, связанным с идеализированным прошлым или упованием на счастливое будущее, актуализируют ценностные представления аудитории и т. д.

Приемы манипуляции сознанием адресатов представлены в исследовании И. М. Дзялошинского: мифологическое манипулирование, манипулятивные психотехнологии, ценностно-эмоциональное манипулирование, использование механизмов социального контроля, манипулирование рациональными, убеж-

дающими аргументами [Дзялошинский 2005]. Как показало проведенное исследование, прецедентные визуальные феномены националистического дискурса используются для реализации следующих приемов.

Мифологическое манипулирование. В основе данного приема лежат такие понятия, как «менталитет», «архетипы», «метапрограммы». Именно эти константы заложены в прецедентных образах креолизованных текстов националистов. Благодаря использованию ПФ креолизованные тексты формируют мироощущение, мировосприятие, определяющееся народно-национальными обычаями, образом жизни, мышлением, нравственностью.

Так, например, используемый на рисунке 31 ПФ «коловрат» и прецедентный визуальный образ князя Святослава Игоревича в совокупности с текстом: *«Святослав Игоревич. Некуда нам деться, надо биться — волею или неволей. Не посрамим земли русской, но ляжем здесь костьми. Ибо мертвые сраму не имут»* — задает адресату определенную программу миромоделирования: необходимо защищать родину во что бы то ни стало, каждый должен быть не только сильным физически, но и сильным духом, равняться на предложенный визуальным компонентом эталон. Использование имен мифологических и культурных героев, хорошо известных аудитории, вызывает у адресатов мгновенные неконтролируемые эмоциональные и поведенческие реакции [Дзялошинский 2005: 37].

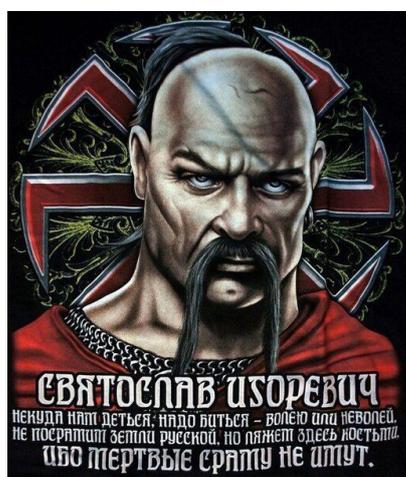


Рис. 31

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

Манипулятивные психотехнологии. Следует отметить, что данная технология наибольшим образом представлена в рассматриваемом дискурсе, так как характеризуется высокой эффективностью воздействия и рассчитана в основном на подсознательное восприятие.

Существует довольно обширный набор приемов воздействия, основанных на психологии восприятия: «Использование пугающих тем и сообщений», «Использование контраста», «Упрощение проблемы», «Использование фактора юмора», «Осмеяние», «Концентрация на нескольких чертах или особенностях», «Интрига», «Техника якорения» и другие.

На рисунке 32 представлен КТ, соотносимый с националистическим дискурсом. ПФ участвует в реализации манипулятивной психотехнологии посредством приема использования пугающих тем и сообщений. В данном конкретном примере подразумевается в первую очередь страх смерти, присущий каждому человеку независимо от пола, расовой и конфессиональной принадлежности. Запугивание адресата в данном случае осуществляется через тексты (в том числе креолизованные), демонстрирующие адресату трагические события в ретроспективе. КТ воссоздает картину событий Второй мировой войны: факты уничтожения еврейского народа путем сжигания тел в специальных печах. Авторы данного текста как бы напоминают сегодняшним евреям о тех страданиях, которые пришлось на долю их предков, стремясь запугать антагонистов националистических организаций.

Кроме того, вербальный компонент написан в саркастическом тоне: *«Горячая, дерзкая для еврея мерзкого»* (выстроен по типу рифмованного словосочетания).



Рис. 32

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

Ценностно-эмоциональное манипулирование. Как известно, прецедентные тексты отражают и формируют «шкалу ценностных ориентиров лингвокультурного сообщества» [Гудков 1990, цит. по: Мардиева 2016: 316], однако это же характерно и для иконических ПФ. Данная особенность увеличивает прагматический потенциал прецедентных феноменов, поэтому иконические ПФ часто используются с целью актуализации ценностных ориентиров адресатов. Как отмечает И. М. Дзялошинский, «ценностно-эмоциональное манипулирование опирается на способность человека увлекаться выразительностью убеждающего послания, а также престижем источника» [Дзялошинский 2005: 49]. Кроме того, эффект внушающего воздействия на индивида усиливается. Возрастает эффективность воздействия, если адресат связан с группой, разделяет ее идеи. Указанный вид манипуляции в националистическом дискурсе может быть реализован при помощи метода «наклеивания ярлыка» или апеллятивов. На рисунке 33 представлен КТ, в центре которого мы видим визуализированное ПИ «Путин».



Рис. 33

Источник: <https://newdaynews.ru/moskow/373129.html>

Ближайшее вербальное окружение: «*Воруй! Убивай!*» — включает апеллятивы, которые наложены на образ президента, а вербальный компонент «*Голосуй за Путина!*» можно охарактеризовать как ложное пропагандирование. Таким образом происходит дискредитация политика.

Использование механизмов социального контроля. Метод состоит в использовании авторитетных, известных целевой аудитории людей или групп. В качестве таких групп влияния могут выступать известные политические деятели, деятели культуры, известные актеры, писатели и т. д. Для эффективности данного метода важно присутствие следующих факторов: доверия к представителю группы влияния, его известности. Данный тип ПФ подробно описан нами ранее. Это ПФ с субсферами-источниками «*Политический деятель*» и «*Литература*», которые состоят из визуализированных прецедентных имен известных политиков, ученых в сочетании с их высказываниями, имеющими националистический характер. Так обращение к образу авторитетной личности подтверждает достоинство националистической мысли. «Тут действует психологический механизм „переноса“, при котором достоинства „свидетельствующего“ переносятся на товар, на другого человека, на явления» [Дзялошинский 2005: 56].

Манипулирование рациональными, убеждающими аргументами. Одним из вариантов реализации ПФ в данном приеме является метод «Сравнение». Данный метод основан на визуальном сравнении некоторых фактов. Так, например, на рисунке 34 мы видим актуализацию прецедентных визуальных образов с субсферой-источником «*Мультипликация*».



Рис. 34

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Основой националистического представления о женщине являются образы красавиц из русских сказок, обладающие целомудрием, чистотой, порядочностью и другими положительными качествами. Противоположными предстают девушки из иностранных мультфильмов: их образы соотносимы с развращенностью, отсутствием моральных ценностей и другими отрицательными качествами.

В данном КТ эти прецедентные образы выступают в качестве аргументов для вербального ряда: «Представление о девушке соответствует времени. Каким оно будет у наших детей решать нам! Задумайтесь». Кроме того, вербальный компонент выражен в императивной форме (апеллятивом), что также усиливает манипулятивные свойства КТ.

В целом анализ текстов подтверждает тесную связь визуальных и вербальных компонентов КТ. Прецедентные визуальные образы часто эксплицируют информацию, не передаваемую вербальной составляющей, активизируют образное ассоциативное мышление адресатов, способствуют усилению сопереживания и переживания, оказывают существенное влияние на сознание, а также необходимым для адресанта образом моделируют картину мира современной молодежи.

Выводы по второй главе

Современный мир, перешедший на новый тип восприятия информации, стал более открыт полисемантическим сообщениям. Именно поэтому большой популярностью пользуются так называемые семиотически осложненные тексты (креолизованные).

Креолизованные тексты националистического дискурса создаются с соблюдением сложившихся коммуникативно-прагматических норм. Наиболее распространенным является доминирование визуальной прецедентности и цветовая гамма, которая чаще всего воспроизводит палитру символики фашистской Германии: красный, черный, коричневый. Активны также цвета, передающие противопоставление «своих» — «чужих» по цвету кожи («черный» — «белый»). Кроме того, в современном националистическом дискурсе есть характерные комбинации цветов: черно-желто-белый (отсылающий к прецедентной сфере «Национально-государственная символика»).

Между тем доминантная позиция визуальной информации не элиминирует важность вербального компонента, так как именно он и играет основную роль в точности передачи смысла и снижает опасность его искажения. Как следствие, взаимодействие вербальной и иконической составляющей КТ, т. е. корреляция вербальных и визуальных компонентов в рамках одного КТ, является важным аспектом организации креолизованного сообщения. В националистическом дискурсе взаимосвязь вербально-иконических компонентов представлена следующим образом:

1. Связность компонентов на содержательном уровне представлена двумя основными типами: денотативная соотнесенность, опосредованная денотативная соотнесенность.

2. Связность компонентов на содержательно-языковом уровне представлена в виде эксплицитно выраженной связности: структурной связи, идентифицирующей связи, дейктической связи и имплицитно выраженной связности.

3. Связность вербального и иконического компонентов на содержательно-композиционном уровне проявляется через внутреннюю (семантическую) соотнесенность компонентов в связи изображения с предложением или его частями или связи изображения с предложением или его частями.

Рассмотренные типы взаимосвязи вербально-иконических элементов КТ националистического дискурса реализуются в таких жанрах, как агитка, креолизованные интернет-мемы (демотиваторы, интернет-комиксы, эдвайсы и пр.), граффити, карикатура.

В рамках националистического дискурса нами выделены следующие прецедентные вербальные и визуальные феномены: прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентное имя. Следует также отметить, что практически каждый вербально выраженный прецедентный феномен может быть материализован в иконических текстах. Среди визуальных ПФ мы выделяем «прецедентный визуальный образ / прецедентный визуальный феномен», «коды визуального поведения».

Нами выделен ряд важных функций ПФ, обуславливающих реализацию прагматических интенций воздействующего характера: *функция выразительного и образного представления кого-либо, функция маркировки интенций адресанта, функция разрушения стереотипов и предубеждений, функция оценки, моделирующая функция, прагматическая функция, парольная функция, людическая функция*. Функции, характерные для ПФ в рассматриваемом дискурсе, могут быть реализованы по отдельности (только вербальными ПФ, только иконическими ПФ) или же в совокупности.

Прагматический потенциал КТ и прецедентных визуальных феноменов реализуется в разных технологиях воздействия на сознание молодежной аудитории. Среди них мы выделяем: *мифологическое манипулирование, манипулятивные психотехнологии, ценностно-эмоциональное манипулирование, использование механизмов социального контроля, манипулирование рациональными, убеждающими аргументами*. Прецедентные визуальные образы часто экспли-

цируют информацию, не передаваемую вербальной составляющей, активизируют образное ассоциативное мышление адресатов, способствуют усилению сопереживания и переживания, оказывают существенное влияние на сознание, а также необходимым для адресанта образом моделируют картину мира современной молодежи.

ГЛАВА 3. СФЕРЫ-ИСТОЧНИКИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

3.1. Сфера-источник «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА»

Анализ языкового материала показал, что в националистическом дискурсе прецедентные феномены представлены двумя крупными сферами-источниками: «История и политика», «Культура», каждая из которых реализуется через ряд субсфер-источников, выбор которых обусловлен экстрадискурсивными факторами, в частности идеологическими предпочтениями националистических организаций. В этой связи считаем целесообразным указать основные направления современной националистической мысли: *имперский национализм, радикальный национализм, русский этнический сепаратизм, национал-коммунизм.*

Подчеркнем, что материалом настоящего исследования являются креолизованные тексты, распространяемые радикально настроенными националистическими объединениями, так как именно такие группировки представляют основной научно-практический интерес.

В современной России действуют националистические группировки, действия которых направлены на борьбу с мигрантами и «инородцами». Среди таких организаций могут быть названы РНЕ («Русское национальное единство»); НБП (Национал-большевистская партия); ДПНИ (Движение против нелегальной иммиграции); ННП (Народно-национальная партия России); НДПР (Народно-державная партия России); ПЗРК (Партия защиты российской конституции — Русь); НСО (Национал-социалистическое общество); национал-социалистическое движение «СС» (Славянский союз); РОД (Русское общественное движение); объединение «Северное братство»; «Легион Вервольф», «Наследие предков», «Союз венедов», «Черная сотня», «Опричное братство» и др. К этим же группировкам относятся и многочисленные группировки скин-

ходов и футбольных фанатов, названия которых могут напрямую отождествляться с фашистской идеологией, например: «Скинлегион», «Blood&Honor», «Объединенные бригады 88», «Шульц 88», «Небесные арии», «Нордический фронт», «Орден СС», «Валькирия», «Тевтонский крест», «Белый сокол» и т. п.

Кроме того, в социальных сетях (преимущественно во «ВКонтакте») можно встретить огромное количество незарегистрированных группировок, активно распространяющих свою идеологию с пропагандистскими целями.

Рассмотрим каждую субсферу-источник ПФ как средство текстообразования в националистическом дискурсе.

Сфера-источник «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА» (84,3 %) широко представлена в рамках националистического дискурса. В первую очередь это обусловлено тем фактом, что рассматриваемый дискурс «встроен» в политический, а между политикой и историей существует фундаментальная связь. Как отмечает В. С. Малахов, «национализм не является строго определенной совокупностью теоретических положений, а представляет собой политико-идеологическую конфигурацию, содержание которой в значительной степени определяется социально-историческими обстоятельствами» [Малахов 2005: 12]. Кроме того, объединение истории и политики в одну сферу-источник объясняется еще и тем, что «современные государства мыслятся сквозь призму идеи нации. А нация, в свою очередь, понимается как цепь поколений, проживавших и проживающих на определенной территории и объединенных общим прошлым, преемственностью истории. В силу всех этих обстоятельств политика не может не использовать прошлое» [Малинова 2015: [http](http://)].

Объединение данных сфер-источников в рамках националистического дискурса во многом позволит объяснить частотное появление креолизованных текстов, в которых взаимодействуют прецедентные феномены разных эпох. Так, государственная символика Третьего рейха используется в совокупности с ПФ, отсылающими нас к современным политическим реалиям. Зачастую встречаются такие тексты, в рамках которых представлены ПФ, одновременно отсы-

лающие к Российской империи и к фашистской Германии. На основе прецедентности происходит сравнение современных политиков с историческими личностями прошлого, оставившими после себя огромный шлейф событий и фактов.

Апелляция к сфере-источнику «История и политика» определяет формирование убеждений и выработку активной гражданской позиции. Прецедентные феномены, имеющие указанную сферу-источник, используются как своеобразный способ моделирования языковой картины националистического мира: создатели националистических креолизованных текстов стремятся донести до адресата суть националистической идеологии посредством общеизвестных фактов, сделать свою точку зрения более прозрачной, привлекая тем самым внимание к актуальным для национализма проблемам. Кроме того, прецедентные феномены со сферой-источником «История и политика» способны трансформировать уже сформировавшиеся картины мира и адресата. Указанная сфера-источник прецедентности имеет высокий прагматический потенциал, способна влиять на формирование убеждений, а также на оценку сложившихся националистических взглядов.

Анализ прецедентных феноменов позволил определить наиболее частотные субсферы-источники, соотносимые с историей и политикой.

Субсфера-источник «Политическая символика» (63,5 %)

Субсфера-источник «Политическая символика» в националистическом дискурсе составляет основной объем среди всех прецедентных феноменов. Она представлена в разнообразных формах, что обусловлено различными факторами.

Анализ субсферы-источника «Политическая символика» выполнялся с опорой на принципы темпоральной и географической (локальной) отнесенности. В националистическом дискурсе наиболее актуальными являются те символы, которые, во-первых, в прошлом характеризовали нацистские государства,

преимущественно нацистскую Германию (отсюда — актуализация нацистских эмблем, нашивок, отличительных знаков фашистской Германии).

В рамках данной субсферы-источника мы рассматриваем некоторые рунические символы. С одной стороны, это прямая отсылка к истории, культуре (например, древнегерманская письменность). С другой стороны, это источник, обусловленный выбором дискурса. Рунические знаки не раз встречаются в нацистской символике, поэтому руны также рассматриваются нами как «политическая символика».

Во-вторых, наряду с этим немалый интерес представляет символика Российской империи. Националисты регулярно апеллируют к прошлому России, по их мнению, мощному и благополучному государству. Приверженцы политики Российской империи ратуют за развитие и единство России как «Русского государства», к сожалению, подменяя (реконструируя) [Ворошилова 2016б, 2016г] истинный смысл символики.

Появление неязыческих объединений повлекло за собой актуализацию древнеславянской символики (в том числе и оправдание использования свастики) [Ворошилова 2016г], имеющей, однако, в националистическом дискурсе иное значение. Мы рассматриваем данную символику в рамках субсферы-источника «Политическая символика» из-за включенности носителей символики в общеполитические процессы, вызывающие рост этнонационализма, «который, иной раз для укрепления групповой сплоченности прибегает к религиозным ресурсам и пытается создавать „этническую религию“, опирающуюся на языческое наследие» [Шнирельман 2012: 8], в соответствии с чем языческие символы служат выражению отрицательного настроения по отношению к «чужакам».

В последние десять лет национал-социализм и языческие мотивы, включая языческую и нацистскую символику (свастика, рунические знаки), получили определенное распространение у российских скинхедов, которые регулярно участвуют в «Русских маршах».

Современные националистические креолизованные тексты зачастую содержат в себе сразу несколько прецедентных единиц, которые могут относиться к разной эпохе и разным государствам, так или иначе отражая националистические настроения и тем самым создавая современную националистическую пропаганду.

Опираясь на существующие авторитетные исследования [Ворошилова 2014; Мардиева 2016], мы считаем обоснованным выделение следующих категорий политической символики:

- **НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА** (58,2 %);
- **СОВРЕМЕННАЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА** (47,7 %):

- *графическая символика* (55,3 %);
- *дискурсивная символика* (25,5 %);
- *коды визуального поведения* (19,0 %).

Под национально-государственной символикой в настоящем исследовании понимается официальная символика разных государств в разное время исторического развития. Это прежде всего флаг, герб, гимн и иные знаки, установленные конституцией или специальным законом как отличительные знаки конкретного государства, олицетворяющие суверенитет, самобытность, выражающие собой определенный идеологический смысл.

Объемным пластом, представляющим данную категорию, следует назвать совокупность фашистских символов, которая является наиболее частотной в рассматриваемом дискурсе.

К нацистской (фашистской) символике относятся:

«● эмблема НСДАП, знамя (флаги, штандарты), бланк, плакаты, листовки НСДАП и сопутствующая символика (френчи, фуражки, нарукавные знаки, пряжки, другие детали экипировки руководителей НСДАП), эмблема и штандарты СА (Sturmabteilung, SA) — штурмовых отрядов, военизированных подразделений НСДАП;

- эмблема, флаги, штандарты и другая символика фашистской организации бывших ветеранов национальной войны — „Союза ветеранов“ (Fasci di Combattimento), Национальной фашистской партии Италии (Partito Nazionale Fascista), Фашистской республиканской партии Италии (Partito Fascista Repubblicano);

- символика СС (Schutzstaffeln, SS) (нарукавные знаки, эмблемы и т. п.), охранных военизированных подразделений НСДАП, в том числе символика воинских подразделений СС, непосредственно участвовавших в боевых действиях (фуражки, полевые кепи, нарукавные нашивки, петлицы, кинжалы, прочие детали униформы), а также символика структурных подразделений СС, например знаки отличия службы безопасности СД (Sicherheitsdienst, SD);

- символика гестапо (Geheime Staatspolizei, Gestapo) — тайной государственной полиции (эмблема, жетоны сотрудников гестапо и т. п.)» [приводится по: Ворошилова, Карапетян 2014: 52].

Рассмотрим подробнее примеры актуализации символика эпохи Третьего рейха. Наиболее частотным прецедентным феноменом, соотносимым с рассматриваемой субсферой-источником, можно назвать такой символ, как официальный герб Третьего рейха — орел со свастикой. Зачастую символы используются и по отдельности: «молнии» СС (две руны «Совило»), различные руны и руноподобные символы, такие как «Одал», «Тиваз», «Ольгиз», «Вольфсангель» и другие, знаки отличия, эмблема «Мертвая голова» и др.

Так, на рисунке 35 изображен шапочный знак отряда СС — «Мертвая голова», располагавшийся обычно на фуражке, петлицах или кокардах представителей отрядов, отвечавших за охрану концентрационных лагерей Третьего рейха. Данный визуальный образ соответствует речевому жанру — угрозе в совокупности с вербальным компонентом (*переселение с Кавказа опасно для вашего здоровья*). Иной прецедентный визуальный символ, встроенный в контекст данного сообщения, также свидетельствует об опасности («*Высокое напряжение*»). Двойственная прецедентность усиливает воздействие националистиче-

ского плаката, цель которого — предупреждение: против лиц «кавказской национальности» будут применены те же меры, что и в концентрационных лагерях периода фашистской Германии: жестокие издевательства, плохие условия содержания, истощение из-за тяжелого физического труда, бесчеловечные медицинские опыты и так далее.



Рис. 35

Источник: картотека

Популярными в символике Третьего рейха были рунические символы, которые заимствованы современными русскими националистами. Кроме того, одним из популярным прецедентных феноменов, заставляющих адресата вспоминать о фашистской Германии, является разновидность готического письма, используемого в период диктатуры НСДАП.

Отнесение рунической символики к субфере-источнику «Политическая символика» обусловлено общими целями националистического дискурса.

Так, например, на рисунке 36 изображены воины с оружием в руках, в полной боевой готовности. Визуальный образ дополнен фразой-предсказанием: «*Впереди победа или смерть*». Смысл креолизованного текста в том, что впереди или победа и сохранение нации и родины, или же захват территории «врагом» и засилье иностранцев, а следовательно, трансформация родной русской культуры.

Наряду с вербальной частью сообщения авторы текста используют символ Третьего рейха — руну «Альгиз». В данном контексте в первом случае это «руна жизни», которая соответствует лексеме «победа». Далее идет «руна смерти», которая соответствует лексеме «смерть».

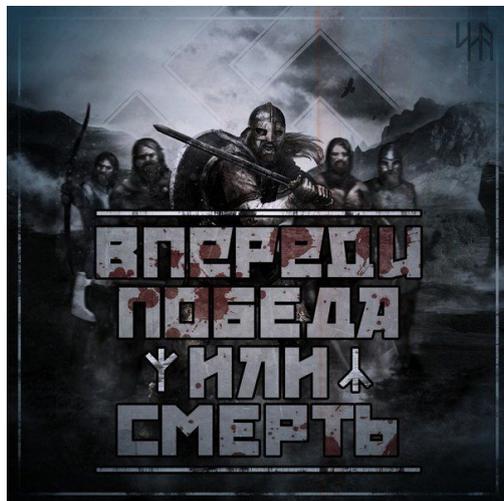


Рис. 36

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

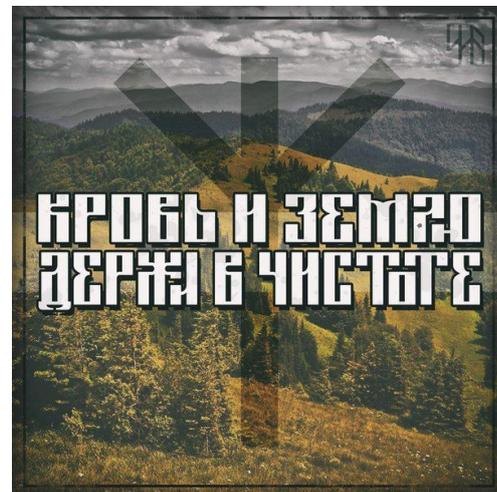


Рис. 37

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

На рисунке 37 крупными буквами представлен вербальный компонент: «Кровь и землю держи в чистоте». Смысл лексемы «чистота» в данном контексте раскрывает изображенная в качестве фона руна «Альгиз», широко использовавшаяся в символике Третьего рейха. Руна была символом организации «Лебенсборн», действовавшей во время нацистского режима. Организация занималась подготовкой молодых «расово чистых» матерей и воспитанием «арийских» младенцев (в приоритете были дети членов СС).

Изображение прецедентного образа «свастика» в некоторых случаях используется с целью оправдать употребление символики нацизма (рис. 38). Перед адресатом демотиватор, визуальный компонент которого — это коллаж из лоскутков, на которых изображен символ «свастика». Текст, который сопровождает данное изображение, нацелен на оправдание использования свастики многими националистическими объединениями: «ЭТО СТАРИННЫЕ РУССКИЕ УЗОРЫ. А ты зомбированный толераст с промытыми мозгами».

Текст призван раскрыть адресату суть символа, который, по утверждению националистов, не имеет ничего общего с фашистской свастикой.

Авторы текста в данном случае трактуют свастику исключительно как один из древних визуальных символов, наносимых разными народами на предметы повседневного быта: оружие, знамена, гербы и так далее. Однако трактовать данный символ как исконно русский способен не каждый среднестатистический носитель русского языка и русской культуры. Большинство адресатов свастика воспринимается исключительно как нацистский символ [Ворошилова 2016г].



Рис. 38

Источник:

<http://reactor.cc/post/55677>



Рис. 39

Источник:

<https://www.stihi.ru/2012/12/19/10404>

Подобная семантика свастики прослеживается и в следующем примере (рис. 39). Мы видим апелляцию к прецедентному образу «свастика» и вербальный компонент, призывающий адресата посмотреть на фашистский символ с другой стороны: «Я ВИЖУ ЗНАК СОЛНЦА. А что видишь ты?». Данным примером автор текста в очередной раз стремится подчеркнуть, что используемая неонацистскими организациями свастика имеет исконно русские, языческие корни.

В некоторых других примерах националистическая символика носит автономный характер и вступает в отношения поддерживающей корреляции с остальными компонентами [Ворошилова 2013: 37].



Рис. 40

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Так, например, на рисунке 40 центральным компонентом является вербальный элемент: «*Мы проснулись от долгого сна. Мы вернулись вам всем пиз#а*». Без визуальных прецедентных образов: рун «Тиваз» (Тейваз, Тивац) и «Одал» — было бы непонятно, кто проснулся и кто вернулся. Однако использование в данном примере символики Третьего рейха существенно дополняет смысл вербального ряда. Руна «Тиваз» — это семнадцатая руна германского алфавита, активно применяемая в символике Третьего рейха: как элемент значка — награды за спортивные достижения членов гитлерюгенда и эмблема 32-й добровольческой гренадерской дивизии СС «30 января» [Wikipedia: http]. Руна «Одал» также была изображена на эмблеме 7-й добровольческой горной дивизии СС «Принц Ойген», 23-й добровольческой танково-гренадерской дивизии СС «Недерланд», 14-й танковой дивизии вермахта и на флаге хорватских фольксдойче. Кроме того, стилизованное изображение руны «Одал» использовалось на эмблеме «Аненербе» (организации, которая была создана с целью изучения традиций, истории и наследия германской расы для обеспечения

функционирования государственного аппарата Третьего рейха) [Википедия: [http](http://)].

Применение нацистской символики современными националистическими объединениями обусловлено влиянием нацистской идеологии. Демонстрируется приверженность к политическим взглядам Третьего рейха и его лидеру — Адольфу Гитлеру.

В категорию *«национально-государственная символика»* включаются также прецедентные визуальные образы, сопровождающие историческое развитие Российского государства. Наиболее актуальными периодами развития страны, к которым часто апеллируют националистические объединения, являются период Российской империи, советский период и современная Россия. Период Российской империи чаще всего актуализирован через такие прецедентные феномены, как «черно-желто-белый флаг», герб империи, «двуглавый орел». Фраза «Россия для русских» получила новые смысловые оттенки в современном националистическом дискурсе.

Наиболее частотным в националистическом дискурсе является черно-желто-белый флаг — флаг Российской империи. Данный символ не случайно выбран националистами: в первую очередь он ассоциируется с имперской Россией, когда националистические настроения только начинали зарождаться и были обусловлены созданием национального государства. В настоящее время флаг используется русскими монархистами и почти всеми русскими националистами. Кроме того, он является официальным флагом ежегодного шествия и митинга представителей русских националистических организаций и движений в различных городах России, приуроченного ко Дню народного единства — «Русского марша». Используя данную символику, русские националисты демонстрируют склонность к прорусской (пророссийской) точке зрения. Во главе угла у таких объединений стоят интересы России, равные интересам русской нации.

Флаг как символ в креолизованных текстах может использоваться в оригинальном значении. Иными словами, он не сопровождается какими-либо националистическими текстами, хотя обычно флаг сочетается с изображениями или текстами, указывающими именно на националистический дискурс.

Так, например, рисунок 41 — это КТ, состоящий из двух компонентов: 1) черно-желто-белый флаг — прецедентный визуальный образ, отсылающий к эпохе Российской империи; 2) вербальный компонент, который соотносится с националистическим дискурсом: «*Лайк, если не хоч*».



Рис. 41

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

Кроме того, в большинстве анализируемых текстов образ имперского флага фигурирует в сочетании с различной националистической атрибутикой и символикой, а именно славянской символикой, активно используемой современными националистическими объединениями. Так, на рисунке 41 вербальный компонент нанесен шрифтом, имитирующим старославянское начертание букв, что отсылает адресата к культурным истокам древних славян.

Иной исторический этап развития нашей страны актуализирован в текстах националистических организаций с привлечением символики СССР: обычно это герб СССР, флаг или серп и молот.

Символика Советского Союза содержится в основном в материалах ранее действовавшей на территории РФ Национал-большевистской партии (НБП),

ныне запрещенной и признанной националистической. Апелляция к символике СССР и успешное ее сочетание с символикой Третьего рейха обусловлены идеологией партии, которую ее представители характеризуют следующим образом: «...ярость Че (Че Гевары. — И. В.) и „красных бригад“, острая мудрость Ленина (визуализированное ПИ „Ленин“ часто встречается в текстах НБП), эlegantное безумие Муссолини, скупая мужественность СС, выразительная страсть чекистов, трубка и сапоги Сталина, пенсне товарища Берии, мистицизм барона Унгерна <...> Мы первые и единственные поняли, что всех этих людей объединяет борьба против зверя, — „системы“» [цит. по: Вергазов 2004: <http>].

Партия позиционирует себя как антиправительственная и антибуржуазная, национализм ее не этнический, а языковой и культурный. Принадлежность к русской нации определяется не «по крови», а в соответствии с самоидентификацией человека, включающей отношение к русскому языку и культуре.

Пропагандистские креолизованные тексты Национал-большевистской партии, в которых обнаружены элементы нацистской и советско-патриотической пропаганды, сигнализируют о готовности к решительной борьбе с классовой системой общества, к борьбе против капиталистической системы, власти, российского буржуазного общества.

Так, например, на рисунке 42 мы видим изображение молодого мужчины с характерным для НБП жестом приветствия — вытянутой вперед и поднятой вверх правой рукой со сжатым кулаком, что позволяет нам судить о том, что мужчина является представителем партии. На фоне изображен флаг НБП: красное полотнище с белым кругом по центру, заимствованное из корпуса символов фашистской Германии. В круге размещен символ коммунистов — серп и молот. Вверху дана отсылка к адресанту: «*Национал Большеви́стская Партия*»; внизу размещен вербальный компонент: «*Россия — все, остальное — ничто!*», свидетельствующий о превосходстве России над остальными государствами, а также выражающий концепцию Национально-большевистской партии.

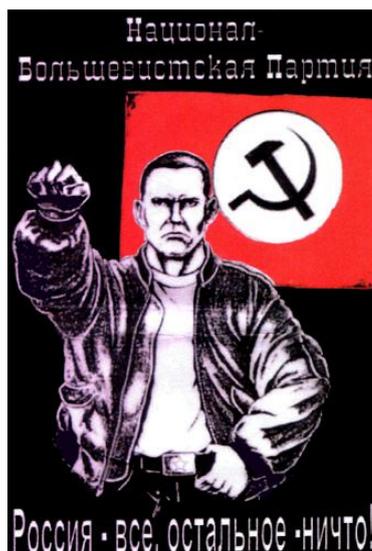


Рис. 42

Источник: картотека

В рамках националистического дискурса активно фигурирует государственный флаг Российской Федерации. Как правило, националистические объединения, используя в своих текстах российский триколор, придают ему значение «русскости». В представлении националистических объединений флаг Российской Федерации — не флаг многонационального государства, это флаг русских, «своих». Так, например, на рисунке 43 изображено очертание нашей страны, что подтверждается нанесенным на нее флагом РФ и надписью «*территория 282*». В прочтении данного креолизованного текста основным визуальным прецедентным образом будет выступать флаг РФ, смысл которого раскрывает прецедентная фраза — отсылка к статье Уголовного кодекса Российской Федерации № 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Таким образом, данный пример может восприниматься как угроза, направленная на «врага», и как призыв к осуществлению действий, запрещаемых законом. Апелляция к текстам законов РФ также весьма распространенное явление в националистическом дискурсе.



Рис. 43

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Следует отметить, что российский триколор используется как элемент, представляющий националистические объединения. Зачастую он очерчивает круг «своих». Однако встречаются тексты, в которых прецедентный визуальный образ флага РФ используется с целью выражения антигосударственных настроений националистических объединений. Триколор довольно часто выступает в роли сферы-мишени, посредством которой власть страны обвиняют в чрезмерной открытости к другим («вражескими») государствам, в лояльности к объекту ненависти националистов, а также в несовершенстве законов государства.

Следующее изображение (рис. 44) является ярким примером осуждения российского правительства и российского законодательства — на фоне государственного флага Российской Федерации размещена фраза: *«Я живу в стране, где вместо полиции педофилов ловят нацисты, а органы правопорядка занимаются блокировкой раздач сериалов в интернете»*. То, о какой стране идет речь, демонстрирует именно визуальный прецедентный образ — флаг РФ.



Рис. 44

Источник: <https://vk.com/id292199559>

Еще одним прецедентным визуальным образом с субсферой-источником «Политическая символика» является государственный герб Российской Федерации. При этом цель использования может варьироваться: герб может носить положительные коннотации и выступать своеобразным идентификатором «своих», русских, а может быть использован в качестве элемента, дискредитирующего Россию.

Категория **«СОВРЕМЕННАЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА»** включает в себя такую символику, которая в сознании современного адресата (выводы сделаны на основе проведенных психолингвистических исследований, см.: [Ворошилова, Карапетян 2014; Ворошилова, Злоказов, Карапетян 2013]) ассоциируется с фашистской Германией, однако фактическое отнесение данных образов к символике нацизма дискуссионно и противоречит регламентирующим данную символику законам. Это иной тип националистической символики, востребованный среди современных националистов и используемый в текстах, направленных как на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, так и на «вербовку» новых «белых воинов» [Ворошилова, Карапетян 2014: 52]. Данную категорию мы разделили на три группы: *графическая символика* представлена символами современных националистических объединений, «сходными с нацистской атрибутикой или символикой

том рисунка является собственно «коловрат». В целом националистическая подоплека актуализируется и благодаря вербальной составляющей: «*СЛАВА ВЕЛИКОЙ РУСИ! МЫ ФАШИСТЫ? ПОБОЙТЕСЬ БОГА! мы гораздо опаснее, мы-русские!*».



Рис. 45

Источник: картотека



Рис. 46

Источник: https://vk.com/album-33375495_00

На другом примере (рис. 46) прецедентный визуальный образ «коловрат» актуализирует националистические ассоциации благодаря вербальной составляющей, выражающей враждебное отношение к «чужим». На рисунке центральным компонентом является коловрат, а вербальный компонент усиливает семантику визуального: «*Чужакам пора домой! Здесь хозяева — Славяне!*».

Одним из постулатов российского скин-движения является здоровый образ жизни, спорт. Зачастую скинхеды увлечены силовыми видами спорта — это рукопашный бой и культуризм. Эта особенность находит отражение в пропагандистских материалах, в которых уделяется особое внимание тому, что «истинный русский», «истинный славянин» выбирает здоровый путь жизни без наркотиков, алкоголя, курения и прочих разрушающих русскую нацию привы-

чек. Поэтому распространены креолизованные тексты, в которых представлена аббревиатура ЗОЖ с графической подменой буквы «О» прецедентным визуальным образом «коловрат» и с вербальным компонентом, расшифровывающим аббревиатуру: *«Здоровый образ жизни»*.

Другим распространенным символом современных националистических объединений является прецедентный визуальный образ «трискелион». Образ трискелиона имеет треугольный дизайн и внешне схож со свастикой, но с тремя лучами. Семантика символа ничем не отличается от семантики всей националистической символики: борьба за белую расу, за чистоту крови, за сохранение «арийского рода» — поддержка неонацистских или националистических взглядов. Кроме того, трискелион был одним из основных символов международной сети неонацистских скинхедов «Blood & Honour» (в переводе с английского «Кровь и честь»). Этот слоган наносили гравировкой на нож, это слоган гитлерюгенда, ныне активно употребляемый в националистическом дискурсе.

На рисунке 47 прецедентный визуальный образ «Трискелион» репрезентирует борьбу против «врагов» русских — многочисленных иммигрантов из стран третьего мира и иных антагонистов. Кроме того, националистический характер трискелиона поддерживается также популярным символом современных националистов — имперским флагом. Вербальный компонент: *«Русские вперед»* — задает определенную установку на цель и смысл борьбы и сочетается с визуальным рядом креолизованного текста.



Рис. 47

Источник: картотека

Иной прецедентный визуальный образ, фигурирующий в националистическом дискурсе и актуализирующий расистскую, фашистскую, антисемитскую идеологию, представлен левой свастикой, совмещенной с Вифлеемской звездой. Символ является официальной эмблемой российской ультраправой националистической организации, запрещенной на территории Российской Федерации — РНЕ («Русское национальное единство»). Идеология организации базируется на таких националистических концептах, как русский национализм, национал-социализм, антисемитизм, антикоммунизм, монархизм. РНЕ тяготеет к монархическому устройству страны, к русской национальной диктатуре, организация поддерживает расистскую идеологию и склонна в целом к фашизму (примеры, в которых встречается апелляция к данному прецедентному визуальному образу, призваны актуализировать в сознании адресатов данные концепты).

Так, например, на рисунке 48 представлен агитационный плакат Русского национального единства, призывающий адресата принять «правильное» решение: вступить в ряды националистов, поддержать РНЕ, стать «своим», выступив против «чужих». Совокупность вербально-визуальных элементов креолизованного текста должна обеспечивать «прочтение» плаката в соответствии с авторским замыслом.



Рис. 48

Источник: https://vk.com/photo-33375495_298616078?rev=1

Перед нами изображение молодого человека с мечом в руках и щитом. Это прецедентный визуальный образ «свастика с Вифлеемской звездой», отсылающий нас к идеологии националистического объединения РНЕ, и вербальный компонент: *«РОССИЯ ЖДЕТ ТВОЮ ВОЛЮ. Сегодня одевающий черную рубашку присягает Отечеству и Нации словами: РОССИЯ или СМЕРТЬ»*, содержащий скрытый псевдопатриотический призыв. Следует отметить, что многие агитационные материалы содержат лексические и прочие ошибки, как в рассмотренном примере.

В свою очередь, фраза *«Время быть сильным»* вызывает у адресата мысли о том, что пришло время вступать в РНЕ. Символ в данном случае является своеобразной «подписью» организации и сообщает адресатам о необходимости следовать идеологии национализма, быть сильными и защищать родину. Иными словами, сила в данном контексте — это не что иное, как следование идеологии Русского национального единства (рис. 49).



Рис. 49

Источник: картотека

Другой популярный символ, идентифицируемый с движением белых расистов «White Power» и НС-скинхедов, — кельтский крест. Это разнолучевой крест с кругом и популярными аббревиатурами NS-WP, что символизирует единство националистических группировок и переводится как «NS (National Socialism)», «WP (White Power)» — «белая власть».

Кельтский крест в следующем примере (рис. 50) транслирует семантику угрозы. Перед нами изображение мужчины, лицо которого практически полностью скрывается под маской (кроме глаз), в руках пистолеты, направленные на адресата. На фоне молодого человека размещен образ кельтского креста. Это символ скинхедов, агрессивно настроенных против приезжих из Закавказья и Средней Азии, уроженцев Северного Кавказа и Поволжья. Визуальный компонент подкрепляется вербальным, поддерживающим семантику визуального ряда: *«Иммигрант с Кавказа! Ты следующий»*.

Прецедентный визуальный образ «кельтский крест» актуализируется в текстах агитационного характера, призывающих к объединению славян в борьбе против этнического «врага».



Рис. 50

Источник: картотека

Кельтский крест встречается в текстах, призывающих к сохранению чистоты нации, пропагандирующих «белую любовь». Обычно такие креолизованные тексты содержат образы девушек и молодых людей славянской внешности и образ кельтского креста с традиционными вербальными компонентами: «*White pride world wide*», что в переводе означает: «Белая гордость во всем мире». Вербальными компонентами являются также лозунги, агитирующие за идентичность белой расы: «Чистая кровь — будущее расы»; «WHITE LOVE» — «белая любовь».

Один из вариантов кельтского креста, развернутого на 45 градусов, является символом запрещенного на территории Российской Федерации националистического объединения — Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ), выступающего против иностранцев, а также против выходцев с Северного Кавказа. Деятельность организации, как и деятельность многих других подобных националистических объединений, основана на формировании ксенофобии в обществе, их цель — убеждение населения в том, что Россия принадлежит только русским, что, в свою очередь, провоцирует разжигание межнациональной ненависти.

В креолизованных текстах националистического дискурса встречается символика запрещенной на территории РФ организации «Союз Славян». Деятельность организации была направлена на возбуждение ненависти и вражды,

унижение национального достоинства граждан. В качестве символики организация использует языческий символ «Звезда Сварога» (также «Квадрат Сварога», или «Звезда Руси»). Символ действительно имеет славянские корни (этим фактом обычно прикрываются националистические объединения в целях оправдания своей незаконной деятельности).

Так, например, на рисунке 51 мы видим изображение указанного символа в окружении иных прецедентных визуальных образов — в том числе символа «коловрат». Вербальные компоненты также являются маркерами националистического дискурса. Это, во-первых, аббревиатура «WPWW». Она расшифровывается так: «White Pride World Wide», что в переводе означает: «Белая гордость во всем мире» — лозунг, агитирующий за идентичность «белой расы». Во-вторых, в данном примере появляется числовая символика: «1488» — классический знак националистов, о котором пойдет речь ниже. Кроме того, вверху картинки мы видим текст: «Не покупай у чурок». Текст отсылает к одноименной композиции известной российской рок-группы «Коловрат». Эта песня имеет радикальную националистическую направленность и является культовой среди русских националистов и неонацистов. Ряд песен группы признан экстремистским и запрещен к трансляции. Таким образом, семантика прецедентного визуального символа «квадрат Сварога» усиливается за счет иных символов националистического дискурса.



Рис. 51

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

В некоторых примерах актуализация символа обусловлена призывом к сплочению славян.

Следующая подгруппа, выделяемая нами в рамках современной националистической символики, — *«дискурсивная символика»*. В рассматриваемом дискурсе данная подгруппа представлена определенным набором числовых комбинаций, апеллируя к которым националистические объединения актуализируют националистические постулаты, идеологемы или же просто нормы, регламентирующие запрещенную деятельность.

Так, одним из распространенных числовых символов следует назвать комбинацию «14/88» («We must secure the existence of our people and a future for white children», что в переводе означает «Мы должны защитить само существование нашего народа и будущее для белых детей» / «Heil Hitler!» — «Хайль Гитлер!»). Числовая комбинация 14/88 носит националистический характер, способна служить идентификатором «СВОИХ» и актуализировать в сознании адресатов определенные смыслы: сохранение «белого рода», защита от «неарийцев» — «врагов».

Посредством апелляции к цифровой комбинации «14/88» создаются тексты, в которых открыто выражается агрессия, угроза и враждебность по отношению к антагонистам националистического дискурса. Часто числовой код встречается в рифмованных текстах, например: «Гостей на дух не переносим 14/88», «В беде хозяина не бросим 14/88», «Кидать зиги мы не бросим 14/88» и др.

В качестве примера рассмотрим карикатуру (рис. 52), в которой прецедент с темпоральной семантикой демонстрирует агрессию, направленную на всех представителей «кавказской национальности».

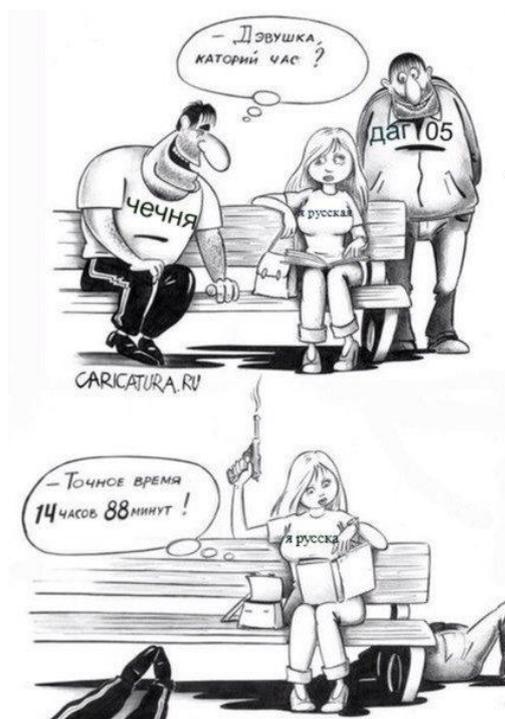


Рис. 52

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

Изображенные представители мужского пола являются собирательными образами всех выходцев из Закавказья, Средней Азии, уроженцев Северного Кавказа — антагонистов националистического дискурса. Мужчины задают девушке вопрос: «Дэвушка, который час?» — в ответ на который они получают выстрел из пистолета и комментарий: «Точное время 14 часов 88 минут». Отсылка к числовой символической комбинации 14/88 в данном контексте актуализирует типичные для рассматриваемого дискурса националистические настроения, а визуальный ряд демонстрирует способы «общения» с «ЧУЖИМИ».

Темпоральную семантику прецедентный числовой символ приобретает и в иных случаях. Следует отметить, что представление данного набора цифр в виде времени часто встречается в рассматриваемом дискурсе. Таким образом авторы текстов стремятся донести до адресата мысль о возрождении фашистского режима, о готовности националистов сражаться «за Родину и нацию».

Другой числовой символ, популярный в рассматриваемом дискурсе, актуализирует статью Уголовного кодекса РФ № 282 «Возбуждение ненависти либо

вражды, а равно унижение человеческого достоинства» [УК РФ: [http](http://)]. Апелляция к прецедентному числовому коду «282», как правило, направлена на осуждение принципов российского уголовного права. Во многих текстах с использованием данного числового символа репрезентирована такая эмоция, как негодование от того, что людям якобы запрещено быть русскими. Так, например, на рисунке 53 изображена игра «Русское лото». Автор демотиватора подписал картинку «282 СТАТЬЯ», иронизируя над тем, что акцентирование внимания на том, что кто-то русский, а кто-то нет, способно вызвать межнациональную рознь.



Рис. 53

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

С целью оправдания использования некоторых нацистских символов их иногда соотносят со статьей закона, запрещающего националистическую деятельность. Так, на рисунке 54 представлен следующий демотиватор. В центре расположен элемент обрядового славянского полотенца с нанесенным на него солярным символом — «свастикой», который поддерживается вербальным компонентом: «БАБУШКИН РУШНИК 282 статья», содержащим прецедентный цифровой символ «282». Этот символ отсылает к законодательству РФ, ак-

тивно осуждаемому представителями националистических организаций. В данном контексте авторы пытаются в очередной раз интерпретировать свастику исключительно как часть славянской символики. Действительно, славянские корни солярного символа существуют. Однако свастика, став символом нацизма и гитлеровской Германии, приобретает устойчивые ассоциации именно с нацистской идеологией, о чем свидетельствуют многочисленные социологические, культурологические и психолингвистические исследования.



Рис. 54

Источник: https://vk.com/photo-33375495_302682147?rev=1

В некоторых текстах прецедентный компонент «282» выступает символом, побуждающим к действию, к разжиганию межнациональной розни. Например, рисунок 55 содержит визуальный компонент: зажигалку — и призыв, направленный к адресату: «Разжигай, но помни 282».

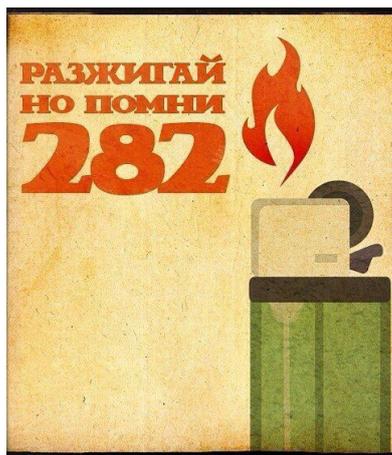


Рис. 55

Источник: картотека

Иной цифровой прецедентный символ — «18». Символ не часто фигурирует в текстах националистических организаций и расшифровывается следующим образом: 18 означает первую и восьмую буквы немецкого алфавита (А, Н), что расшифровывается как Adolf Hitler. Символ встречается в названии российской радикальной организации националистов, полностью состоящей из скинхедов — «Формат 18», ныне запрещенной на территории Российской Федерации.

В современном националистическом дискурсе нами выделена особая группа прецедентов — это *коды визуального поведения* (термин Л. А. Мардиевой) [Мардиева 2016]. Выделенная нами в рамках современной националистической символики группа прецедентов включает в себя изображения характерных для современных молодежных националистических движений атрибутов, среди которых кастет, нож, военные ботинки с высокими берцами (берцы) черного цвета, бритые головы, кулаки, а также некоторые категории жестов: специфическое рукопожатие, нацистское приветствие.

Выделение в отдельную категорию данных прецедентных визуальных образов обусловлено их особым семиотическим статусом в рамках националистического дискурса.

Одним из самых распространенных и популярных в националистическом дискурсе (субсфера-источник «*Политическая символика*») является прецедент-

ный образ визуального поведения «военные ботинки» (берцы). Сам по себе символ отсылает к субкультуре скинхедов и сопровождается такими лексемами, как «давить», «валить».

Например, на рисунке 56 изображен военный ботинок со следами крови, сопровождаемый вербальным компонентом: «*Вали антифа! Везде и всегда!*».



Рис. 56

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

Кроме того, встречаются изображения субъектов, использующих данный вид обуви — бритоголовых молодых людей в кожаных куртках с нашивками и прочими атрибутами, образ которых соответствует националистической тематике (обладание вещью — курткой, ботинками — может имплицитно свидетельствовать о форме поведения и иметь идеологический подтекст).

В категории жестов, соотносимых с образами визуального поведения, частотны изображения характерного для националистических объединений рукопожатия: руки, сцепленные друг с другом в области локтевого сгиба. Обычно изображение такого рукопожатия позиционируется как истинно правильное, характеризующее физически сильных славян. Так, например, на рисунке 57 представлен демотиватор с прецедентным визуальным образом: «рукопожатие националистов» — и вербальным компонентом, подтверждающим «правильность» такого рукопожатия, а также положительно оценивающим националистические настроения в обществе: «*Правильное рукопожатие*».



Рис. 57

Источник: https://vk.com/album-33375495_00

Следует отметить, что среди вербальных компонентов, подкрепляющих прецедентный визуальный образ «рукопожатие националистов», встречаются следующие:

«Славяне! Помогайте друг другу!»;

«За Русь!»;

«Борись!» и другие.

Знаковым является и жест «нацистское приветствие» (гитлеровское приветствие, партийное приветствие), представляющее собой поднятую примерно под углом 45 градусов правую руку с распрямленной ладонью и восклицанием: *«Да здравствует Гитлер!»*, *«Слава Гитлеру»* (нем. *Heil Hitler*). Символ приветствия являлся частью культа Гитлера, поэтому использование данного жеста в современном националистическом дискурсе актуализирует не только идеологию и эпоху нацистского режима, но и прецедентное имя «Гитлер».

Субсфера-источник «Милитаризм» (13,3 %)

Указанная субсфера-источник представлена несколькими прецедентными милитаризированными образами:

1) образ воина. В данной категории чаще всего присутствуют образы русских богатырей, солдат современной армии, бойцов в черных масках;

2) образы оружия и боевой техники;

3) сцены военных действий или прецедентные имена, тексты, отсылающие к древнерусским войнам с участием русских богатырей, Великой Отечественной и Чеченской войнам.

Все перечисленные образы используются в креолизованных текстах с целью запугивания и дискредитации «врага», каким в националистическом дискурсе является, как правило, лицо неславянской внешности: евреи, кавказцы, чеченцы, азербайджанцы и другие. Кроме того, русский солдат — образец силы, мужества и страж порядка в стране. Это эталон защитника своей Родины. Так в националистическом дискурсе создается образ «СВОЕГО» и демонстрируется отношение к «ЧУЖОМУ».

Частая апелляция к фольклорным образам русских богатырей, древнерусских воинов, облаченных в металлический шлем и кольчугу с щитом, с мечом в руках, обычно на коне, обусловлена «освободительными» идеями современных националистов. Русский богатырь в креолизованных пропагандистских текстах националистических объединений становится символом патриотизма, героизма, освобождения, бесстрашия, предком, достойно ведущим борьбу за славянский род, эталоном, на который необходимо равняться всем славянам в «борьбе за свою землю».

Чаще актуализирован именно образ богатыря, однако встречаются и узнаваемые конкретные образы, реализуемые через визуализацию прецедентного имени. Например, популярен образ богатыря Евпатия Коловрата — героя рязанского народного сказания времен нашествия Батыя.

Образ богатыря выступает своеобразной движущей силой, своеобразным призывом к активным действиям. На рисунке 58 показано сражение русского богатыря с противником. Картинка сопровождается надписью: *«Бей жидов и режь хачей, Русь очисти от сволочей! Слава Руси!»*. Прецедентный визуальный образ богатыря-защитника подкреплен вербальным рядом, призывом к уничтожению «врагов», «очистке» русской земли. Кроме того, в данном примере восприятие усиливается благодаря цветовой символике: красное против черного. Красное

выполняет роль символа победы над злом, так как «традиционно в русской лингвокультурной картине мира символика черного связана в первую очередь со злом, тьмой, трауром, чем-то демоническим» [Шемякина, Лысенко 2016: 198].



Рис. 58

Источник: https://vk.com/album-33375495_00

Богатырь — эталон, на который призывают равняться современных людей. Это страж порядка, страж рода, символ истинной любви к своей земле. Поэтому не единичны примеры, когда образ богатыря дополнен следующими высказываниями:

«Будь достоин своих предков — защити страну от инородцев!»;

«Люби родную землю так, чтоб той любви боялся враг!»;

«За Русь святую морду разобью любую»;

«Недоумки смеются над долготерпением славян, а потом захлебываются собственной кровью»;

«Нерусь, вон из России» и т. д.

Среди встретившихся примеров есть и такие, в которых визуально осуждается «абсурдность» российского законодательства и, в известном смысле, «предательство» русского исторического прошлого.

Так, на рисунке 59 мы видим изображение русских воинов на поле боя, подкрепленное вербальным компонентом с семантикой осуждения: «**НАЗОВИ**

ИХ ФАШИСТАМИ ведь они сражались за свободу и чистоту своей крови под флагом свастики». В данном примере посредством апелляции к прецедентному визуальному образу «богатырь» авторы текста стремятся представить свою деятельность как не противоречащую законодательству, взывая к тому, что и в далекие времена наши предки использовали славянские солярные символы, в категорию которых входит свастика. Автора текста беспокоит тот факт, что теперь, когда возрождаются «богатыри», способные сражаться за чистоту своего рода под знаком свастики, они вдруг оказываются под прицелом закона, что, по мнению адресанта, несправедливо.



Рис. 59

Источник: картотека

Иной образ, часто фигурирующий в рассматриваемом дискурсе, — образ солдата современной армии как некий эталон, сын Отечества. Как отмечает М. Б. Ворошилова, «данные образы нередко представлены в виде креолизованной метафоры, основанной на сочетании четырех образов: на визуальном уровне — образов современных солдат, „срочников“, ребят, служивших и погибших в Чечне, и образов их матерей, на вербальном уровне — образов Родины-матери и сына Отечества, воина» [Ворошилова 2014: 244].

На рис. 60 и 61 образы военных тоже являются эталонными. На рисунке 26 изображены солдаты-десантники и вербальный компонент, интерпретирую-

щий российского солдата как некий человеческий идеал: «*Русский Боец — Всем Образец*».



Рис. 60

Источник: https://vk.com/album-33375495_00



Рис. 61

Источник: https://vk.com/photo-149747365_456240291?rev=1

О преимуществах воинской силы свидетельствует изображение 61. Адресату предлагается эталон воспитания: на рисунке изображен военный, обучающий мальчика стрельбе из автомата; изображение подкреплено вербальным компонентом: «*Правильное воспитание*».

Кроме того, популярны образы молодых людей в военной форме и в черной маске, полностью скрывающей лицо. Обычно такие образы используются вместе с современной националистической символикой (см. выше в разделе «*Политическая символика*»).

Рассматриваемая субсфера-источник соотносима с изображениями сражений эпохи Древней Руси, Великой Отечественной и Чеченских войн. Так, древнерусские сражения — это противостояние нашествию инородцев, успешные сражения с ними. События Великой Отечественной войны связаны с холокостом, способами уничтожения людей в концентрационных лагерях. Что касается Чеченских войн, актуальность изображения обусловлена прежде всего репрезентацией «врага».

На рисунке 62 представлено изображение немецкого солдата, стреляющего из огнемёта. Вербальный компонент: *«КОШМАРЫ „Холокоста“ это весело и просто»*. Креолизованный текст реализует тактику черного юмора, посредством которой создается эффект угрозы (сожжение представителей различных этнических групп).



Рис. 62

Источник: картотека

Тексты о Чеченской войне выполняют особую функцию возбуждения агрессии в сознании адресата посредством использования изображений со сценами насилия. Так, на рисунке 63 вниманию адресата представлен фотоколлаж с изображениями расправы над русскими солдатами, страдающих детей, женщин, стариков и их трупов. Все эти жуткие сцены, способные вызвать жалость и злость у адресатов, подкреплены вербальным компонентом: *«Геноцид русских в Чечне. 25 тыс. пропавшие без вести, убиты, превращены в рабов — 46 тыс., более 100 тыс. беженцев... Неужели мы забыли?»*



Рис. 63

Источник: картотека

Перечисление потерь, понесенных русскими в ходе войны, и риторический вопрос в конце текста провоцируют чувство агрессии по отношению к «врагу» и одновременно чувство патриотизма и желание мести. Тем самым разжигается межнациональная рознь.

Однако авторы текстов, благодаря апелляции к субфере-источнику «Милитаризм», демонстрируют адресату выход из положения и предлагают способ решения акцентируемой проблемы. Так, на рисунке 64 представлен образ солдата в танке, за спиной которого — разрушенный город. Рисунок сопровождается вербальным компонентом, указывающим на способ взаимодействия с антагонистами националистического дискурса: «ПРАВИЛЬНАЯ ЧЕЧНЯ выглядит вот так».



Рис. 64

Источник: https://vk.com/album-33375495_00

Демонстрация военной техники и оружия часто встречается в рамках креолизованных текстов националистического дискурса. В некоторых случаях они изображены в сопровождении вербальных апеллятивов. Так, например, на рисунке 65 представлено изображение автомата с исконно русским национальным узором (хохломой) и призывом: «Славяне! вооружайтесь!».



Рис. 65

Источник: https://vk.com/album-33375495_00

О том, против кого текст призывает вооружаться, можно судить по дополнительным компонентам, изображенным в левом верхнем углу. Это визуальные прецедентные образы, отсылающие к националистическому дискурсу: «руна Альгиз», «Коловрат», «руна Совило».

Таким образом, следует отметить, что визуальные прецедентные образы с военной субкультурой-источником направлены в первую очередь на дискредитацию образа «врага», на запугивание посредством демонстрации военной силы и мощи славянского рода. Кроме того, некоторые образы способны активизировать патриотические чувства русских. Образы молодых бойцов и солдат могут стать кумирами молодых людей, ищущих свое призвание. Тем самым их привлекают в ряды националистических организаций. Среди вербальных прецедентов отметим актуализацию феноменов, соотносимых с Великой Отечественной войной: «Холокост», «Освенцим», «Циклон Б». Ведущей в данной субкультуре является визуальная прецедентность, что обусловлено особым характером подаваемой информации.

Субсфера-источник «Политический деятель» (12,9 %)

Чаще всего данная субсфера-источник реализуется посредством визуализации прецедентного имени известного политического деятеля, т. е. через изображение его портрета или образа визуального поведения [Мардиева 2016: 257].

Несомненным лидером по частотности апелляции является ПИ «Гитлер» (111 упоминаний среди 296 прецедентных феноменов, репрезентирующих субсферу-источник «Политический деятель»). Актуализация прецедентного имени встречается в разных вариантах: это может быть непосредственно изображение фюрера (тогда прецедентное имя приобретает статус прецедентного визуального образа). В других случаях в креолизованном тексте идет отсылка к ПИ «Гитлер» посредством дополнения какого-либо образа (скорее всего, также прецедентного) узнаваемыми усами Гитлера или же общим, характерным для фашистской Германии жестовым стигматом — нацистским приветствием («*Heil Hitler*» — «*Да здравствует Гитлер!*», «*Слава Гитлеру*», «*Зиг хайль*»).

Цель апелляции к указанному ПИ имеет варианты. Зачастую прецедентный визуальный образ «Гитлер» демонстрирует некий эталон поведения, отношений с «врагом». Националистические объединения в данном контексте выступают последователями нацистской идеологии и политики. Так, например, на рисунке 66 ПИ «Гитлер» применяется с целью создания комического эффекта. Таким образом в сознании адреса происходит актуализация печальных событий Второй мировой войны, апелляция к гитлеровскому режиму. Вследствие использования рифмы: «*Там хачи... и там хачи... ВСЕ ОНИ! СГОРЯТ В ПЕЧИ*», а также жанра интернет-комикса создается эффект «черного юмора».



Рис. 66

Источник: https://pikabu.ru/story/vse_khachi_sgoryat_1495811

ПИ «Гитлер» может употребляться и как манифестант определенных качеств личности, способов ведения политики, и как символ тоталитаризма. При взаимодействии со сферой-мишенью прецедентное имя «Гитлер», как вообще подобные прецедентные имена, становится неким ориентиром, «по которому оценивают деятельность, политические и личностные качества наших современников» [Нахимова 2009: 13].

В некоторых креолизованных текстах ПИ «Гитлер» выступает сферой-источником, а ПИ «Путин» — сферой-мишенью. Президент РФ изображен с усами или прической, характерной для Гитлера, или же в форме фюрера. Этим создатели текстов отмечают сходство политики В. В. Путина с политикой Гитлера, негативно оценивая деятельность президента РФ.

Однако есть и тексты, в которых сравнение Гитлера и Путина оспаривается. При этом положительно оценивается ПИ «Гитлер» с указанием на то, что президент РФ, актуализируемый через ПИ «Путин», не соответствует идеалу. Так, например, на рисунке 67 представлены визуализированные прецедентные имена «Гитлер» и «Путин». От каждого из портретов проведена стрелка вниз к другим изображениям, раскрывающим состояние общества, которое сложилось в период власти того или иного правителя. Под изображением А. Гитлера —

фото с колонной солдат, выстроившихся в шеренгу, а под изображением В. Путина — сцена, судя по всему, какой-то «молодежной тусовки», на которой вокруг молодежи стоят бутылки с алкоголем, а сами молодые люди справляют нужду не стесняясь друг друга, несмотря на разницу в половой принадлежности.



Рис. 67

Источник: https://vk.com/album-33375495_00

Визуальные сравнения подкрепляются вербальным компонентом, заставляющим адресата задуматься: «*Я не понял, ГДЕ СХОДСТВО БЛ#ДЬ?*» Таким образом, состояние общества оценивается так: у Гитлера это порядок, послушание, моральная чистота, а у Путина — развращенность, пьянство и аморальное поведение. Кроме того, следует отметить присутствие в рассматриваемом примере прецедентных визуальных образов с субсферой-источником «*Политическая символика*». Они указывают на приверженность автора текста к националистической идеологии, выполняя роль своеобразной подписи. В белом круге изображен в красном цвете вариант кельтского креста — символ, используемый скинхедами, расистами и неонацистами для обозначения превосходства бедой расы. А в черном цвете изображен символ «Трискелион» (трискель), также активно применяемый неонацистами.

Следует отметить, что подобного рода креолизованных текстов в националистическом дискурсе достаточно много. Популярность подобной актуализа-

ции обусловлена тем, что современные националистические объединения проводят аналогию между политической деятельностью Гитлера и Путина, отмечая большое количество тождественных моментов. На основе этого в дискурсе приобрела определенную популярность возникшая на основе слияния фамилий Гитлера и Путина контаминация «Путлер».

Довольно часто визуализированное ПИ «Путин» служит для создания отрицательного образа президента страны, и основной целью в этом случае является дискредитация руководителя России и его деятельности.

Не менее частотным по актуализации можно назвать ПИ «Сталин». Чаще всего актуализация рассматриваемого прецедентного имени происходит в совокупности с прецедентными историческими ситуациями.

Так, например, на рисунке 68 изображен портрет Сталина (тип креолизованного текста в этом случае — демотиватор). Изображение вождя сопровождается следующим текстом: «УСТРОИМ операцию „чечевица-2“?»



Рис. 68

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

Данный пример содержит несколько прецедентных феноменов: визуализированное прецедентное имя «Сталин» и название прецедентной ситуации, известной по истории — проведение операции «Чечевица» в 1944 году. Совокуп-

ность ПФ выполняет волонтактивную функцию. Основная цель настоящего КТ — призыв к выселению чеченцев, ингушей и других лиц неславянской национальности с территории, «оберегаемой» националистами. Риторический вопрос содержит в себе скрытый призыв к повторению ситуации в настоящем времени, на что указывает число 2.

Следует перечислить иные встретившиеся в ходе отбора материала визуализированные прецедентные имена, актуализируемые в националистическом дискурсе: «Ельцин», «Кадыров», «Ленин», «Медведев», «Навальный», «Обама», «Порошенко» и др. Обозначенные прецедентные имена актуализируются исключительно с негативной оценкой и обычно имеют статус сфер-мишеней для дискредитации. В представлении националистических объединений, перечисленные прецедентные имена символизируют одноименных политиков, которые относятся к «ЧУЖИМ», разрушающим русский мир, русскую нацию и проносящим вред и беды.

Еще одной особенностью актуализации прецедентных имен в националистическом дискурсе можно назвать цитирование известных политиков. Через цитату, которая зачастую соответствует националистическим представлениям о мироустройстве и месте России, националисты выражают свое мнение (оно транслируется «чужими устами»). Некоторые цитаты являются откровенно русофильскими. Часто при этом в роли прецедентных имен выступают имена российских императоров, князей, реформаторов, политиков, националистов, генералов, революционеров. Среди наиболее популярных ПИ, актуализированных через цитирование, можно назвать следующие: «Александр III», «Екатерина Великая», «Ильин», «Меньшиков», «Скобелев», «Столыпин», «Суворов». Визуальный образ прецедентных имен не самостоятелен: в таких видах креолизованных текстов его всегда обуславливает вербальный компонент в виде подписи.

Перечисленные прецедентные имена в националистическом дискурсе, как правило, применяются в денотативном значении, а авторы текстов стремятся апеллировать к известности и авторитету того или иного политического деятеля.

Например, рисунок 69 содержит известную в современной России фразу: «Россия для русских» — и актуализирует ПИ «Скобелев» (имя русского военачальника и стратега, генерала М. Д. Скобелева). На рисунке 69 изображен портрет генерала Скобелева, сопровождаемый вербальным компонентом: «Я готов написать на своем знамени — Россия для русских и по-русски, и поднять это знамя как можно выше». Вербальный компонент давно стал прецедентным в националистическом дискурсе. Примечательно то, что трансляция этой фразы является запрещенной, так как националистами ее смысл реконструирован. Данное высказывание в националистическом дискурсе не всегда актуализирует ПИ «Скобелев», оно может встречаться в КТ с визуализированными ПИ «Александр III», «Катков» и другими. Сам по себе лозунг имеет варианты, однако по смыслу созвучен многим националистическим объединениям. Используя фразу не от себя, а от лица авторитетных в истории России политических деятелей, националистические объединения тем самым стремятся снять с себя ответственность за сказанное.



Рис. 69

Источник: картотека

Через цитаты известных политических деятелей националистические объединения стремятся не только к трансляции своих идей. Встречаются креолизованные тексты, которыми националисты хотят воззвать к совести, чести, пристыдить адресата, а иногда и дать руководство к действию.

Приведем варианты актуализации прецедентных имен через цитацию.

Актуализация ПИ «Столыпин». На плакате представлено визуализированное прецедентное имя — портрет П. А. Столыпина и вербальный компонент: *«Народ, не имеющий национального самосознания — есть навоз, на котором произрастают другие народы».*

ПИ «Меньшиков» представлено в креолизованном тексте в следующем варианте: изображение портрета М. О. Меньшикова, сопровождаемое вербальным компонентом *«И иностранцы, и инородцы могут жить на земле нашей, но лишь под двумя условиями: или они должны быть временными гостями, не стесняющими хозяев ни количеством своим, ни качеством, — или они должны усваивать нашу народную душу через язык, обычаи, законы и культуру нашу».*

Анализ субсферы-источника *«Политический деятель»* позволяет сделать следующие выводы: в основном субсфера представлена визуализированными прецедентными именами известных политических деятелей прошлого и современной России.

Нами была отмечена актуализация прецедентных имен через цитирование или отсылку к известным в истории фактам и событиям, связанным с тем или иным прецедентным именем. Это позволяет говорить о феномене двойной прецедентности в креолизованных текстах с субсферой-источником *«Политический деятель»*. Адресат воспринимает не только изображение известного политика в совокупности с его высказыванием, но также и его имя. Это связано с ограниченной узнаваемостью прецедентного феномена, так как не у всех политиков внешний вид известен массовому адресату.

Субсфера-источник «Националистические объединения и шествия» (10,3 %)

К данной субсфере-источнику относятся креолизованные тексты, которые актуализируют политику и идеологию тех или иных российских или мировых националистических объединений.

Наиболее популярной и частотной является актуализация действующей на территории США ультраправой организации «Ку-клукс-клан» (ККК). Политические предпочтения организации идентичны российским националистическим объединениям: превосходство «белых», белый национализм, расизм. Апелляция к организации обусловлена схожестью идеологий и способов борьбы с «врагом».

Одинаковость цвета кожи в следующем примере (рис. 70) передается через аналогию с парой носок. Националистическая подошва репрезентируется через колпак белого цвета (конический головной убор — традиционный головной убор представителей ККК), надетый на носок, который отсылает адресата к упомянутой выше организации «Ку-клукс-клан». Визуальный образ сопровождается вербальным компонентом: *«Одинаковый цвет — признак идеальной пары»*. Данный текст построен по принципу метонимического переноса.



Рис. 70

Источник: https://vk.com/photo-33375495_351178829?rev=1



Рис. 71

Источник: <https://turboportal.ru/1075-edinstvennyy-normalnyy-klan.html>

В следующем примере (рис. 71) мы видим изображение представителей организации «Ку-клукс-клан» и вербальный компонент: *«Единственный нормальный клан»*. В целом креолизованный текст направлен на положительную оценку деятельности организации, известной жестокими акциями против «неугодных».

На стенах домов можно встретить название объединения правых граффитчиков — SAWB (Street Art White Boys), выступающего за антисистемность и антитолерантность. Например, на рисунке 72 представлено фото граффити с названием объединения «SAWB». Искусство подобного рода является достаточно распространенным в националистическом дискурсе.



Рис. 72

Источник: картотека

Наиболее актуальными в выделенной субсфере стали прецедентные феномены, отсылающие адресата к КKK и иным ныне или ранее действующим националистическим объединениям, таким как РНЕ («Русское национальное единство»), ДПНИ (Движение против нелегальной эмиграции), СС (Славянский союз), «Формат 18». Приведем пример трансляции символики одного из вышеперечисленных объединений.



Рис. 73

Источник: https://vk.com/albums-125471182?z=photo-125471182_457241845%2Fphotos-125471182

На рисунке 73 адресату представлен символ объединения РНЕ — левая свастика, совмещенная с Вифлеемской звездой, и вербальный компонент, выраженный императивной формой: «*РНЕ ПОРА*». Следует отметить, что данный символ и отсылка к националистической группировке дискурсивно обусловлены, иначе говоря, изначально предназначены для круга «СВОИХ».

В проанализированных нами 2000 единицах креолизованных текстов было выявлено 2734 прецедентные единицы, 2306 из которых репрезентируют сферу-источник «История и политика», что составляет 84,3 %. Высокая концентрация ПФ связана с такой особенностью составления креолизованных текстов в националистическом дискурсе, как полипрецедентность, о чем мы будем говорить позже. Как видно из таблицы 1, к числу доминирующих субсфер-источников следует отнести «Политическую символику» в разных вариантах ее проявления (63,5 %).

Таблица 1

Субсфера-источник ПФ	Количество в единицах	Доля, %
Политическая символика:	1465	63,5 %
– национально-государственная символика	854	58,2 %
– современная националистическая символика:	611	47,7 %
• <i>графическая символика</i>	338	55,3 %
• <i>дискурсивная символика</i>	157	25,5 %
• <i>коды визуального поведения</i>	116	19,0 %
Милитаризм	307	13,3 %
Политический деятель	296	12,9 %
Националистические объединения, шествия	238	10,3 %
Итого	2306	100 %

Необходимо отметить, что популярность данной субсферы обусловлена спецификой самой символики, в которой лаконично, но с высокой информативной нагруженностью закодирована важная для националистических объединений информация.

3.2. Сфера-источник «КУЛЬТУРА»

Анализ **сферы-источника «КУЛЬТУРА» (15,7 %)** позволил нам выделить следующие субсферы-источники: «Мультипликация», «Интернет», «Кино», «Литература», «Религия», «Реклама», «Эстрада». Дифференциация сферы-источника «Культура» на перечисленные субсферы обусловлена пониманием культуры как «совокупности достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни» [Тер-Минасова 2000: 12].

Актуальность именно этой сферы-источника, возможно, обусловлена большей ее понятностью для массового адресата. Благодаря субсферам — источникам культурологической информации, авторы текстов могут создавать яркие метафорические, комические, контрастные образы, способные изменять восприятие адресата и прежде всего полюса оценки (отрицательный на положительный).

Рассмотрим подробнее каждую субсферу-источник.

Субсфера-источник «Мультипликация» (37,0 %)

Наличие корпуса прецедентных феноменов, соотносимых с указанной субсферой-источником, не случайно: использование полубившихся героев мультсериалов весьма распространено и является своеобразным «ключом к сердцу» современной молодежи. Образ симпатичных многим добрых, отзывчивых, отважных и справедливых мультипликационных героев не может не вызывать положительных эмоций и не привлекать внимания адресатов. Кроме того, многие креолизованные тексты имеют комический характер. М. Б. Ворошилова отмечает, что использование юмора в креолизованных текстах заставляет адресатов улыбаться — пропадает страх перед серьезной проблемой, а соответственно снижается степень защиты, стремления воспринимать информацию критически [Ворошилова 2016а: 45].

В данную категорию мы включаем прецедентные визуальные образы, отсылающие нас как к мультфильмам, так и к экранизированным сказкам, созданным в разное время, мультипликационным героям, изображенным на вкладышах жевательных резинок (например, из серии «Love is...»), и к героям детских мультфильмов.

Молодежно ориентированная специфика националистического дискурса во многом определяет состав мультипликационных образов, к которым чаще всего апеллируют авторы националистических креолизованных текстов. Наиболее популярны в рассматриваемом дискурсе современные анимационные ленты (и их герои): «Симпсоны», «Южный парк» (*South Park*), «Том и Джерри», «Ultimate Мстители», «Winx», «Губка Боб Квадратные Штаны», «Дружба — это чудо» (*My Little Pony: Friendships Magic*), «Супермен», «Микки Маус», «Тролли» и другие. Отметим, что герои зарубежных мультфильмов иногда используются и как носители идеологии российских националистов, тем самым попадая в категорию «СВОИ». Так, например, в одном из креолизованных текстов изображена банда из мультфильма «Южный парк» в сопровождении следующего лозунга (также относящегося к категории прецедентных):

«МИР! ТРУД! МАЙ! Гастробайтер уезжай!». Но чаще всего иностранные мультгерои — это «ЧУЖИЕ». Именно против них направлена агрессия, и для этого националистические объединения прибегают к стилистическому приему аллюзии, стремясь показать адресату, что все нерусское россиянам чуждо.

Несомненно, националистический дискурс не обошелся без российской, скорее даже советской мультипликации, являющейся классикой жанра. Так, среди популярных мультфильмов и их персонажей эпохи СССР встречаются «Ну, погоди!», «Винни-Пух» (вариант советского рисованного мультфильма), экранизация сказки «Гуси-лебеди», «Трое из Простоквашино», экранизация сказки «Буратино», экранизация сказки «Аленький цветочек», «Умка», «Кот Леопольд», «Малыш и Карлсон», «Возвращение блудного попугая» и другие.

Привлечение прецедентных образов из данной субсферы-источника осуществляется в виде прецедентных текстов, прецедентных визуальных образов, прецедентных ситуаций и др.

Например, известна серия креолизованных текстов с Пятачком и Винни-Пухом, скандирующим националистические лозунги.

Рисунки 74 и 75 относятся к деятельности российской общественно-политической организации националистического характера НБП (Национал-большевистская партия), запрещенной на территории РФ. Первый пример (рис. 50) носит агитационный характер, ср. вербальный компонент: «*Кто вступает в НБП, тот поступает мудро*». Выражение построено путем трансформации фразы («*Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро*») известного мультипликационного героя, изображение которого представлено в визуальной части. Кроме вербального компонента, отсылка к организации НБП идет еще и через майку Винни-Пуха, которая стилизована под флаг НБП — совмещенное с символом серпа и молота полотнище флага нацистской Германии. Тем самым подчеркивается приверженность к национал-большевистской идеологии.

Актуализация иного мультипликационного персонажа — Пятачка (рис. 51) осуществляется, во-первых, благодаря самому изображению преце-

дентного визуального образа «Пятачок», а во-вторых, за счет трансформированного прецедентного текста, используемого в КТ («*Кажется, дождь начинается*»). На картинке изображен Пятачок с флагом организации в руках и вербальным компонентом — предостережением: «*Кажется, БУНТ НАЧИНАЕТСЯ!!!*». В надписи красным цветом дополнительно выделено словосочетание «*бунт начинается*»: красный цвет часто имеет значение вражды, войны, агрессии.



Рис. 74

Источник: https://vk.com/album-55790675_00?rev=1



Рис. 75

Источник: https://vk.com/album-55790675_00?rev=1

Существуют и иные варианты актуализации прецедентных визуальных образов «Винни-Пух» и «Пятачок», осуществляемой как с пропагандистской, так и с юмористической целью.

Актуальным в националистическом дискурсе является образ печи, отсылающий адресата к способу уничтожения людей в нацистской Германии. В целом апелляцией к прецедентным феноменам с субсферой-источником «Мультипликация», по мнению адресанта, можно актуализировать в сознании адресата события холокоста и Великой Отечественной войны.

Так, на рисунке 76 представлен коллаж, составленный из эпизодов мультфильма «Попугай Кеша — Возвращение блудного попугая 3». Прецедентный

визуальный образ попугая Кеши выбран националистами из-за составляющих картинку элементов. Сам попугай не эксплицирует концептуальные националистические идеи, но посредством образа печки автор КТ демонстрирует адресату общеизвестную и близкую националистическим объединениям судьбу евреев и прочих «чужих».

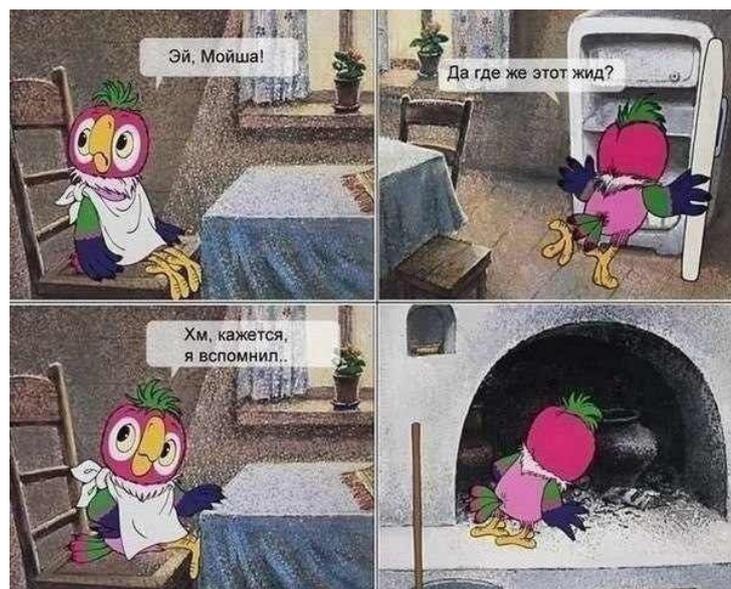


Рис. 76

Источник: https://vk.com/photo-33375495_304121081?rev=1

Печь, будучи частотным элементом многих КТ рассматриваемого дискурса, обычно актуализируется в результате обращения к таким мультипликационным образам, как печка из мультфильма-сказки «Вовка в тридевятом царстве», печь из экранизированной сказки «Гуси-лебеди» (при этом изображение печки сопровождается следующими текстами: «Надо больше евреев», «Нужно больше чурок», «Хачи в печи»), печь из русской народной сказки «По щучьему веленью» (при этом известная сказочная фраза трансформируется авторами КТ в следующий текст: «*По щучьему веленью, по моему хотенью пусть Хачи горят в печи*») и другие.

Печь как орудие убийства эксплицируется через параллель с известной фамилией почтальона Печкина из мультфильма «Трое из Простоквашино»

(рис. 77; поясняющая надпись: «Евреи никогда не любили мою фамилию»). Использование прецедентного визуального образа почтальона Печкина обусловлено стремлением к языковой игре. Посредством языковой игры не просто актуализируются события холокоста и факт использования печей как орудия убийств в период Третьего рейха. Достигается еще и комический эффект, смех, вызванный, казалось бы, безобидной внутренней формой фамилии.



Рис. 77

Источник: https://vk.com/photo-33375495_308072486?rev=1

В других примерах прецедентные феномены с субсферой-источником «Мультипликация» используются в качестве своеобразных эталонов (эталон цвет кожи, эталонов поведения). Возможны сравнения с иностранными мультфильмами, которые, по мнению авторов националистических креолизованных текстов, ничему хорошему научить не могут.

Так, например, широкое распространение в националистическом дискурсе получило имя художника стрит-арта «Умка», который, помимо всего прочего, является администратором крупнейшего сообщества граффитистов из числа радикальных националистов SAWB, целью творчества которых является пропа-

ганда запрещенной на территории России идеологии национализма [Ворошилова 2016а: 44]. Автор настенных рисунков использует граффити как основной прием агитации за сохранение «белой» нации. Заимствованный из одноименного мультфильма псевдоним построен на языковой игре: *белый* мишка как борец за *белую* расу [Ворошилова 2016а: 44]. Прецедентный визуальный образ «медвежонок Умка» становится орудием пропаганды националистических идей. На рисунке 78 мы видим изображение белого мишки с призывом к сохранению белой расы, а на рисунке 79 мишка призывает адресатов активно действовать против «врага», под которым понимаются лица неславянской национальности. Это становится очевидным благодаря иным элементам креолизованного текста: прецедентному тексту (*Идея без дела мертва*), а также визуальным кодам, которые показывают адресату, как нужно действовать (кастет, нож, окровавленная маска, зажигательная смесь и др.).



Рис. 78

Источник: картотека



Рис. 79

Источник:

<https://www.vice.com/ru/article/4xvbjj/interview-with-umka>

Кроме того, националистический характер КТ придает нанесенный на лексему «действуй» символ «коловрат».

Нередко прецедентные визуальные образы, заимствованные из русских и иностранных мультфильмов или сказок, вступают друг с другом в компара-

тивные отношения в рамках одного креолизованного текста. Обычно русские сказки и мультфильмы выступают в роли эталонных, а зарубежные противопоставляются им и осуждаются авторами текстов [Бабикова 2017: 172].

Антизападнические настроения в кругах националистических объединений также могут выражаться через изображения физического противостояния между российскими и западными мультгероями. При этом обычно победу одерживают «СВОИ». Так, например, на рисунке 80 представлены прецедентные визуальные образы, отсылающие нас к русской мультипликации: «Винни-Пух», «Карлсон», «Буратино». Эти герои вступают в физическую борьбу с другими, представленными прецедентными визуальными образами западной мультипликации: «Губка Боб Квадратные Штаны» (SpongeBob SquarePants), «Микки-Маус» (Mickey Mouse) и Скрудж Мак-Дак (Scrooge McDuck), или дядя Скрудж (англ. *Uncle Scrooge*) — главный персонаж мультсериала «Утиные истории». Сцена избиения «ЧУЖИХ» подкрепляется вербальным компонентом: «ПОНАЕХАЛИ», что в российской лингвокультурной картине мира означает прибытие непрошенных, нежданных гостей (выводы сделаны на основе анализа интернет-форумов, посвященных обсуждению данной фразы).



Рис. 80

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Субсфера-источник «Интернет» (20,5 %)

Развитие такого средства массовой коммуникации, как интернет, в настоящий момент достигло больших масштабов, что позволяет рассматривать интернет как ядро цивилизационного развития и как феномен культуры.

Кроме того, сфера интернета теперь имеет свои правила, свою стилистику, устойчивые единицы передачи информации, к которым мы относим интернет-мемы. Они также рассматриваются нами как прецедентные единицы, с помощью которых националистические сообщества успешно транслируют свои идеи. Интернет-мемы (шире — поликодовые тексты) известны преобладающему большинству представителей социокультурного сообщества благодаря регулярной воспроизводимости. Адресаты имеют представление о них и об их вариантах, а адресанты часто используют шаблоны для создания собственных интернет-«шедевров», несущих информацию, не оставляющую равнодушными членов интернет-сообществ.

О жанровом разнообразии интернет-мемов писали Д. С. Мичурин, Е. А. Нежура, Т. В. Савицкая, Ю. В. Щурина, Л. В. Ухова, Н. В. Часовский и другие исследователи.

Так, в диссертационном исследовании Д. С. Мичурина представлены виды именно поликодовых текстов интернет-коммуникации, среди которых аски-арт (буквопись, ASCII-art), эмодзи (смайлы), макросы, демотиваторы, веб-комиксы и инфографика [Мичурин 2014].

Е. А. Нежура описывает «новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве интернета», выделяя такие, как демотиватор, мем (эдвайс), интернет-комикс, комикс-стрип [Нежура 2012].

Проблемы типологии интернет-мемов рассматриваются в исследовании Ю. В. Щуриной. В основе ее классификации мемов лежит ряд критериев: 1) способ выражения мема (вербальный, невербальный или гибридный); 2) источник возникновения мема; 3) структура мема. Так, предложенная Ю. В. Щуриной классификация позволяет исследователю выделить следующие разновидности интернет-мемов: *текстовые мемы*, например: а) *Медвед*, *Упяч-*

ка; б) *Аффтар жжот, Йа криветко!*; в) *Это неловкое чувство, когда...*; *Мне одному кажется, что...*; **мемы-изображения**: а) *Ктулху, Faceralt* и др.; б) «фотожабы»: *Свидетель из Фрязино, Гном* (или *гнум*) и др.; в) *Котэ, Собака* и др.; **медиамемы**: *Mr. Trololo*, ролик с китайцем («Очки надо?») и др.; **гифы** — анимированные картинки, а также креолизованные мемы, среди которых выделяются комиксы, эдвайсы, демотиваторы и др. [Щурина 2014б, 2014в].

Жанровому своеобразию интернет-мемов посвящено исследование Л. В. Уховой, которая выделяет следующие наиболее популярные разновидности мемов: карикатуры, адвайсы (эдвайсы), стрип-комиксы, «аткрытки», макросы и демотиваторы [Ухова 2014]. Л. В. Ухова выявила жанроопределяющие и жанрообразующие параметры мемов, описала особенности их функционирования в интернет-пространстве.

Анализ материала позволил выделить следующие разновидности националистических интернет-мемов, по структуре относящихся к креолизованным мемам, то есть имеющих в своем составе единицы вербальных и невербальных знаковых систем: демотиватор, макрос, эдвайс, интернет-комикс, «аткрытка». Рассмотрим некоторые примеры.

Макрос (или **макро**) — тексты, содержащие визуальные компоненты, главная цель которых — передача эмоций по отношению к предмету. Визуальный компонент может быть представлен удачной или, напротив, курьезной фотографией, или же кадром из фильма. Поза, жесты, выражение лица, взгляд отражают определенную эмоцию, состояние. Таким образом, макрос имеет двухчастную структуру, где текстовый компонент транслирует конкретное событие, а изображение — сопутствующий эмоциональный настрой.

Частотным мем-образом в современном националистическом дискурсе является популярный в интернет-коммуникации образ Роберта Дауни с закатанными глазами и фразой: «*Мое лицо, когда...*». Данный мем используется с целью демонстрации раздражения или недовольства в связи с конкретной ситуацией. В свою очередь, продолжение фразы связывается с актуальной для

националистических объединений тематикой, например: «*Мое лицо, когда евреи спасаются от карательных отрядов СС*» (рисунок 81).



Рис. 81

Источник: https://vk.com/photo-33375495_356301343?rev=1

Следующий пример (рис. 82) демонстрирует иной тип интернет-мемов, адаптированный для трансляции националистической идеологии, — это эдвайс.

Эдвайс (от англ. *advice* — «совет») — категория мемов-картинок с разными животными или персонажами на цветном фоне. Сверху и снизу размещены остроумные фразы, которые произносит центральный персонаж.

Структурной особенностью данного жанра является его трехчастная композиция:

- фон — цветовая подложка (служащая определенным жанровым знаком);
- визуальный знак — прецедентное изображение, визуальный мем, задающий тематику или указывающий на определенный дискурс;
- вербальный компонент — представляет собой двухчастное высказывание, утвердительное или в форме совета.

К наиболее распространенным визуальным «героям», характерным для данного типа мемов, относят «Филологическую деву, Скучающего Ботана, Улыбчивого кавказца, Котэ и др.» [Щурина 2014в]; «филосораптора, голубя-религиоведа, медведя-педофила и др.» [Мичурин 2014].

В националистическом дискурсе также встречаются эдвайсы с узнаваемыми всеми персонажами («Филосораптор», «Улыбчивый кавказец»). Зачастую заимствуется именно форма эдвайса, а остальные компоненты, такие как цветовая наполняемость и образы, продиктованы семантикой дискурса.

К наиболее популярным цветовым комбинациям следует отнести те, которые способны актуализировать в сознании реципиента нацистскую символику: черный, красный, белый, коричневый. Актуальна «перекличка» черного и белого цветов как визуальное выражение оппозиции «СВОЙ — ЧУЖОЙ».

Среди наиболее популярных образов, встраиваемых в форму националистического эдвайса, отмечены «Адольф Гитлер», «представитель сообщества „Ку-клукс-клан“», «Улыбчивый кавказец — 2», «Типичный иммигрант», «Baby win», «Мультиплицированный афроамериканец» (см. пример на рис. 59).



Рис. 82

Источник: https://vk.com/photo-33375495_384036040?rev=1

В основе данного креолизованного текста лежит шаблон эдвайса, ставший прецедентным. Наполняемость эдвайса соответствует националистическому дискурсу: центральным образом является представитель ультраправой организации США «Ку-клукс-клан», основным идеологическим постулатом которой является превосходство «белых» (белый национализм). Вербальный компонент посредством антитезы выражает идею «клана»: «Жизнь как зебра, замыкает круг»

БЕЛАЯ РАСА, ЧЕРНЫЙ ТРУП». Цветовая гамма данного мема дублирует и усиливает антитезу вербального компонента: *«белая раса — черный труп»*.

Распространение националистических идей с помощью ставших прецедентными интернет-мемов обусловлено рядом факторов, прежде всего развлекательно-юмористическим характером мемов, что способствует оперативному распространению их во Всемирной сети посредством «лайков», репостов и добавлений. Форма мема является идеальной структурой для меткого, метафорического, короткого, но при этом предельно ясного и емкого выражения ценностных ориентиров, политических предпочтений и мировоззрения националистов, является мощным орудием воздействия на мировосприятие и сознание как отдельных личностей, так и целых групп.

Субсфера-источник «Кино» (12,0 %)

В рамках указанной субсферы-источника в основном встречаются фильмы, относящиеся к жанрам триллера, боевика, криминальной драмы, что детерминируется наличием в них множества сцен насилия. Обращаясь к перечисленным жанрам, националистические объединения, настроенные агрессивно против «врага», обычно идентифицируют с носителями своей идеологии ужасающие образы героев, прославившихся своей жестокостью и любовью к физическим расправам над людьми. В качестве эталонных могут использоваться кадры из фильмов, наиболее близких по концепции к националистической идеологии. В иных примерах это могут быть просто актеры кино, которые стали популярны благодаря роли, созвучной по духу современным националистам.

Так, например, одними из самых популярных по частоте апелляции являются российские фильмы «Брат», «Брат-2» и актер Сергей Бодров, сыгравший в них роль Данилы Багрова. Апелляция к данному фильму и этому актеру обусловлена тем, что в националистическом дискурсе образ героя становится символическим, его воспринимают как защитника униженных и оскорбленных. С. Бодров становится символом настоящего мужчины, сильного, немногословно-

го, но при этом справедливого, воплотившего в себе идеи братства и единства («Своих не бросаем»). В интернет-пространстве выражается общественное мнение, согласно которому Данила Багров — персонаж неоднозначный. Его называют шовинистом, националистом, многим вспоминается его яркая, полная ксенофобии фраза: *«Не брат ты мне, гнида черножопая»*. Встречается также мнение о том, что современные националисты и скины возвращаются на таких фильмах [Сергей Бодров. Брат. К портрету кинозвезды 2015: <http://>]. Возможно, именно поэтому актер и сцены из фильма стали эталонными в националистическом дискурсе.

Визуализированное прецедентное имя «Багров» как символ сохранения порядка использовалось в креолизованных текстах запрещенной на территории РФ террористической и экстремистской организации ДПНИ (Движение против нелегальной иммиграции).



Рис. 83

Источник: картотека

Так, на рисунке 83 представлен плакат, выпущенный упомянутой организацией, на котором присутствует визуализированное прецедентное имя «Багров»; националистическая концепция плаката считается благодаря не только самому образу героя, но и его антагонистам — лицам кавказской национальности из фильма «Брат», изображенным справа внизу.

В некоторых примерах ПИ «Багров» — это символ свободы. Так, например, на рисунке 84 представлен коллаж, построенный на визуальной антитезе: сверху — изображение орла, который символизирует собой свободу, отвагу, гордость, величие и т. д., а рядом — изображение актера Сергея Бодрова. В нижнем ряду фотографий представлены, с одной стороны, стадо овец, с другой — группа людей неславянской внешности. Дополняющий визуальный ряд вербальный компонент: *«Бараны всегда пасутся стаями, орлы летают в одиночестве»* — позволяет сделать вывод о визуализации бинарной оппозиции «СВОИ — ЧУЖИЕ», характерной для националистического дискурса. «Свои» обозначены визуализированным прецедентным именем «Багров», содержащим отсылку к фильму «Брат», а «чужие» репрезентированы с обращением к классическому варианту представлений о враждебной «русскому народу» силе, против которой ведется борьба.



Рис. 84

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Кроме того, апелляция к субсфере-источнику «Кино» заставляет адресата вспомнить и другие фильмы. Например, ряд прецедентных имен отсылает к фильмам ужасов, главные герои которых беспощадно убивают своих жертв. Националистический смысл эти ПИ получают за счет вербальных компонентов.

Так, например, рисунок 85 отсылает к серии фильмов «Пятница, 13-е», преимущественно к образу главного героя — Джейсона Вурхиза. Вымышленный персонаж фильма — маньяк-убийца — известен своими кровавыми способами расправы над жертвами. Используя образ маньяка-убийцы, известного широкому кругу адресатов, авторы текстов стремятся тем самым продемонстрировать способы борьбы с людьми иных национальностей. Те, на кого направлена агрессия, репрезентированы вербальным компонентом КТ: «Подкинь-ка еще чурок».

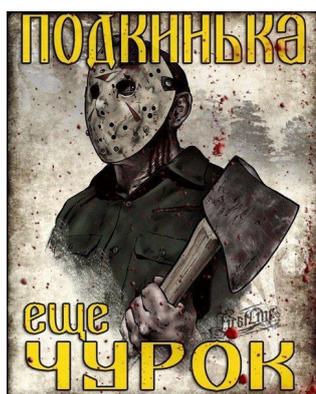


Рис. 85

Источник: https://vk.com/photo-149747365_456239411?rev=1

Другое изображение (рис. 86) восходит к серии фильмов ужасов «Пила» вследствие визуализации ПИ «Кукла Билли».



Рис. 86

Источник: https://vk.com/albums-24080071?z=photo-24080071_262384844%2Fphotos-24080071

В фильме кукла Билли известна больше как марионетка, которой управляет истинный убийца. Кукла используется с целью информирования жертв смертоносных игр убийцы (по фильму «Пила»), которые обычно заканчивались провалом жертв — смертью. Так, используя прецедентный визуальный образ «Кукла Билли», авторы текста посредством вербального компонента: «ЗДРАВСТВУЙ КАВКАЗЕЦ я хочу сыграть с тобой в игру» — как бы предупреждают и прогнозируют исход событий — смерть избранной жертвы.

Некоторые КТ демонстрируют специфический юмор (посмеяться над «ЧУЖИМ»), а некоторые направлены на унижение через осмеяние. Рамкой для юмористического приема являются сцены из известных фильмов или заставки.

Так, например, заставка фильма «Властелин колец» видоизменена авторами КТ и представляет вместо героев фильма людей «кавказской национальности» с измененным вербальным компонентом: «ВЛАСТЕЛИН ОВЕЦ. Братство одной брови».

В другом примере (рис. 87) очевидна параллель с названием фильма «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика». На рисунке изображена сцена из фильма с участием студентки Нины (актриса Наталья Варлей), дополненная вербальным компонентом: «Не хочу к хачам». Использование, казалось бы, безобидной и всем известной сцены из любимейшего многим советского фильма становится орудием разжигания межнациональных конфликтов, так как употребление этнофолизма «хач(ик)» не может вызвать положительной реакции у лиц, против которых направлен данный КТ.



Рис. 87

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

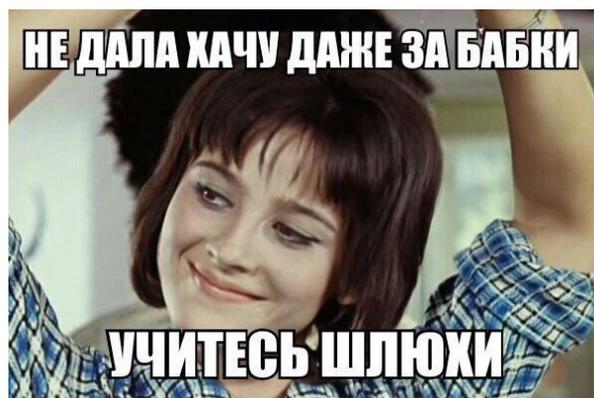


Рис. 88

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Идея другого изображения (рис. 88) заключается в выражении важных для националистов моральных норм, предписываемых женщине-славянке (ее образ вновь воплощает студентка Нина): *«Не дала хачику даже за бабки. Учись шлюхи»*.

Данный КТ ставит в оппозицию женщин, не вступивших ни в какие сексуальные и иные связи с представителями «кавказской национальности», и тех представительниц слабого пола, кто позволяет себе «общение» с кавказцами. Такие женщины характеризуются вульгаризмом (*«шлюха»*).

Нам встретились и другие примеры актуализации субсферы-источника «Кино». Среди фильмов, к которым даются отсылки, отметим следующие: «Аватар», «Годзилла», «Звездные войны», «Матрица», «Место встречи изменить нельзя», «Операция „Мертвый снег“», «Терминатор», «Белое солнце пустыни» и другие. Образы, фразы, прецедентные имена и прочие элементы этих фильмов метафорично и афористично могут, по мысли авторов КТ, выразить идеологию национализма.

Субсфера-источник «Литература» (10,3 %)

Данная субсфера-источник представлена визуализированными прецедентными именами и прецедентными фразами (цитатами) из произведений, входящих в школьную программу и знакомых массовому адресату. В основном это изображения русских писателей с цитатами, близкими по духу и идеологии современным русским националистам, стремящимся выразить свои мысли через апелляцию к известному, авторитетному мнению классических писателей.

Актуализация прецедентного имени осуществляется через цитирование сочинений соответствующего автора, что также позволяет говорить о феномене двойной прецедентности в креолизованных текстах с субсферой-источником «Литература» (перед адресатом не только изображение известного писателя с его цитатой, но также и его инициалы, т. е. полное имя): элементы креолизованного текста основываются и на ПИ, и на ПТ; тем самым достраивается «вертикальный контекст» [см.: Ахманова, Гюббенет 1977; трактовка термина применительно к современным медиа: Бобровская 2015: 44].

Активность данного приема отмечена в материалах запрещенной на территории РФ националистической организации ДПНИ (Движение против нелегальной иммиграции). Обычно изображения русских писателей, сопровождаемых вербальным компонентом в виде относящейся к писателю цитаты, подкрепляются призывным лозунгом: «*Вернем себе Россию!*» — и логотипом организации с контактной информацией. Данная тактика демонстрирует согласие с прецедентным высказыванием и относит визуализированное прецедентное имя к категории «СВОИ».

На рисунке 89 представлено ПИ «Достоевский» с его цитатой: «*Хозяин земли русской есть один лишь русский: так было и всегда будет. Ф.М. Достоевский*».

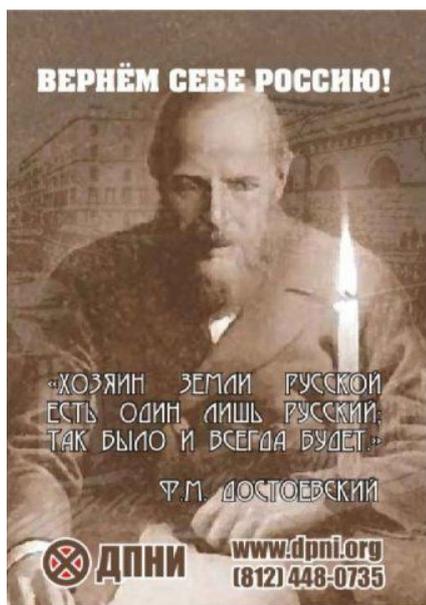


Рис. 89

Источник: картотека

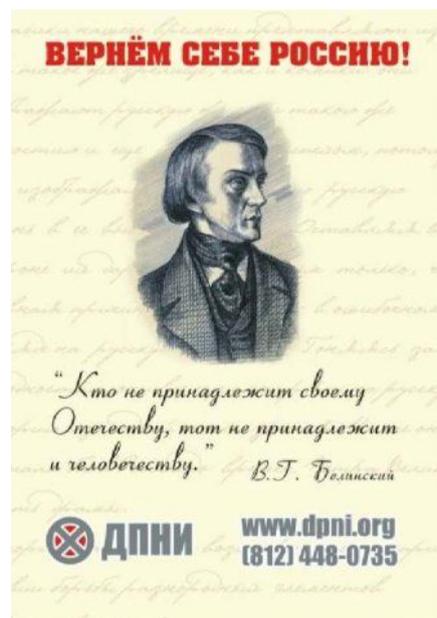
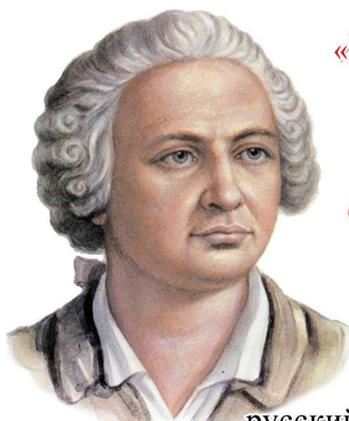


Рис. 90

Источник: картотека

В следующем примере (рис. 90) представлено визуализированное прецедентное имя «Белинский» в сопровождении все тех же «фирменных» компонентов и цитат из творчества литературного критика: *«Кто не принадлежит своему Отечеству, тот не принадлежит и человечеству. В.Г. Белинский»*. В данном примере через прецедентную фразу авторы обращаются к адресату, апеллируют к его позиции, указывая на то, что человек должен чтить свое Отечество, иначе он перестает быть человеком вообще.

Данный прием использует и другая запрещенная на территории РФ ультраправая националистическая организация, РНЕ («Русское национальное единство»). Так, на рисунке 91 представлено визуализированное прецедентное имя «Ломоносов» с идентифицирующей фразой: *«Величие, могущество и богатство всего государства состоит в сохранении и размножении русского народа»*, подписью организации: *«Русское Национальное Единство»* и эмблемой организации — левосторонней свастикой, совмещенной с Вифлеемской звездой, а также с контактами.



«Величие, могущество
и богатство
всего государства
состоит в сохранении
и размножении
русского народа»

Ломоносов М. В.,
русский ученый-естествоиспытатель

Русское Национальное Единство  www.center-rne.org

Рис. 91

Источник: картотека

В выборке материала есть и примеры фальсификации — случаи, когда националистические объединения намеренно приписывают известным писателям авторство текстов, в которых прослеживается стремление к разжиганию межнациональной ненависти.

Так, например, на рисунке 92 актуализировано ПИ «Лермонтов». Текст, сопровождающий портрет писателя, содержит следующее высказывание: *«Я люблю Кавказ, но презираю тех, кто живет там. Нигде в мире нет таких варварских обычаев и таких уродливых людей, как кавказцы. если мы не истребим их, эта грязь скоро окажется в наших городах. М.Ю. Лермонтов»*. Демотиватор сопровождается припиской снизу: *«НО ВСЕ ПОЧЕМУ-ТО ЗАПОМНИЛИ „я люблю кавказ“»*.



Рис. 92

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

В данной подписи авторы текста призывают не сомневаться в том, что автором цитаты действительно является поэт. Адресату стремятся показать, что вопрос переселения кавказцев в Россию стоял остро еще при жизни Лермонтова и уже тогда беспокоил равнодушных патриотов. Апеллируя к авторитетному мнению известного поэта, националисты стремятся пробудить националистические чувства в российском обществе. Таким образом не только у русских формируются отрицательные чувства по отношению к народам Кавказа, но и у них провоцируется возникновение русофобии. Это происходит за счет способности подобных текстов легко внушать неподготовленному адресату мысль о том, что русский народ издавна был против совместного проживания с другими народами на своей территории.

Однако согласиться с авторством данного текста мы не можем, несмотря на то, что сохранена стилистика поэта, используется лексика, характерная для XIX века. Поиски в произведениях и переписке предполагаемого автора не были успешными: процитированного отрывка у М. Ю. Лермонтова нет. Также в сети Интернет представлена экспертиза данного выражения, по результатам которой делается вывод, что цитата ложная и не принадлежит М. Ю. Лермон-

тову [Старииков 2012: http]. Разбор данного примера в очередной раз позволяет подчеркнуть, что националистические объединения, создавая тексты с опорой на авторитетные источники, провоцируют межнациональную агрессию, стараясь при этом уйти от ответственности, так как Лермонтов — это гордость русского народа, поэт, который не может быть предметом осуждения.

Зачастую в текстах националистических объединений писатели и поэты получают функцию критиков несовершенного российского законодательства. Так, например, в националистическом дискурсе активно транслируется одна из популярных фраз А. И. Солженицына: *«Словом „фашизм“ у нас кидаются безответственно, как удобным бранным словом, чтобы не дать встать русскому самосознанию».*

Другой пример (рис. 93) критики современного российского права содержит цитату: *«Никаким развратом, никаким давлением и никаким унижением не истребить, не замертвить и не искоренить в сердце народа нашу жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего... Ф.М. Достоевский».*

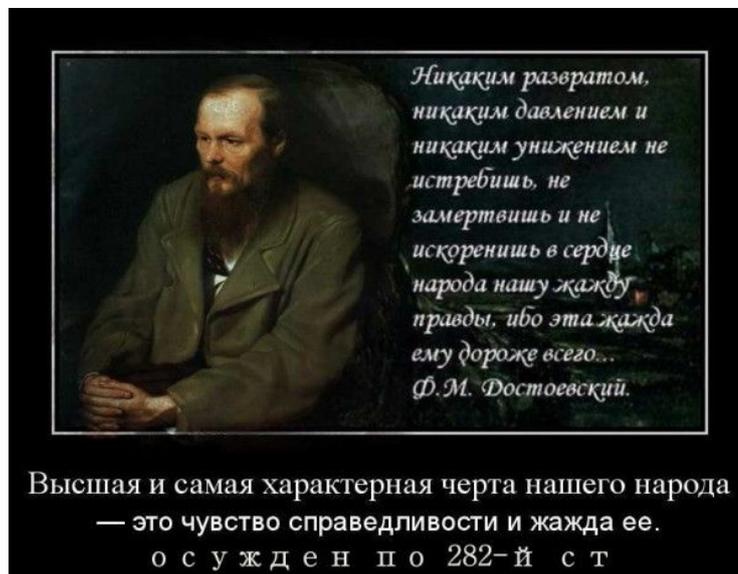


Рис. 93

Источник: картотека

Эмоциональное высказывание писателя, отражающее суть характера русского народа, близко «патриотическому» чувству автора текста, который со-

глашается с содержанием цитаты: *«Высшая и самая характерная черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее»*, а также выражает мнение по поводу российского законодательства, заключающееся в том, что положительные качества народа, стремление к созданию великой державы в современном мире преследуются по закону. Такой вывод можно сделать из заключающей демотиватор фразы: *«осужден по 282-й ст.»* (УК РФ, ст. 282 — *«Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»*).

Необходимо отметить, что прием актуализации прецедентных имен известных писателей и поэтов с идентифицирующими фразами распространен в националистическом дискурсе и, как правило, характеризуется однотипной формой, т. е. обязательностью изображения автора цитируемого текста. Создатели подобных работ апеллируют в основном к текстам писателей XVIII—XIX вв., так как именно в тот период пробуждается активный интерес к национальному вопросу в России. В основном цитируются те фразы, которые передают размышления о Русской земле, о русском народе и его нелегкой судьбе.

К прочим визуализированным прецедентным именам с субсферой-источником «Литература» относятся следующие: «Гоголь», «Карамзин», «Пушкин», «Тургенев», «Шевченко» и др.

К субсфере-источнику «Литература» мы также относим апелляцию к прецедентным визуальным образам обложек книг и журналов, в которых так или иначе отражается национальный вопрос. Так, например, на рисунке 94 представлен демотиватор, центральным компонентом которого выступает прецедентный визуальный образ — обложка книги В. Маяковского *«Что такое хорошо и что такое плохо»*.

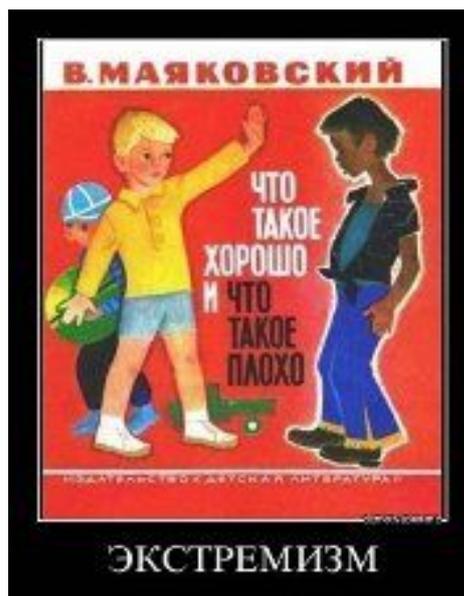


Рис. 94

Источник: https://vk.com/photo-33375495_336401496?rev=1

На обложке книги мы видим мальчишку-драчуна, который изображен темнокожим. Вполне вероятно, что кожа мальчика сделалась настолько темной вследствие использования компьютерной программы, редактирующей изображения, так как на оригинальной обложке кожа мальчика светлее (на цветовую гамму рисунков выпускаемой книги, в том числе на оттенок кожи персонажей, может влиять несколько факторов: от качества печати до решения издательства). Мальчик, который заступает за малыша, намного светлее и внешне соотносится с представлениями националистических организаций о человеке, имеющем идеальную «славянскую» внешность. Подпись демотиватора: «ЭКСТРЕМИЗМ». Авторы текста демонстрируют адресату тот факт, что идея национализма может скрываться в безобидных детских книгах. Точнее говоря, националистические объединения приписывают книгам эти свойства самостоятельно на основе визуальной аналогии: светлая кожа, светлые волосы — «СВОЙ», который вступает в конфликт со смуглым, темнокожим «ЧУЖИМ».

Апеллируя к тем или иным прецедентным феноменам с субсферой-источником «Литература», националистические объединения стремятся показать схожесть своих мыслей и чувств с общекультурными, литературными фактами, имеющими давнюю историю и определенный авторитет среди населения.

Субсфера-источник «Религия» (10,0 %)

Субсфера-источник «Религия» в националистическом дискурсе носит неоднозначный характер. Преобладающее большинство КТ апеллирует к православно́й религии. Двойственность данной субсферы обусловлена идеологической направленностью и спецификой той или иной националистической группировки. Те объединения, чья идеология строится на язычестве (неоязычестве), осуждают принятие христианства. В этих случаях актуализация субсферы-источника «Религия» приводит к созданию отрицательного образа православия и его отвержению.

Так, например, на рисунке 95 актуализировано прецедентное имя «Владимир Святой».

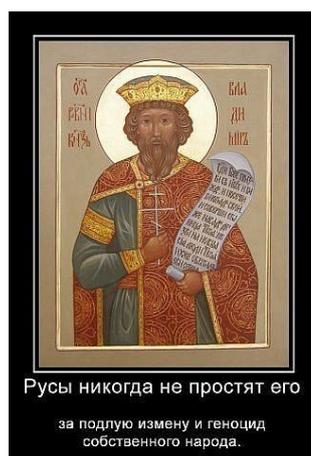


Рис. 95

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Националистами создан демотиватор: икона Владимира Святого и внизу текст: «Русы никогда не простят его за подлую измену и геноцид собственного народа». Цель КТ — осуждение принятия христианства на Руси, так как неоязычникам свойственно восприятие исторического события — Крещения Руси — как геноцида невиданных масштабов. Неоязыческие организации называют крещение Руси насильственным действием, против которого выступало преобладающее большинство язычников, однако судьба протестующих была решена массовым уничтожением.

Под геноцидом славянского народа националистические объединения понимают и невозможность строительства языческих храмов на территории страны. Среди КТ есть фотоколлаж с церквями и храмами разных религий — это мечеть, синагога, церковь. Вербальный компонент заставляет адресата задуматься над несправедливым, по мнению адресанта, фактом: *«В России можно строить мечети, синагоги и церкви. Но капище построить — нельзя. Это ли не доказательство антирусского режима?»*.

Актуальной в националистическом дискурсе является фраза *«Мой Бог меня рабом не называл»* и ее варианты, дискредитирующие христианскую религию. Так, например, на рисунке 96 актуализированы прецедентные визуальные образы с субсферой-источником «Религия»: слева мы видим изображение Иисуса Христа с вербальным компонентом: *«„Ты раб Божий“», — сказали мне люди, похожие на рабов»*, рядом изображен славянский бог с текстом: *«„Ты дитя Богов“», — сказали мне люди, похожие на богов»*.



Рис. 96

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Называя христиан рабами, авторы текстов стремятся дискредитировать христианство, апеллируя к прецедентному имени из православной молитвы:

«раб божий». Националистические объединения преследуют цель унижить тех, кто исповедует православие, указывая на их бесправие, безволие. В первую очередь актуализируется словарное значение лексемы «раб»: *«1. При рабовладельческом строе: человек, лишённый всех прав и средств производства и являющийся полной собственностью владельца, распоряжающегося его трудом и жизнью. Восстание рабов. Продать раба. 2. В России 18 — 19 вв.: о крепостном крестьянине. 3. Бесправный человек, находящийся в полной экономической, политической или психологической зависимости от кого-л. Превратиться в раба. 4. Тот, кто подобострастно исполняет волю другого, кто льстит и низкопоклонствует. * И перед властью презренные рабы (Лермонтов). 4. Тот, кто полностью подчиняется каким-л. обстоятельствам, условиям и т. п. Раб условностей. Раб предрассудков, обычаев»* [БТС 2014: <http>].

Необходимо отметить, что значение, которое придают современные националистические объединения лексеме «раб», отличается от семантики реально библеизма, в котором нет унижительных коннотаций. Кроме того, отпечаток накладывают и особенности словоупотребления данной лексемы в разное историческое время.

Следующий КТ не просто отсылает адресата к субсфере-источнику «Религия», но и выражает агрессию в адрес еврейского народа. На изображении (рис. 97) мы видим распятого Иисуса Христа, а также нависшую над ним руку с молотом, на котором изображен квадрат Сварога, один из популярных свастических символов радикальных неонацистских организаций.



Рис. 97

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

Об агрессивности и враждебности против христианства, а также об анти-семитских настроениях свидетельствует вербальный компонент, дополняющий прецедентный визуальный образ «распятие Иисуса Христа»: *«Еврей! Я люблю тебя мертвым! Слава Руси!»*. Образ Христа не случайно выбран в данном примере, он символизирует отношение ко всему еврейскому народу. Кроме того, подпись к данному креолизованному тексту: *«ПОПРОБУЙ РАСПЯТЬ СОЛНЦЕ и сразу поймешь, кто бог»* — содержит следующий смысл: когда будет распято «святое солнце», мир увидит истинного бога, чуждый бог покинет пьедестал и воскреснет Бог Сварог, тем самым победив христианство и того бога, в которого верят православные.

Однако субсфера-источник «Христианство» в некоторых случаях может отождествляться с Русью, она является своеобразным индикатором русскости.

На рисунке 98 представлен демотиватор, в центре которого — фотография части Ростовского кремля.



Рис. 98

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

Крупным шрифтом дается подпись: «*РУСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ*», а далее идет вербальный компонент, который направлен на выражение патриотических чувств и взаимосвязи между православием и «своей страной».

В некоторых случаях происходит актуализация ситуации, ставшей прецедентной и нашедшей отражение в иконописи — это победа Георгия Победоносца над драконом. В рассматриваемом примере (рис. 99) представлен образ Георгия Победоносца в виде всадника, поражающего копьём змея. Вербальный компонент, распадающийся на две части, построен по аналогии с этим образом: «*Дави гея как Георгий — змея*».



Рис. 99

Источник: картотека

В данном контексте однополая любовь соизмерима с тем злом, которое приносил, по преданию, дракон. Борьба с однополой любовью, согласно этому тексту, великий подвиг, к которому авторы текста активно призывают.

Прецедентный визуальный образ «Георгий Победоносец, убивающий змея», часто встречается в разных вариантах креолизованных текстов националистического дискурса.

В целом следует отметить, что в националистическом дискурсе в основном актуализированы феномены таких религий, как «Православие», «Язычество». В нашем материале встретилось лишь несколько упоминаний ислама и иудаизма.

Субсфера-источник «Реклама» (5,1 %)

Субсфера-источник «Реклама» представлена в националистическом дискурсе с традиционной целью: «прорекламировать» националистический «продукт», привлечь внимание к вопросу (проблеме), используя прецедентные феномены, известные широкому кругу адресатов.

В ходе анализа была отмечена активная апелляция к прецедентному визуальному образу «мистер Пропер (Проппер)». Образ взят из всем известной рекламы универсального чистящего средства *Mr. Proper*. Апелляция к образу мотивирована визуальной аналогией, которую националистические объединения проводят между внешним видом Мистера Пропера и классической, стандартной внешностью скинхеда: общий элемент облика — бритая голова. Кроме того, знаковыми для националистов являются лексема «чисто», а также глагол «очистить», заимствованные из рекламного текста: «С „Мистер Пропер“ веселей, в доме чисто в два раза быстрее».

Так, на рисунке 100 представлен прецедентный визуальный образ «Мистер Пропер», внешность которого дополнена визуальным кодом: узнаваемыми усами Гитлера, отсылающими адресата к образу вождя Третьего рейха и к его политической деятельности в рамках политического режима — нацизма.



Рис.100

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

Вербальный компонент, сопровождающий визуальный образ: «*Мистер Проппер веселей Русь очистит от хачей*», усиливает семантику и прагматику КТ, пробуждает у адресата чувство враждебности к лицам неславянской национальности.

Упомянутым ранее автором правого стрит-арта под псевдонимом «Умка» были созданы граффити «*Миф о русской терпимости*». В серии граффити центральным компонентом является прецедентный визуальный образ с субсферой-источником «Реклама» — логотип стирального порошка «Миф».



Рис. 101

Источник: картотека

На рисунке 101 представлен реальный образ: «Умывальник — Мойдодыр», в руке-полотенце которого нога человека. Судя по образу этой ноги (повышенное оволосение и остроносые туфли красного цвета), человек этот неславянской внешности, он опущен в огонь. Вербальный компонент *«Миф о русской терпимости»* благодаря использованию логотипа стирального порошка говорит адресату о несуществующей русской терпимости, о том, что это миф. Кроме того, построенный на аналогии образ акцентирует внимание на чистоте расы, на «пресловутой „белизне“» [Ворошилова 2016а: 44].

Своеобразная антиреклама российской толерантности и полиэтнического государства, которое вызывает массу отрицательных эмоций в националистически настроенных кругах, создается посредством рекламного слогана *«Вы все еще кипятите? Тогда мы идем к вам!»*. Кроме того, данный слоган восходит к рекламе порошка «Tide» — чистящего средства, способного «отмыть», «очистить». Но в данных случаях очищать будут не ткань, а русское население.

На рисунке 102 мы видим колонну женщин с автоматами в традиционном исламском одеянии — хиджабе. В свою очередь, вербальный компонент (апелляцией к рекламе порошка) заставляет адресата задуматься над феноменом толерантности, а самое главное — над его необходимостью: *«Вы все еще толерантны? Тогда мы идем к вам!!!»*. Авторы стремятся показать вероятные, с их точки зрения, итоги толерантности и гостеприимства.



Рис. 102

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Некоторые другие КТ, актуализирующие прецедентные визуальные образы с субсферой-источником «Реклама», направлены на создание комического эффекта с использованием тактики «черного юмора».

Так, на рисунке 103 мы видим языковую игру с логотипом известного бренда: «Lacoste». Она основана на созвучии: *Холокост* — *Lacoste*. Создается новое слово — бренд для националистов — *holacoste*. Языковая игра, безусловно, актуализирует события холокоста, так как, помимо фонетического созвучия, для актуализации исторических событий используется визуальный компонент: крокодил съедает человека еврейской национальности. Существуют вариации данного прецедентного визуального образа. В этом случае изображение и вербальный компонент совпадают с теми, которые приведены на рисунке 103. Меняется лишь один компонент, который не влияет на смысл прочтения текста — в пасти крокодила оказывается звезда Давида, символ еврейского народа, что также подчеркивает антисемитскую направленность креолизованного текста.



Рис. 103

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Вошедшая в языковой оборот националистического дискурса лексема «holacoste» становится новым вариантом «бренда», создание которого приписывается самому А. Гитлеру. Нам встретились варианты визуализации прецедентного имени «Гитлер», а также вербального компонента: «*HoLacoste. Cologne by Adolf Hitler*», что в переводе означает «*Кёльн от Адольфа Гитлера*».

Данная субсфера-источник не является частотной, однако имеющиеся КТ ясно выражают идеологию национализма. Как было отмечено в ходе анализа, большое количество КТ базируется на апелляции к рекламе чистящих средств, функция которых — «очищение», «отбеливание», «отмывание».

Субсфера-источник «Эстрада» (5,1 %)

Представленная субсфера-источник в основном апеллирует к прецедентным текстам песен современной российской поп-музыки, к текстам песен современных (запрещенных) националистических музыкальных групп. Встречаются КТ, в рамках которых актуализированы прецедентные имена известных исполнителей как авторитетных личностей, даже кумиров многих молодых людей.

Например, на рисунке 104 основной частью является вербальный компонент: *«Наши идеи никогда не умрут даже если всех нас убьют»*. Цитата восходит к тексту песни известной российской рок-группы «Коловрат» радикальной националистической направленности, культовой среди русских националистов и неонацистов, — «Анти-антифа». Текст актуализирует в сознании адресатов националистические идеи. В данном КТ семантика национализма усиливается посредством визуальных прецедентных образов, также отсылающих нас к идеологии нацизма. Это вертикально расположенные флаги Третьего рейха, а также схематичный герб нацистской Германии: черный орел со свастикой в центре, размещенный в окантовке текста.

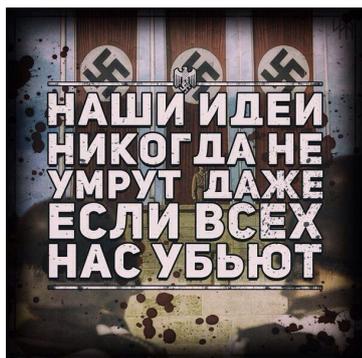


Рис. 104

Источник: https://vk.com/album-149747365_00



Рис. 105

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Следует отметить, что выражение «*Наши идеи никогда не умрут даже если всех нас убьют*» является частотным в анализируемом дискурсе. Меняются только визуальные компоненты, сопровождающие вербальный ряд, однако элементы стилизации неизменно сохраняются.

На рисунке 105 представлен текст другой песни упомянутой группы «Коловрат» — «*Нож платит по счетам*». Визуально цитата сопровождается изображением ножа, воткнутого в дерево. В хаотичном порядке на картинке представлены капли крови. Использование символа ножа — это выражение авторской позиции, позиции противостояния, борьбы за нацию, возмездия (мести).

Заметим, что образ ножа является частотным в националистических креолизованных текстах. Нож воспринимается как оберег, на него нередко наносят различную символику, трактуемую националистическими объединениями как исконно славянская.

Материал содержит КТ, апеллирующие к текстам современной поп-музыки.

Так, например, на рисунке 106 представлен фотоколлаж, центральным образом которого является визуализированное прецедентное имя «Гитлер», а сопровождающие фразы выстроены по мотиву современной песни группы «Градусы» «*Плевать, если я заболею*» («Голая»).



Рис. 106

Источник: https://vk.com/album-55790675_00?rev=1

Обновленный текст песни транслирует адресату одну из основных идей нацистской Германии — уничтожение еврейского народа:

*«Плевать, если я заболею,
Я сам жид а закинуть в печку сумею
И мне ничего, блин, не надо
Лишь бы жид горел в печурке бы рядом».*

Идеи современных националистических объединений — это отрицание современного правительства, сетование на чрезмерное богатство чиновников и «проводников православия» и др. Поэтому в креолизованных текстах, созданных в националистически настроенных кругах, отражается агрессия и жесткое противостояние процессам в современной политической и духовной жизни страны.

Так, например, на рисунке 107 мы видим дискредитацию представителей Русской православной церкви. Для этого используются не только синтаксические конструкции известной песни группы «Ленинград», но и фотоколлаж. Визуальный компонент демонстрирует богатство и роскошь жизни Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Элементы фотоколлажа сопровождаются текстом, созданным с опорой на синтаксическую конструкцию текста песни группы Ленинград «Менеджер»: *«Тебе повезло, ты не такой как все, ты работаешь в РПЦ».*



Рис. 107

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Такой креолизованный текст способен вызвать у адресата зависть и ненависть к православной церкви и ее представителям. Он также способен создать иронический эффект.

Актуализация текстов современных песен, «переписанных» с учетом семантики националистического дискурса, сближает авторов КТ с предполагаемым адресатом, помогает посвящать «СВОИХ» в суть идей современного национализма. Это делается в непринужденной, часто иронической форме. В свою очередь, апелляция к текстам националистических музыкальных групп четко очерчивает круг «СВОИХ», идентифицируя принадлежность к националистическим организациям.

Итак, анализ сферы-источника «КУЛЬТУРА» позволил выявить наиболее и наименее частотные субсферы-источники, к актуализации которых прибегают националистические объединения, создавая агитационные и пропагандистские материалы. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Субсфера-источник ПФ	Количество в единицах	Доля, %
Мультипликация	158	37,0 %
Интернет	88	20,5 %
Кино	51	12,0 %
Литература	44	10,3 %
Религия	43	10,0 %
Реклама	22	5,1 %
Эстрада	22	5,1 %
Итого	428	100,0 %

Как видно из таблицы, наиболее популярной является субсфера «Мультипликация», которая становится своеобразным «кодом доступа» к современной молодежи, являющейся, в свою очередь, наиболее доступной для националистических объединений аудиторией. Апелляция к мультипликационным прецедентным визуальным образам способствует установлению тесного контакта с адресатом. Таким образом автор текста входит в доверие к реципиенту и становится «СВОИМ». Далее же «встроенные» в мультипликационный контекст националистические идеи способны работать на пропаганду национализма.

Точно определить причины апелляции к тем или иным субсферам-источникам не представляется возможным, однако прослеживается определенная тенденция в частотности обращений к тем или иным сферам, если прецедентный визуальный образ выступает индикатором «своего» или «чужого». В некоторых случаях ведущую роль играет использование в креолизованном тексте языковой игры. В таких случаях происходит оценка сложившейся в стране национальной или религиозной ситуации.

Сферы-источники «Политика и история» и «Культура» являются основными известными массовому адресату и пополняющими националистический дискурс прецедентными феноменами.

Выполненный анализ позволяет отметить еще одну особенность функционирования прецедентных феноменов в националистическом дискурсе — полипрецедентность. Под полипрецедентностью мы вслед за И. П. Зыряновой по-

нимаем обращение «к двум и более ментальным сферам-источникам» [Зырянова 2008: 128].

Усиливая прагматический потенциал создаваемых в националистических организациях креолизованных текстов, авторы прибегают к приему нанизывания, наслаивания прецедентных визуальных образов и прецедентных феноменов, способных активизировать несколько видов фоновых знаний потенциального адресата.

Данная особенность функционирования прецедентных феноменов в националистическом дискурсе объясняется стремлением авторов текстов к созданию максимально эмоционально насыщенных КТ, обладающих высокой степенью прагматической направленности. Комбинирование как визуальных, так и вербальных прецедентных феноменов позволяет наиболее полно выражать семантику националистической идеологии. Единицы визуальных и вербальных компонентов находятся в той или иной степени взаимовлияния, дополняя, усиливая семантику друг друга.

В ходе исследования нами были определены следующие модели полипрецедентности.

Модель 1 (72,5 %): использование двух и более ПФ с одной и той же сферой-источником. При этом возможно сочетание прецедентных феноменов как с одной субсферой-источником, так и с разными субсферами-источниками.

Например, в контексте полипрецедентности рассматриваемого дискурса встречается и современная националистическая символика, и национально-государственная, опять-таки отсылающая адресата к политике Третьего рейха (в представленном КТ сочетаются субсферы-источники «Политическая символика» — «Политическая символика»).

Вступая в отношения интерпретативной корреляции, вербальный и визуальный ряд метафорически передают семантику борьбы за «белую расу», представленную в виде стирки (рис. 108). В данном примере оппозиционная пара

«СВОИ» — «ЧУЖИЕ» эксплицируется разграничением вещей на белые и цветные.

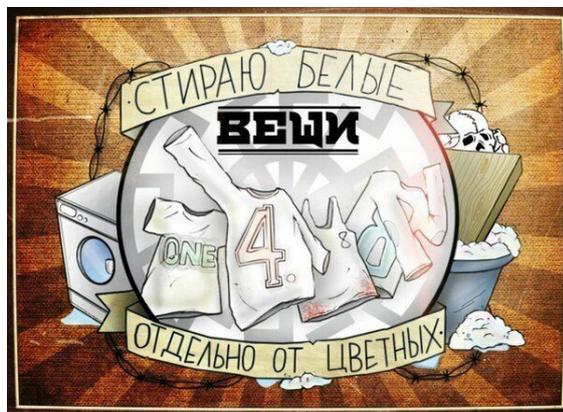


Рис. 108

Источник: https://vk.com/photo-149747365_456240363?rev=1

Изображение атрибутов стирки, а также как современной, так и собственно национально-государственной символики (черное солнце, цифровой символ 14/88, прецедентный визуальный образ «мертвая голова») дополнено вербальным рядом, раскрывающим суть изображенного: «*Стираю белые **вещи** отдельно от цветных*».

Модель 2 (27,5 %): использование двух и более ПФ, каждый из которых относится к разным ментальным сферам-источникам. Рассмотрим пример.

На рисунке 109 перед нами сочетание субсфер-источников «Мультипликация» — «Политическая символика». Прецедентный визуальный образ — «вкладыш „Love is“» — актуализируется за счет рисованных мальчика и девочки с вкладышей жевательной резинки «Love is...»; представлено соответствующее по смыслу и форме традициям послуживших жанровыми образцами текстов утверждение, однако в рассматриваемом примере оно отсылает к националистическому дискурсу: «*Love is... кидать зиги вместе*» (*Love is* в переводе с английского: «Любовь — это...»). Кроме того, вербальный компонент подкреплен визуальными прецедентными образами: «Государственный флаг Германии», представленный на одежде мультгероев, и изображенный в верхнем пра-

вом углу прецедентный визуальный символ «Герб Третьего рейха» (орел, восходящий к гербу Веймарской республики, держащий в лапах дубовый венок со свастикой в центре). Вербально-визуальные составляющие КТ вступают в оппозитивную корреляцию, создавая комический эффект.



Рис. 109

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Соотношение комбинаций представлено в таблице 3. Среди общего числа креолизованных текстов (2000 единиц) нами было выявлено 1742 единицы, имеющие полипрецедентный характер, и 258 монопрецедентных единиц.

Таблица 3

Модель 1	
<i>Политическая символика / Политическая символика</i>	22,4 %
<i>Политическая символика / Политический деятель</i>	19,2 %
<i>Политическая символика / Милитаризм</i>	16,9 %
<i>Политическая символика / Националистические объединения, шествия</i>	14,0 %
Итого	72,5 %

Модель 2	
<i>Мультипликация / Политическая символика</i>	5,8 %
<i>Мультипликация / Националистические объединения, шествия</i>	4,1 %
<i>Кино / Политическая символика</i>	4,3 %
<i>Литература / Политическая символика</i>	3,5 %
<i>Интернет / Политическая символика</i>	3,2 %
<i>Интернет / Политический деятель</i>	3,0 %
<i>Кино / Националистические объединения, шествия</i>	2,0 %
<i>Интернет / Националистические объединения, шествия</i>	0,9 %
<i>Эстрада / Политическая символика</i>	0,7 %
Итого	27,5 %

Феномен полипрецедентности, который представлен нами в виде двух моделей, свидетельствует о широко распространенной особенности функционирования прецедентных феноменов в националистическом дискурсе. Анализ полипрецедентного материала позволяет сделать следующие выводы: креолизованные тексты, созданные националистическими организациями, в основе своей носят полипрецедентный характер, что обусловлено стремлением пропагандистов к усилению прагматического потенциала распространяемого материала. Нанизывание и сочетание прецедентных феноменов в рамках одного креолизованного текста способствует взаимоусилению националистической семантики. Наиболее распространенной субсферой-источником, которая активно взаимодействует с другими субсферами, является «Политическая символика». В первую очередь это символика, отсылающая адресата к символике Третьего рейха, идеологические предпочтения которого полностью заимствуются и поддерживаются современными российскими националистическими объединениями. Выражение националистических настроений через иные субсферы-

источники, далекие от данной идеологии, возможно в случае использования их в националистическом контексте. Кроме того, в рассматриваемом дискурсе проявляется еще одна особенность функционирования прецедентности — наличие феноменов, ставших общеузнаваемыми и идентифицирующими националистическую программу в рамках националистического контекста. Данную особенность подробнее рассмотрим в следующем разделе.

3.3. Контекстные прецедентные феномены

Анализ собранного материала позволяет выделить еще одну особенность функционирования прецедентных феноменов в современном националистическом дискурсе — это контекстуальная обусловленность. В рамках рассматриваемого дискурса создаются новые прецедентные образы, основанные на игре с различными сферами-источниками, на манипуляторных технологиях реконструкции культурных смыслов [Ворошилова 2016б, 2016г.]. «Многие из приведенных символов в своем „чистом“ виде, исключенные из молодежного экстремистского дискурса, потеряют свой статус националистического» [Антонова, Веснина, Ворошилова, Злоказов, Карапетян, Тагильцева 2014: 135].

Эти приемы эффективны как средство пропаганды и как способ защиты от юридического преследования — последнее особенно актуально в рамках практики судебной лингвистической экспертизы. В этой связи мы ввели в научный оборот понятие «контекстный прецедентный феномен».

Под *контекстными прецедентными феноменами* мы предлагаем понимать такие единицы, которые получают статус прецедентности только в определенном, дискурсивно обусловленном контексте.

Как отмечает Л. А. Мардиева, «вхождение предмета в круг прецедентных феноменов предполагает насыщение его культурно-ценностными (духовными) смыслами. Следовательно, вещь (объект, в нашем случае), претендующая на статус прецедентной, должна иметь высокую значимость в познавательном

и эмоциональном отношении, обладать символическим значением. Естественно, для подобного рода вещей обязательны и другие признаки прецедентности: неоднократное воспроизведение вещи в знаково-символической функции в семиотическом ландшафте общества (в нашем случае данные прецедентные феномены обусловлены дискурсом)...» [Мардиева 2016: 292].

В качестве яркого примера контекстного прецедентного феномена можно привести один из популярных в современном националистическом дискурсе визуальный образ: черно-желто-белый флаг. Черно-желто-белый флаг известен как гербовый флаг Российской империи во второй половине XIX в. [Шепелёв 2003]. В настоящее время он все чаще именуется «имперским флагом» [Мединский 2012: 18].

На сегодняшний день имперский флаг — востребованный символ русских националистов, нередко используемый как базовый визуальный компонент, воспетый в песнях российских ультраправых групп («Коловрат», «Гр. Ом.», «Лабарум», «Моя дерзкая правда» и др.) и активно применяемый на «Русских пробежках» и «Русских маршах».

Данный символ не просто является частотным в националистическом дискурсе — он знаковый и нередко выполняет функцию идентификации «своих». Проведенные эксперименты доказывают, что в современном сознании молодежи черно-желто-белый флаг тесно связан с современными националистическими организациями, часть респондентов (от 2 % до 7 %) даже называет его германским или фашистским [Ворошилова 2016г: 23].

В большинстве анализируемых текстов образ имперского флага используется в сочетании с различной националистической атрибутикой и символикой. Как следствие, он соотнесен с контекстом. Например, на рисунке 110 полотно имперского флага дополнено прецедентными визуальными образами, идентифицирующими националистический дискурс: «коловрат», «образ бойца». Также наличествует вербальный компонент, представляющий собой культовый националистический лозунг, восхваляющий Русь — «*Слава Руси!*».



Рис. 110

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1



Рис. 111

Источник: <https://slavarusi.mirtesen.ru/photos>

Еще один пример (рис. 111) также демонстрирует контекстуальную соотнесенность имперского флага с прецедентным визуальным образом «Кельтский крест». На фоне картинки изображен флаг с нанесенным на него прецедентным визуальным образом «Кельтский крест» и прецедентной фразой «*White pride world wide*», а также вербальным компонентом с иной вариацией националистического лозунга — «*Слава России!*».

Эксплуатация образа черно-желто-белого флага в националистическом дискурсе основана на технологии героизации. Представители националистических организаций полагают, что именно эта цветовая комбинация комплиментарна исконной русской государственности, и объясняют использование имперского флага тем, что именно с этим флагом (как государственным символом России) связан золотой век Российской империи: «*Остается верить, что старый Имперский флаг сплотит и усилит дальнейшее объединение Русских национальных патриотических движений. Если подумать, это ведь единственное наше государственное знамя, под которым Россия не потерпела НИ ОДНОГО поражения, знамя, ничем себя не запятнавшее и с честью прошедшее сквозь века*». Следовательно, мы можем констатировать, что имперский флаг — это

способ неявной апелляции к истории, причем истории военной, истории героической. Именно поэтому данный прецедентный визуальный образ настолько прирос к рассматриваемому дискурсу, что большинство носителей русского языка определяют его вне контекста именно как националистический.

Имперский флаг в анализируемом дискурсе нередко сочетается с образом волка (рис. 112).

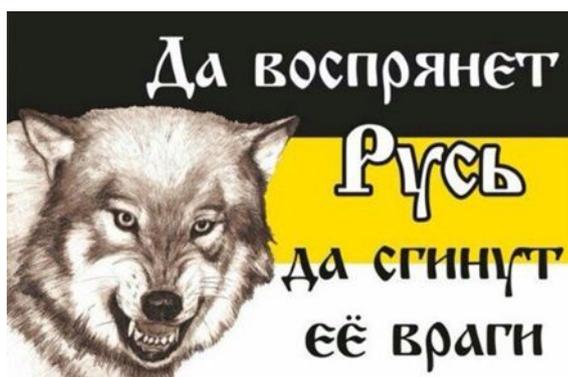


Рис. 112

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Вербальный компонент *«Да воспрянет Русь да сгинут ее враги»* является классическим лозунгом в рамках националистической идеологии. Со своей стороны, образ волка, как и имперский флаг, следует рассматривать как контекстный прецедентный феномен. Однако технология внедрения образа является иной: современному националистическому символу приписываются несуществующие исторические корни. Так, анализ образа волка в современном националистическом дискурсе (в частности, изображение головы волка в качестве эмблемы движения «Спротивление») свидетельствует об отсутствии прямых связей данного образа с такого рода образами Третьего рейха или какими бы то ни было аналогичными образами в истории России (вспомним, например, «Волчью сотню») [Ворошилова, Грибан, Порозов 2016]. Учитывая высокую популярность данного зооморфного символа в современном националистическом дискурсе, говорить о прямом наследовании образа, конечно, не стоит. Но «мифическая» связь с прошлым позволяет националистам придать указанному

образу желаемое семантическое и эмоциональное наполнение, зарядить его сильнейшим прагматическим потенциалом, оставаясь при этом юридически не-уязвимыми.

Став прецедентным, изображение волка встречается и в других примерах националистических креолизованных текстов. На рисунке 113 мы видим изображение этого же зверя с топором в руках, фоном же служит традиционный в националистическом дискурсе символ — «коловрат». На рисунке 114, кроме образа волка и националистического символа «коловрат», присутствует вербальный компонент: «Умри, но с родной земли не сходи». Совокупность элементов рассматриваемого креолизованного текста в очередной раз передает идею сохранения нации, защиты родной земли и призывает адресата к борьбе за эти ценности.



Рис. 113

Источник: картотека



Рис. 114

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

В националистическом дискурсе прецедентным за счет контекста становится метафорический образ России — *медведь*. Переход из метафоры в ПФ обусловлен близостью образования смыслов в метафорах и прецедентных феноменах. О. С. Иссерс отмечает: «Разновидностью метафоры (если понимать метафору в широком смысле) можно считать аллюзию — особый прием текстообразования, заключающийся в соотнесении содержания текста с прецедентным фактом, историческим или литературным» [Иссерс 2008: 171]. Образ

медведя становится прецедентным в рассматриваемом дискурсе и трактуется как «страж родины», «бесстрашный и непобедимый русич, способный противостоять любому врагу». Кроме того, *медведь* в националистических креолизованных текстах является символом славянского рода. Прецедентный визуальный образ фигурирует в текстах, направленных на идентификацию славян, на подъем национального сознания и призыв адресата к активным действиям, а также в текстах, содержащих прямые угрозы оппонентам.

Так, на рисунке 115 представлен образ медведя с открытой пастью. Вербальный компонент нацелен на запугивание «чужих», номинированных лексемой «чурки», являющейся маркером националистического дискурса: «*ЧУРКИ ВОН ОТСЮДА!!! Это наша страна*».



Рис. 115

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1



Рис. 116

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Изображение медведя, представленное на рисунке 116, также призвано выразить силу русского духа, его непобедимость и мощь (вербальный компонент: «*Здесь хозяева славяне*»).

В рассматриваемом дискурсе прецедентным становится образ овцы, что основано на сложившемся в Рунете стереотипе о мусульманских народах. Имеется в виду стереотип о скотоложстве, согласно которому мужчины-мусульмане имеют сношения с животными, преимущественно с овцами. На основании данного мифа в националистическом дискурсе образ животного приобретает статус прецедентного, апелляция к которому носит дискредитирующий характер и направлена на унижение и оскорбление мусульманских народов. Так, например, на рисунке 117 представлен прецедентный образ (овца) с поясняющей подписью: «*ЭТО ДЛЯ ТЕБЯ ШАШЛЫК, а для горца, возможно, первая любовь*», направленной на унижение и оскорбление этнических групп, живущих в горах («горцев»).



Рис. 117

Источник:

<http://joyreactor.cc/post/222997#comment401619>



Рис. 118

Источник: [https://vk.com/album-](https://vk.com/album-149747365_00)

[149747365_00](https://vk.com/album-149747365_00)

На рисунке 118 феномен скотоложства представлен через изображение «новобрачных», в роли которых выступают мужчина в тибетейке (символизирующей принадлежность к тюркским народностям), в руках которого поводок с пристегнутым к нему бараном. Вербальный компонент, подкрепляющий изображение: «*Новобрачные вышли прогуляться*», направлен на дискредитацию представителей восточных национальностей.

Частотна в националистическом дискурсе актуализация подобных сексуальных отношений посредством изображения животного в сопровождении дискредитирующих вербальных текстов, например:

- изображение животного в чулках и в красных туфлях на каблук, вербальный компонент: «„PLAYBOY“ теперь на Кавказе»;
- изображение молодого человека кавказской национальности на фоне гор с овцой на руках и вербальным рядом: «LADY DAGA Алехаанд-ро!»;
- фотоколлаж с иерархическими изображениями кавказских женщин: 3-е место, 2-е место, 1-е место (изображение овцы); вербальный компонент, подкрепляющий визуальный ряд: «Мисс Кавказа — 2010»;
- изображение стада овец с вербальным компонентом: «Кастинг для чеченского порно»;
- демотиватор с изображением резинового животного и вербальным компонентом: «SEX-SHOP тэпэр и на Кавказе!»;
- визуализация купли-продажи овцы и надпись: «Старинный кавказский обычай. Выкуп невесты»;
- изображение молодых людей кавказской национальности, несущих на руках овцу, и вербальный компонент, объясняющий визуальный ряд: «У НИХ СЕГОДНЯ БУДЕТ СЕКС а у тебя?».

В целом актуализация феномена скотоложства через апелляцию к зооморфному прецедентному образу «овца» возможна лишь в рамках контекстного окружения националистического характера, т. е. требует актуализации фоновых знаний и представлений об этом феномене.

Контекстным прецедентным феноменом, а точнее контекстным прецедентным визуальным образом, встречающимся в националистическом дискурсе, можно назвать образ человека славянской внешности.

Корпус националистических идей включает идею сохранения «чистой» нации, людей классической славянской внешности. Именно поэтому

в пропагандистских текстах экстремистов зачастую встречаются образы белокурых мужчин, женщин (девушек) или детей, одетых в русские национальные костюмы, нередко представленных на фоне бескрайнего пшеничного поля или цветущего луга. Часто встречаются зарисовки влюбленных пар славянской внешности, дополненные лозунгами в защиту сохранения «чистой» нации или славянских семей с детьми. Например, на рисунке 119 мы видим изображение молодой влюбленной пары, образ которой встроен в националистический контекст: вербальный компонент «*Держи кровь чистой*» и прецедентный визуальный образ — руна «Одал» (символ «крови и земли»). В нацистской Германии руна была эмблемой гитлерюгенда. После Второй мировой войны использовалась членами запрещенной немецкой неонацистской молодежной организации «Викингюгенд».



Рис. 119

Источник: https://vk.com/photo-33375495_347297243?rev=1



Рис. 120

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

На рисунке 120 представлена славянская семья во главе с мужчиной славянской внешности. Вербальный компонент, подкрепляющий визуальный ряд, направлен на утверждение превосходства «белой расы»: «*„БЕЛЫЕ ДЕТИ“ это всегда счастье в твоём доме*».

Популярен образ молодой девушки, как правило, одетой в белый сарафан, что символизирует ее чистоту и непорочность. Такой образ всегда сопровождается призывом к молодым особам сохранить чистоту славянского рода. Так, на рисунке 121 изображена молодая женщина в русском национальном одеянии, со светлыми волосами и изящными чертами лица, на руках которой сидит ребенок. Он имеет типичную славянскую внешность, а фотография дополнена апеллятивом: «Славянка, береги чистоту своей расы».

В КТ, представленном на рис. 122, также актуализирован образ молодой славянки в национальном сарафане. Вербальный компонент КТ подтверждает чистоту и непорочность истинно славянской женщины, способной защитить свой род: «Она не достанется хачику». Используемый в примере этноним «хачик» является распространенным способом номинации «врага» в националистическом дискурсе.



Рис. 121

Источник: https://vk.com/album-149747365_00



Рис. 122

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Отметим, что образ ребенка часто используется при создании националистического пропагандистского материала. Нередко в сочетании с образами маленьких голубоглазых белокурых детей авторы текстов приводят осуждающие смешанные браки вербальные компоненты.



Рис 123

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1



Рис. 124

Источник: https://vk.com/album-149747365_00

Так, например, на рисунке 123 образ мальчика славянской внешности дополнен вербальным компонентом, осуждающим «несправедливость» российского законодательства: *«БЕЛАЯ КОЖА И СВЕТЛЫЕ ВОЛОСЫ скоро и это будет считаться экстремизмом»*. Вербальный компонент, призывающий к сохранению «белой расы» и подкрепляемый образом «белых детей», представлен на рисунке 124. Изображение содержит фотофрагменты, направленные против расового смешения: снимок отношений между женщиной славянской внешности и мужчиной негроидной расы перечеркнут красными линиями и дополнен вербальным компонентом: *«Против ублюдочного смешения»*. Рядом же представлено изображение детей славянской внешности и подкрепляющая визуальный ряд фраза: *«За будущее белых детей!»*.

Образы представителей славянской национальности визуально идентифицированы. Славяне — «СВОИ», к их сохранению и защите призывают националисты. К визуализации «русскости», идентификации «СВОИХ» (и своего) следует отнести еще одну категорию контекстных прецедентных визуальных образов — образы русской природы. Обычно это пшеничные поля, озаряемые солнечным светом или восходом солнца (частая ассоциация с восхождением «белой расы»). Это березовые рощи, озера, цветочные луга.

Так, например, на рисунке 125 «русскость» соотносится с образом пшеничного поля, обрамленного в рамку черно-желто-белого цвета, которая отсылает к флагу Российской империи. Кроме того, на взаимообусловленность категории русскости и образа русского пшеничного поля указывает вербальный компонент, целью которого является пробуждение национального духа: *«Никто не сможет запретить тебе быть РУССКИМ!»*.



Рис. 125

Источник: https://vk.com/album-121180360_00?rev=1



Рис. 126

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

На рисунке 126 представлен пейзаж: озеро, полянки, березы. Это изображение типично русской природы служит выражению иронии националистов в отношении российского законодательства. Ирония считывается через вербальный компонент: *«282 статья и тут»*.

В некоторых случаях создается целостный образ истинно русской земли. Такие креолизованные тексты содержат и образы русской природы, и образы людей славянской внешности. Так, например, на рисунке 127 изображение ребенка славянской внешности представлено на фоне русской природы. Националистический характер КТ связан с вербальным компонентом — призывом: *«Русские, объединяйтесь!»*.



Рис. 127

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Прецедентными в националистическом дискурсе становятся и образы людей неславянской внешности: чеченцев, азербайджанцев и иных недифференцированных представителей «вражеских» наций. Апелляция к данным образам обычно соотносится со сценами насилия над «врагом» или иными формами запугивания оппонентов. Возможны образы представителя той или иной «вражеской» нации с вербальными элементами, направленными на дискредитацию по национальному или религиозному признаку. Так, например, на рисунке 128 автор текста демонстрирует человека «кавказской национальности», апеллируя к негативному образу представителя «неудобной» националистам нации. Вербальный ряд, дискредитирующий образ «врага», свидетельствует об агрессивной интенции адресанта в отношении «ЧУЖИХ»: «В глазах огонь, в душе аллах. Овцу трах-трах, метро бабах».



Рис. 128

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1



Рис. 129

Источник: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1

Агрессию в отношении представителей «кавказской национальности» эксплицирует креолизованный текст, приведенный на рисунке 129. Прецедентный визуальный образ кавказца подкрепляется вербальным рядом, характеризующим типичные, по мнению националистически настроенного адресанта, действия: *«Если я убью твоего сына, изнасилую твою дочь, ограблю тебя на улице — МЕНЯ НЕ НАЙДУТ, ты не сможешь описать меня, меня здесь нет — я не зарегистрирован, ты вчера заплатил мне, я откуплюсь!!!»*.

Таким образом, апелляция к изображениям представителей неславянской национальности формирует собирательный образ бинарной оппозиции «СВОИ» — «ЧУЖИЕ». Кавказцы, жители бывших среднеазиатских республик Советского Союза и иные представители неславянских народов (воспринимаемые националистами как «враги»), наполняют категорию «ЧУЖИЕ». К ним относятся те, кто «наносит вред» русскому народу, «ущемляет» права русских, «загрязняет» русскую кровь, дискредитирует «белую нацию», совращает русских женщин. Это «вражеский» мир, против которого призывают сражаться современные российские националистические объединения. Обычно такие материалы направлены на дискредитацию образа «врага», а также реализуют семантику запугивания.

Важнейшей особенностью контекстных прецедентных феноменов является то, что, с одной стороны, они получают свое «новое» значение только в конкретном дискурсе (в нашем случае — националистическом). Данное значение актуализируется контекстом использования (важно, что под контекстом мы понимаем не только иные элементы текста, но и ситуацию использования, как, например, в КТ «Русская пробежка»). С другой стороны, данные прецедентные феномены становятся символами дискурса, который их породил. Они воспринимаются адресантами как исконные символы, нередко выполняют функцию идентификации «своих» или оппозиционирования «чужих».

Отдельно следует обозначить дискурсивные формулы, которые и являются тем самым контекстуальным окружением — знаками националистического дискурса. Это в первую очередь лозунги и кричалки типа *«Россия для русских»*, *«Вон из России, здесь хозяева славяне»*, *«Сохрани белую расу»*, *«Моя честь называется верность»*, *«Идея без дел мертва»* и др. К дискурсивным формулам националистического дискурса следует также отнести визуальное выражение идеологии через символику: национально-государственную и современную националистическую.

Выводы по третьей главе

Аналитическая часть настоящего исследования позволяет сделать выводы о специфике ПФ в националистическом дискурсе.

Всего было проанализировано 2000 креолизованных текстов, в которых было выделено 2734 прецедентные единицы. Из них 2306 единиц относятся к сфере-источнику «История и политика», 428 единиц — к сфере-источнику «Культура». К числу контекстных прецедентные феноменов отнесены 150 единиц.

В рамках сферы-источника **«История и политика»** (84,3 %) были выделены следующие субсферы.

Субсфера-источник **«Политическая символика»** (63,5 %), которая, в свою очередь, имеет следующую дифференциацию:

- *национально-государственная символика (58,2%)*;
- *современная националистическая символика (47,7%)*:
 - *графическая символика (55,3%)*,
 - *дискурсивная символика (25,5%)*,
 - *коды визуального поведения (19,0%)*.

Кроме того, выделяются субсфера-источник *«Милитаризм»* (13,3 %); субсфера-источник *«Политический деятель»* (12,9 %), субсфера-источник *«Политические объединения и шествия»* (10,3 %).

Наиболее частотной субсферой-источником является «Политическая символика», что обусловлено, во-первых, включенностью националистического дискурса в дискурс политический. Во-вторых, современные националистические объединения базируются на идеологии Национал-социалистической рабочей партии Германии, поэтому происходит трансляция символики Третьего рейха в современную действительность. В-третьих, в современной России появилось множество иных националистических объединений с оригинальной, ими же созданной символикой. В-четвертых, националистически настроенные объединения часто используют символику разных государств, которая в том или ином контексте либо становится выразителем агрессии, либо является идентификатором «СВОИХ» среди «ЧУЖИХ».

Следующая крупная сфера-источник — *«Культура»* (15,7 %). В националистическом дискурсе она включает следующие субсферы: субсферу-источник *«Мультипликация»* (37,0 %), субсферу-источник *«Интернет»* (20,5 %), субсферу-источник *«Кино»* (12,0 %), субсферу-источник *«Литература»* (10,3 %), субсферу-источник *«Религия»* (10,0 %), субсферу-источник *«Реклама»* (5,1 %), субсферу-источник *«Эстрада»* (5,1 %).

Наиболее распространенной является субсфера-источник «Мультипликация». Популярность субсферы «Мультипликация» обусловлена известностью героев мультсериалов в среде современной молодежи. Образы симпатичных многим, добрых, отзывчивых, отважных и справедливых мультипликационных героев не могут не вызывать положительных эмоций и не привлечь внимание адресата.

Сферы-источники «Политика и история», «Культура» являются основными, хорошо известными массовому адресату. Они привлекаются в националистический дискурс в первую очередь с целью агитации и пропаганды нацио-

налистических идей. Соотношение вербального и визуального рядов в креолизованных текстах националистического дискурса варьируется в зависимости от совокупной цели конкретного КТ. Часто целью является постановка важного акцента посредством вербального или визуального прецедентного феномена или их совокупности.

Усиливая прагматический потенциал создаваемых в националистических организациях креолизованных текстов, авторы прибегают к приему нанизывания, наслаивания прецедентных визуальных образов, способных активизировать несколько видов фоновой информации. Данная особенность функционирования прецедентных феноменов в рассматриваемом дискурсе обозначена нами как *полипрецедентность*, имеющая две модели сочетаемости в рамках одного креолизованного текста.

Модель 1 (72,5 %). Использование двух и более ПФ, соотносимых с одной и той же сферой-источником. Возможно сочетание прецедентных феноменов как с одной субсферой-источником, так и с разными. В рамках данной модели выделены следующие комбинации: «Политическая символика» — «Политическая символика» (22,4 %), «Политическая символика» — «Политический деятель» (19,2 %), «Политическая символика» — «Милитаризм» (16,9 %), «Политическая символика» — «Националистические объединения, шествия» (14,0 %).

Модель 2 (27,5 %). Использование двух и более ПФ, относящихся к разным ментальным сферам-источникам. В рамках второй модели выделены следующие комбинации субсфер-источников: «Мультипликация» — «Политическая символика» (5,8 %), «Мультипликация» — «Националистические объединения, шествия» (4,1 %), «Кино» — «Политическая символика» (4,3 %), «Литература» — «Политическая символика» (3,5 %), «Интернет» — «Политическая символика» (3,2 %), «Интернет» — «Политический деятель» (3,0 %), «Кино» — «Националистические объединения, шествия» (2,0 %), «Интернет» — «Нацио-

националистические объединения, шествия» (0,9 %), «Эстрада» — «Политическая символика» (0,7 %).

Полипрецедентность националистического дискурса имеет высокий прагматический потенциал. Сочетаемость прецедентных вербальных или визуальных феноменов в рамках одного креолизованного текста способствует усилению воздействующего эффекта. Наиболее распространенной субсферой-источником, активно взаимодействующей с другими субсферами, является «Политическая символика», отсылающая адресата к символике Третьего рейха. Еще одной особенностью текстов националистических объединений являются контекстные прецедентные феномены, ставшие общеузнаваемыми и идентифицирующими националистическую идеологию благодаря специализированному контексту. С одной стороны, контекстные феномены получают свое «новое» значение только в конкретном дискурсе (в нашем случае — националистическом). Их значение актуализируется контекстом и ситуацией использования. С другой стороны, данные прецедентные феномены сами становятся символами породившего их дискурса. Они воспринимаются молодежью как исконно русские и знаковые, нередко выполняют функцию идентификации «СВОИХ» или оппозиционирования «ЧУЖИХ».

Дискурсивные формулы националистического дискурса — это и есть те элементы, которые обуславливают контекстуальное окружение — знаки националистического дискурса. Это в первую очередь лозунги и кричалки типа «Россия для русских», «Вон из России, здесь хозяева славяне», «Сохрани белую расу», «Моя честь называется верность», «Идея без дел мертва» и др. К дискурсивным формулам националистического дискурса следует также отнести визуальное выражение идеологии через символику: национально-государственную и современную националистическую.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политические и экономические изменения, происходящие в стране с момента распада СССР, включают трансформацию коммунистических идеалов, переакцентирование ценностных и культурных смыслов, пропаганду культа насилия и жестокости, усиление миграционных потоков, спровоцировавших развитие кризиса гражданской идентичности, а также развитие и распространение негативных стереотипов в отношении других народов — все это привело к повышенному уровню агрессии в обществе, проявляющемуся прежде всего в среде молодежи.

Модель современного националистического дискурса как раз демонстрирует ориентированность дискурса на молодежную аудиторию. Модель националистического дискурса описана нами с опорой на социолингвистический подход, предложенный В. И. Карасиком, со следующим алгоритмом: *описание типовых участников дискурса, определение хронотопа, цели, ценностей, основных стратегий, ключевых жанров, прецедентных текстов и дискурсивных формул.*

Обозначенные проблемы усиливаются межнациональными, межэтническими конфликтами, что привело к появлению большого количества креолизованных текстов, пропагандирующих националистическую идеологию.

Выбор различных жанров семиотически осложненных текстов, среди которых агитка, креолизованные интернет-мемы (демотиваторы, интернет-комиксы, эдвайсы и пр.), граффити, карикатура и другие, обусловлен современными тенденциями восприятия информации. Сказанное определяет стилистику и прагматику КТ, в том числе экономичность и ясность выражения мысли визуального ряда.

Прагматический потенциал визуального ряда намного выше вербального: вербальный ряд оказывает на сознание человека рациональное воздействие, требуя от адресата определенных умственных усилий, что зачастую является препятствием для восприятия письменного сообщения. Визуальная же инфор-

мация, напротив, рассчитана на эмоциональное, интуитивное восприятие, отсюда — важнейшая роль образов в КТ.

Одним из способов привлечения внимания, актуализации и пропаганды националистических настроений является сочетание прецедентных вербальных и визуальных феноменов. Прагматический потенциал прецедентных феноменов проявляется прежде всего в том, что за счет их применения в сознании адресата происходит актуализация фоновых знаний и представлений, которые напрямую связаны с культурным опытом языкового сообщества. Прецедентные феномены способны воздействовать на эмоциональный и рациональный уровни человеческого сознания. Чтение иконических сообщений стимулирует восстановление связей с первоисточником и актуализацию психического образа. На этом этапе формируется эмоционально-оценочный настрой адресата, в результате чего его психика переходит в состояние повышенной готовности к осуществлению запланированного воздействия. Роль прецедентности на данном этапе заключается еще и в том, что она является «спусковым механизмом» возбуждения визуального конструирования мысли читателя в заданном ключе.

Воздействующий потенциал ПФ обусловлен спецификой дискурса, в нашем случае националистического, роль которого заключается в упорядочивании социально-политической реальности при помощи актуализации символического значения нации.

Функциональные возможности ПФ описаны именно в рамках националистического дискурса. Были выделены следующие функции: *функция выразительного и образного представления кого-либо, функция маркировки интенций адресанта, функция разрушения стереотипов и предубеждений, функция оценки, моделирующая функция, прагматическая функция, парольная функция, юридическая функция*. Функции, характерные для ПФ в рассматриваемом дискурсе, могут быть реализованы по отдельности (только вербальными ПФ, только иконическими ПФ) или же в их совокупности.

В рамках исследования представлены общие механизмы взаимодействия вербально-иконических элементов, описаны и проиллюстрированы случаи взаимодействия между компонентами разных семиотических систем в рамках КТ, обнаруживающиеся на содержательном, содержательно-языковом, содержательно-композиционном уровнях.

Националистические организации применяют ПФ в ряде технологий воздействия на сознание молодежной аудитории. Используя различные прецедентные образы, адресанты апеллируют к чувственным переживаниям, связанным с идеализированным прошлым или упованием на счастливое будущее, актуализируют ценностные представления аудитории и т. д. Используются следующие психотехнологии: *мифологическое манипулирование, манипулятивные психотехнологии, ценностно-эмоциональное манипулирование, использование механизмов социального контроля, манипулирование рациональными, убеждающими аргументами.*

Анализ 2000 креолизованных текстов позволил выявить две ведущие сферы-источника прецедентности: «История и политика» (84,3 %), «Культура» (15,7 %). Каждая из сфер-источников может быть дифференцирована на ряд субсфер-источников.

Широкая представленность сферы-источника «История и политика» в первую очередь обусловлена тем, что рассматриваемый дискурс пересекается с политическим, а между политикой и историей существует фундаментальная связь.

Апелляция к сфере-источнику «История и политика» определяет формирование убеждений и выработку активной гражданской позиции. Прецедентные феномены с указанной сферой-источником используются как своеобразный способ моделирования картины националистического мира. Создатели креолизованных текстов стремятся донести до адресата суть националистической идеологии, а ПФ помогают сделать их точку зрения более прозрачной, привлечь внимание к актуальным для идеологии национализма проблемам. Кроме того, прецедентные феномены со сферой-источником «История и политика»

как самостоятельно, так и в сочетании с ПФ из других сфер способны трансформировать уже сформировавшуюся в сознании адресата картину мира.

Анализ прецедентных феноменов позволил определить наиболее частотные субсферы-источники, соотносимые с историей и политикой. Субсфера-источник «Политическая символика», в свою очередь, подразделяется на следующие:

- *Национально-государственная символика (58,2 %).*
- *Современная националистическая символика (47,7 %):*
 - *графическая символика (55,3 %);*
 - *дискурсивная символика (25,5 %);*
 - *коды визуального поведения (19,0 %).*

Кроме приведенных, выделяются субсфера-источник «Милитаризм» (13,3 %), субсфера-источник «Политический деятель» (12,9 %), субсфера-источник «Политические объединения и шествия» (10,3 %).

Наиболее частотной субсферой-источником является «Политическая символика», что обусловлено рядом факторов: во-первых, националистический дискурс включен в дискурс политический, во-вторых, современные националистические объединения базируются на идеологии Национал-социалистической рабочей партии Германии, поэтому часто происходит и трансляция символики Третьего рейха, в-третьих, в современной России появилось множество иных националистических объединений с оригинальной символикой, в-четвертых, националистически настроенные объединения часто используют символику разных государств, которая в том или ином контексте либо пробуждает агрессию, либо является идентификатором «СВОИХ» среди «ЧУЖИХ».

Прецедентность сферы-источника «Культура» позволяет авторам текстов создавать очень яркие метафорические, комические, контрастные образы, способные менять картину мира адресата и формировать положительный образ националистического дискурса.

Данная сфера-источник может быть дифференцирована на более мелкие субсферы-источники, среди которых можно выделить субсферу-источник «Мультипликация» (37,0 %), субсферу-источник «Интернет» (20,5 %), субсферу-источник «Кино» (12,0 %), субсферу-источник «Литература» (10,3 %), субсферу-источник «Религия» (10,0 %), субсферу-источник «Реклама» (5,1 %), субсферу-источник «Эстрада» (5,1 %).

Наиболее популярной является субсфера «Мультипликация», которая становится своеобразным «кодом доступа» к сознанию современной молодежи. Апелляция к мультипликационным прецедентным визуальным образам способствует установлению тесного контакта с адресатом. Таким способом автор текста завоевывает реципиента и становится для него «СВОИМ».

Причины апелляции к тем или иным субсферам-источникам нельзя точно установить, однако прослеживается определенная тенденция: в КТ прецедентный визуальный образ со сферой-источником «Культура» выступает индикатором «своего» или «чужого». В некоторых случаях ведущую роль играет языковая игра. Такие КТ имеют выраженный оценочный характер.

Еще одна особенность функционирования прецедентных феноменов в националистическом дискурсе — это полипрецедентность, которую обуславливает комбинация нескольких ментальных сфер-источников в рамках одного КТ. Данная особенность функционирования прецедентных феноменов в националистическом дискурсе объясняется стремлением авторов текстов к созданию максимально эмоциональных КТ, обладающих также высокой прагматической направленностью. Комбинирование различных прецедентных (визуальных и вербальных) феноменов позволяет наиболее полно эксплицировать постулаты и цели националистической идеологии. ПФ, используемые в материалах националистов, дополняют друг друга, взаимно усиливая семантику КТ.

Нами были выявлены следующие модели полипрецедентности, в соответствии с которыми и создаются креолизованные тексты.

Модель 1 (72,5 %). Использование двух и более ПФ, соотносимых с одной и той же сферой-источником. Возможно сочетание прецедентных феноменов как с одной субсферой-источником, так и с разными. В рамках данной модели выделены следующие комбинации: «Политическая символика» — «Политическая символика» (22,4 %), «Политическая символика» — «Политический деятель» (19,2 %), «Политическая символика» — «Милитаризм» (16,9 %), «Политическая символика» — «Националистические объединения, шествия» (14,0 %).

Модель 2 (27,5 %). Использование двух и более ПФ, относящихся к разным ментальным сферам-источникам. В рамках второй модели выделены следующие комбинации субсфер-источников: «Мультипликация» — «Политическая символика» (5,8 %), «Мультипликация» — «Националистические объединения, шествия» (4,1 %), «Кино» — «Политическая символика» (4,3 %), «Литература» — «Политическая символика» (3,5 %), «Интернет» — «Политическая символика» (3,2 %), «Интернет» — «Политический деятель» (3,0 %), «Кино» — «Националистические объединения, шествия» (2,0 %), «Интернет» — «Националистические объединения, шествия» (0,9 %), «Эстрада» — «Политическая символика» (0,7 %).

Следует отметить, что субсфера-источник «Политическая символика» является самой распространенной по частотности взаимодействия с иными субсферами, что обусловлено спецификой субсферы: ее символика отсылает адресата к символике Третьего рейха, идеологические предпочтения которого полностью заимствуются и поддерживаются современными российскими националистическими объединениями.

Проведенный анализ позволил дополнить терминологический аппарат теории прецедентности введением в оборот понятия *«контекстный прецедентный феномен»*. Этому способствовало обнаружение в националистическом дискурсе ПФ, которые получают статус прецедентности только в определенном контексте, актуализирующем конкретный дискурсивно обусловленный источник.

Из общего объема материала нами было выделено 150 контекстных прецедентных феноменов. Их основные группы — это национально-государственные символы: «черно-желто-белый флаг» (флаг Российской империи); образы животных: «образ волка», «образ медведя», «образ овцы»; человеческие образы: «образ человека (женщина, мужчина, ребенок) славянской внешности», «образ человека восточной национальности или негроидной расы»; образы русской природы: «русские пейзажи».

Специфика контекстных прецедентных феноменов проявляется в том факте, что, с одной стороны, они получают свое «новое» значение только в конкретном дискурсе (в нашем случае — националистическом). Оно актуализируется контекстом и ситуацией использования. С другой стороны, такие прецедентные феномены сами становятся символом дискурса, который их породил, они воспринимаются молодежью как исконно русские символы, нередко выполняющие функцию идентификации «Своих» или оппозиционирования «Чужих».

Анализ прецедентности в КТ националистического дискурса осуществлялся с опорой на классическую типологию прецедентных феноменов, включающую текст, высказывание, ситуацию, имя с учетом факта материализации каждого из перечисленных ПФ в иконических текстах.

Исследование позволило нам выделить типы визуальных прецедентных феноменов: «прецедентный визуальный образ / прецедентный визуальный феномен», «коды визуального поведения», под которыми понимаются:

– собственно иконические прецедентные феномены — вторичные графические и фотографические тексты: плакаты, картины, фотографии. В националистическом дискурсе к данной группе относится символика: национально-государственная, современная националистическая (графическая, дискурсивная), а также собирательные образы: славянок, воинов, богатырей, современных защитников родины;

– прецедентные жестовые феномены, или жестовые стигматы (в данном случае термин *жест* используется в широком значении и включает в себя все

знаковые телодвижения — знаковые формы поведения). К зрительно наблюдаемым знаковым формам поведения в националистическом дискурсе мы относим:

- 1) жесты, мимику, позы, походку, значимые невербальные действия;
- 2) окружающие человека вещи, имеющие или приобретающие в определенной ситуации семиотический статус;
- 3) семиотически значимые визуально наблюдаемые результаты действий человека над своим телом, лицом, волосами (татуировка, косметика, прическа, украшения и пр.).

Анализ прецедентных феноменов в националистическом дискурсе может служить основой для дальнейшего исследования проявлений прецедентности в экстремистском дискурсе. Кроме того, проведенное исследование позволит продолжить работу в русле анализа используемых националистическими объединениями речевых стратегий и тактик и выявления новых. Не исключено определение новой перспективной тематики и проблематики, связанной с динамическими изменениями в националистическом дискурсе, и прежде всего в его жанровом корпусе и дискурсивной прагматике.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сокращение	Расшифровка
ВИП	Вербально-иконическая прецедентность
ПФ	Прецедентный феномен
ПТ	Прецедентный текст
ПВ	Прецедентное высказывание
ПС	Прецедентная ситуация
КТ	Креолизованный текст
КПФ	Контекстный прецедентный феномен

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адзинова, А. А. Явления прецедентности в заглавиях креолизованных текстов (на материале языка глянцевого журналов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — Русский язык / Адзинова Анжела Анатольева. — Майкоп, 2007. — 222 с. — Текст : непосредственный.
2. Адзинова, А. А. Явления прецедентности в заглавиях креолизованных текстов (на материале языка глянцевого журналов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — Русский язык / Адзинова Анжела Анатольева. — Майкоп, 2007. — 21 с. — Текст : непосредственный.
3. Азнабаева, Л. А. Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении / Л. А. Азнабаева. — Уфа : Изд-во Башкирск. ун-та, 1998. — 182 с. — Текст : непосредственный.
4. Александрова, О. В. Дискурс / О. В. Александрова, Е. С. Кубрякова. — Текст : непосредственный // Категоризация мира: время, пространство. — Москва, 1991. — С. 3—18.
5. Алексеева, М. С. Прецедентные феномены в интернет-рекламе предприятий ресторанного бизнеса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — Русский язык / Алексеева Мария Сергеевна. — Нижний Тагил, 2009. — 236 с. — Текст : непосредственный.
6. Алексеенко, М. А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности / М. А. Алексеенко. — Текст : непосредственный // Массовая культура на рубеже XX—XXI веков: человек и его дискурс : сборник научных трудов. — Москва : Азбуковник, 2003. — С. 221—233.
7. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. Баньковской. — Москва : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. — 288 с. — Текст : непосредственный.

8. Аникина, Э. М. Функционирование прецедентных феноменов / Э. М. Аникина. — Текст : электронный // Материалы конференции «Рефлексия. Смысл. Герменевтика». Секция «Текст: функция сообщения и функция воздействия» / Сибирский гос. ун-т путей сообщения. — Новосибирск, 2006. — URL: www.auditorium.ru (дата обращения: 25.01.2018).

9. Аникина, Э. М. Интертекстуальность в дискурсе СМИ (на материале англо-американской прессы) : моногр. / Э. М. Аникина. — Уфа : РИО Башкир. гос. ун-та, 2006. — 99 с. — Текст : непосредственный.

10. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация : (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. ин. языков вузов / Е. Е. Анисимова. — Москва : Academia, 2003. — 128 с. — Текст : непосредственный.

11. Антонова, Ю. А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — Русский язык / Антонова Юлия Анатольевна. — Екатеринбург, 2007. — 184 с. — Текст : непосредственный.

12. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 136—137.

13. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. — 1981. — № 4. — С. 356—367.

14. Арутюнян, Ю. В. Этносоциология : учеб. пособие для вузов / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов. — Москва : Аспект-Пресс, 1998. — 270 с. — Текст : непосредственный.

15. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — 2-е изд., стер. — Москва : УРСС, 2004. — 569 с. — Текст : непосредственный.

16. Ахманова, О. С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1977. — № 3. — С. 47—54.

17. Бабикова, М. Р. «Аллогенные» жанры в современном экстремистском дискурсе / М. Р. Бабикова, М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — С. 161—164.

18. Бабикова, М. Р. Сфера-источник «мультипликация» как тактический ход стратегии дискредитации в националистическом дискурсе / М. Р. Бабикова. — Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2017. — № 4. — С. 170—174.

19. Бабурина, Н. М. Политический плакат художников Российской Федерации / Н. М. Бабурина. — Ленинград : Художник РСФСР, 1975. — 36 с. — Текст. Изображение : непосредственные.

20. Багдасаров, Р. В. Свастика: священный символ / Р. В. Багдасаров. — Текст : электронный. — URL: <http://bagdasarovr.narod.ru/swastika.htm> (дата обращения: 20.03.17).

21. Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. — Л.: Наука, Ленингр. отд., 1989. — С. 63-88.

22. Байбурин А.К. Предисловие // Богатырёв П.Г. Народная культура славян. — М.: ОГИ, 2007. — С. 7-18.

23. Балашова, Л. В. Прецедентные феномены политического дискурса в современных русских социолектах / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика — 2011. — № 4 (38). — С. 34—42.

24. Банникова, С. В. Прецедентность как лингвокультурный феномен: на материале английских и русских текстов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Банникова С. В. — Тамбов, 2004. — 182 с. — Текст : непосредственный.

25. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — Москва : Прогресс, 1978. — 512 с. — Текст : непосредственный.

26. Барт, Р. Избранные работы: семиотика. Поэтика / Р. Барт. — Москва : Прогресс, 1994. — 616 с. — Текст : непосредственный.
27. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин. — Текст : непосредственный // Эстетика словесного искусства. — Москва : Художественная литература, 1979. — 501 с.
28. Безруков, А. Н. Функции интертекстуальности в пределах дискурсивной практики / А. Н. Безруков. — Текст : непосредственный // Интертекстуальность художественного дискурса : материалы Всероссийской научной конференции (г. Астрахань, 20 апр. 2018 г.) / Астраханский гос. ун-т, 2018. — С. 8—12.
29. Берегова, О. Символы славян / О. Берегова. — URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1028007/Beregova_-_Simvoly_slavyan.html (дата обращения: 20.03.17). — Текст : электронный.
30. Березин, В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия / В. М. Березин. — Москва, 2003. — 174 с. — Текст : непосредственный.
31. Берлин, И. Философия свободы. Европа / И. Берлин ; предисл. А. Эткинда. — Москва : Новое литературное обозрение, 2001. — 448 с. — ISBN =5-86793-132-3. — Текст : непосредственный.
32. Бернацкая, А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А. А. Бернацкая. — Текст : непосредственный // Речевое общение : специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т ; под ред. А. П. Скороводникова. — 2000. — Вып. 3 (11). — С. 104—110.
33. Бидова, Б. Б. Преступления, квалифицированные наличием экстремистских мотивов / Б. Б. Бидова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2013. — № 11. — С. 515—518.
34. Бидова, Б. Б. Профилактика экстремизма в образовательном пространстве / Б. Б. Бидова. — Текст : непосредственный // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. — 2014. — № 8. — С. 12—16.

35. Бирюкова, Н. С. Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной массовой коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Бирюкова Н. С. — Екатеринбург, 2005. — 196 с. — Текст : непосредственный.

36. Бобровская, Г. В. Интертекст в рекламе: прецедентный текст, речевой контекст, социально-психологический подтекст / Г. В. Бобровская. — Текст : электронный // Грани познания : электронный науч.-образовательный журнал ВГСПУ. — 2015. — № 5 (39). — С. 42—45. — URL: <http://www.grani.vspu.ru/jurnal/44>.

37. Богданов, В. В. Текст и текстовое сообщение / В. В. Богданов. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. — 67 с. — Текст : непосредственный.

38. Богодухова, Е. Д. Материалы средств массовой информации как объект экспертного психолого-криминалистического исследования / Е. Д. Богодухова. — URL: <http://www.expertizy.narod.ru> (дата обращения: 28.10.2013). — Текст : электронный.

39. Богомолов, А. Н. К вопросу о создании модели обучения пониманию текстов массовой коммуникации (На материале учебника русского языка для иностранцев «Взаимопонимание») / А. Н. Богомолов. — Текст : непосредственный // Вестник МГУ. Сер 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2000. — № 2. — С. 17—26.

40. Бойко, М. А. Функциональный анализ средств создания образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 — Германские языки / Бойко Марина Александровна. — Воронеж, 2006. — 240 с. — Текст : непосредственный.

41. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по англ. филологии / Н. Н. Болдырев. — Изд. 2-е, стер. — Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. — 123 с. — Текст : непосредственный.

42. Большой толковый словарь русского языка = БТС / под ред. С. А. Кузнецова. — Редакция 2014 г. — URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/> (дата обращения: 17.03.2017). — (первое издание: Санкт-Петербург : Норинт, 1998). — Текст : электронный.

43. Бонкало, С. В. Особенности жизненной позиции членов молодежных националистических организаций / С. В. Бонкало, Т. И. Бонкало. — URL: <http://systempsychology.ru/journal/2015-15/290-bonkalo-s-v-bonkalo-ti-osobennosti-zhiznennoy-rozicii-chlenov-molodezhnyh-nacionalisticheskikh-organizacij.html> (дата обращения: 06.09.2017). — Текст : электронный.

44. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. — Изд. 3-е, испр. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 288 с. — Текст : непосредственный.

45. Борисова, И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И. Н. Борисова. — Текст : непосредственный // Русская разговорная речь как явление городской культуры. — Екатеринбург : Арго, 1996. — С. 21—48.

46. Борухов, Б. Л. Речь как инструмент интерпретации действительности (теоретические аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Борухов Б. Л. — Саратов, 1989. — 17 с. — Текст : непосредственный.

47. Боярских, О. С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004—2007 гг.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Боярских О. С. — Екатеринбург, 2008. — 231 с. — Текст : непосредственный.

48. Бриченкова, Е. С. Прецедентные высказывания в русскоязычном публицистическом дискурсе и их место в преподавании русского языка как иностранного : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Бриченкова Е. С. — Москва, 2007. — 23 с. — Текст : непосредственный.

49. Бугаева, Н. В. Демотиваторы как новый жанр в интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика / Н. В. Бугаева. — Текст : электронный // Стилль. — 2011. — № 10. — С. 147—

158. — URL: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/10Bugaeva.pdf> (дата обращения: 18.03.2017).

50. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе : моногр. / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург, 2006 — 213 с. — Текст : непосредственный.

51. Булыко, А. Н. Большой словарь иностранных слов / А. Н. Булыко ; под ред. В. Н. Сивчиков, Р. И. Шестак. — 2-е изд., испр. — Москва : Мартин, 2008. — 704 с. — Текст : непосредственный.

52. Бурвикова, Н. Д. Воспроизводимые сочетания слов в коммуникативном пространстве носителя русского языка / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров. — Текст : непосредственный // Языковая личность: текст, словарь, образ мира : к 70-летию чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулова. — Москва, 2006.

53. Буряковская, В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 — Теория языка / Буряковская Валерия Анатольевна. — Волгоград, 2014. — 326 с. — Текст : непосредственный.

54. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). — М.: Научный мир, 2004. — 192 с.

55. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. — Москва : Логос, 2003. — URL: <http://evartist.narod.ru/text14/25.htm> (дата обращения: 21.02.2017). — Текст : электронный.

56. Ватолина, Т. Г. Когнитивная модель дискурса как многомерный ментальный конструкт / Т. Г. Ватолина. — Текст : электронный // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2017. — № 9. — С. 1—6.

57. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. — Москва : ОЛМА ПРЕСС, 2005. — 384 с. — Текст : непосредственный.

58. Вергазов, И. Молодежь в социальном пространстве национал-большевистской партии / И. Вергазов. — Текст : электронный // Развитие лич-

ности. — 2004. — № 1. — С. 108—117. — URL: <http://rl-online.ru/articles/1-04/418.html> (18.12.2017).

59. Википедия : свободная энциклопедия. — URL: <http://www.ru.wikipedia.org>. — Текст. Изображение : электронные.

60. Винокур, Т. Г. Говорящий — слушающий: варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. — Москва : КомКнига/URSS, 2005. — 176 с. — Текст : непосредственный.

61. Водак, Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? / Р. Водак. — Москва : Гуманитарный центр, 2018. — 404 с. — ISBN 978-617-7528-21-9. — Текст : непосредственный.

62. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. — Волгоград : Перемена, 1997. — 139 с. — Текст : непосредственный.

63. Волков, А. А. Филология и риторика массовой информации / А. А. Волков. — Текст : непосредственный // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. — Москва : Изд-во МГУ, 2003. — С. 50—65.

64. Володина, М. Н. Язык массовой коммуникации — основное средство информационного воздействия на общественное сознание / М. Н. Володина. — Текст : непосредственный // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования : тезисы докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 25—27 окт. 2001 г.) / Филологический факультет МГУ им. Ломоносова. — Москва, 2001. — С. 9—31.

65. Ворожцова, О. А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ворожцова О. А. — Екатеринбург, 2007. — 215 с. — Текст : непосредственный.

66. Ворошилова, М. Б. Белый пушистый нацизм: юмор как стратегическое орудие молодежного националистического дискурса / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Современная гелотология : сборник от научни

статии по материалу от Междунар. науч.-практ. конференция / ред.-съст. М. В. Мусийчук, М. Б. Ворошилова. — Варна : Център за научни изследвания и информация «Парадигма», 2016а. — С. 42—46.

67. Ворошилова, М. Б. Вербальное контекстуальное окружение нацистской символики в современном экстремистском дискурсе / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2016б. — № 3. — С. 150—157.

68. Ворошилова, М. Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 4 (42). — С. 94—99.

69. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2007. — № 3 (23). — С. 73—78.

70. Ворошилова, М. Б. Кризис сквозь смех: метафорический образ мирового кризиса в русской политической карикатуре / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2010. — № 1 (31). — С. 90—94.

71. Ворошилова, М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2014. — № 3 (49). — С. 242—245.

72. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. — 194 с. — Текст : непосредственный.

73. Ворошилова, М. Б. Тема-рематический анализ граффити / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты речевой деятельности. — 2016в. — № 14. — С. 58—67.

74. Ворошилова, М. Б. Политическая карикатура как креолизованный текст / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Русский язык: чело-

век, культура, коммуникация : сб. науч. тр. / УГТУ-УПИ. — Екатеринбург, 2008. — С. 256—263.

75. Ворошилова, М. Б. Реконструкция культурных смыслов визуальных символов в современном националистическом дискурсе / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Региональная картина мира в языковой концептуализации: динамика культурных смыслов : сб. ст. / под ред. Л. А. Мардиевой, Т. Ю. Щуклиной. — Казань, 2016г. — С. 22—25.

76. Ворошилова, М. Б. Отрывок про скинхеда: опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы / М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов, А. А. Карапетян. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2013. — № 1. — С. 181—190.

77. Ворошилова, М. Б. Националистическая атрибутика и символика в современном молодежном экстремистском дискурсе: из практики определения / М. Б. Ворошилова, А. А. Карапетян. — Текст : непосредственный // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 2014). — Екатеринбург, 2014. — С. 51—53.

78. Ворошилова, М. Б. Образ волка в современном экстремистском дискурсе: в поисках истоков / М. Б. Ворошилова, И. В. Грибан, Р. Ю. Порозов. — Текст : непосредственный // Политический дискурс в парадигме научных исследований : 3-я Междунар. науч.-практ. конф. (Тюмень, 24—25 марта 2016 г.). — Тюмень : ВекторБук, 2016. — С. 5—10.

79. Высоцкая, И. В. Спорные вопросы теории прецедентности / И. В. Высоцкая. — Текст : непосредственный // Критика и семиотика. — 2013. — № 1 (18). — С. 117—137.

80. Гарев, В. А. Политический плакат в дискурсе международного терроризма / В. А. Гарев. — Текст : непосредственный // Региональные выборы 2004 г.: волеизъявление народа или триумф технологий? Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности) : материалы круглого стола и Междунар. науч.-

практ. конф. — Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2004. — С. 183—187. — (Дневник Алтайской школы политических исследований ; № 19/20).

81. Геллнер, Э. Нации и национализм : пер. с англ. / Э. Геллнер ; ред. и послесл. И. И. Крупника. — Москва : Прогресс, 1991. — 320 с. — Текст : непосредственный.

82. Геллнер, Э. Пришествие национализма. Мифы нации и классы / Э. Геллнер. — Текст : электронный // Нации и национализм. — Москва : Новая наука политики, 2002. — С. 147—162. — URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4299369/> (дата обращения: 15.05.2017).

83. Глухов, А. П. Коммуникативные стратегии российского националистического дискурса: отражение в медийном пространстве / А. П. Глухов. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2010. — Вып. 5 (95). — С. 52—58.

84. Головин, М. С. Националистический дискурс : теоретические проблемы и дискуссии / М. С. Головин. — Текст : непосредственный // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2018. — Т. 14. — № 2. — С. 74—86.

85. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс. — Текст : непосредственный // Лингвистическая прагматика. — Москва, 1985. — С. 217—237. — (Новое в зарубежной лингвистике ; вып. 16).

86. Гридина, Т. А. Имена собственные как база языковой игры / Т. А. Гридина. — Текст : непосредственный // Русский язык в школе. — 1996. — № 3. — С. 51—55.

87. Гришаева, Л. И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) / Л. И. Гришаева. — Текст : непосредственный // Феномен прецедентности и преемственности культур / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2004. — С. 15—46.

88. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. — Москва, 1999. — Текст : непосредственный.

89. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации / Д. Б. Гудков. — Текст : непосредственный // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации : сб. статей. — Москва, 1997. — С. 116—129.

90. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Гудков Д. Б. — Москва, 1999. — Текст : непосредственный.

91. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. — 288 с. — Текст : непосредственный.

92. Гудков, Д. Б. Функционирование прецедентных феноменов в публицистическом дискурсе российских СМИ / Д. Б. Гудков. — Текст : непосредственный // Политический дискурс в России — 4 : материалы рабочего совещания 22 апреля 2000 г. — Москва, 2000. — С. 46.

93. Гудков, Д. Б. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация / Д. Б. Гудков, В. В. Красных. — Текст : непосредственный // Научные доклады филологического факультета МГУ. — 1998.— № 2. — С. 124—133.

94. Гудков, Д. Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. — 1997. — № 4. — С. 106—117.

95. Гулинов, Д. Ю. Дискурсивные характеристики языковой политики современной Франции : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 — Теория языка / Гулинов Дмитрий Юрьевич. — Волгоград, 2015. — 301 с. — Текст : непосредственный.

96. Гунько, Ю. А. Особенности функционирования прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Гунько Ю. А. — Санкт-Петербург, 2002. — 24 с. — Текст : непосредственный.

97. Данилова, Ю. Р. Демотиватор как лингвокогнитивное единство иконической и вербальной информации / Ю. Р. Данилова, Д. Р. Нуриева. — Текст: непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2014. — № 12 (42). — Ч. 3. — С. 66—71.

98. Дейк, Т. А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч. — Текст : непосредственный // Когнитивные аспекты языка. — Москва, 1988. — С. 153—208. — (Новое в зарубежной лингвистике ; вып. 23).

99. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Москва, 1989. — 311 с. — Текст : непосредственный.

100. Дзялошинский, И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа / И. М. Дзялошинский. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. — 2005. — № 1. — С. 29—54; № 2. — С. 56—75.

101. Диль, В. А. Тенденция развития современного экстремизма: молодежный и информационный экстремизм / В. А. Диль. — Текст : непосредственный // Известия Томского политехнического университета. — 2009. — Т. 314. — № 6. — С. 167—170.

102. Дмитриева, О. А. Механизм восприятия прецедентного текста / О. А. Дмитриева. — Текст : непосредственный // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. — Волгоград, 1999. — С. 42—46.

103. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. — Москва, 2008. — 264 с. — Текст : непосредственный.

104. Долозова, О. Н. О семантике прецедентного имени / О. Н. Долозова. — URL: www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=97225 (дата обращения: 15.10.2013). — Текст : непосредственный.

105. Дробижева, Л. М. Социально-культурная дистанция как фактор межэтнических отношений / Л. М. Дробижева. — Текст: непосредственный //

Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / под ред. М. Б. Олкотт, В. А. Тишкова и А. А. Малашенко. — Москва : Московский центр Карнеги, 1997. — С. 43—63.

106. Евтюшкин, А. Ю. Молодежный политический экстремизм в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Евтюшкин Алексей Юрьевич ; Моск. гос. обл. ун-т. — Москва, 2009. — 26 с. — URL: <https://www.prlib.ru/item/343699> / (дата обращения: 20.09.2017). — Текст : электронный.

107. Ейгер, Г. В. К построению типологии текстов / Г. В. Ейгер, В. Л. Юхт. — Текст : непосредственный // Лингвистика текста : материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тореца. — Москва, 1974. — Ч. 1. — С. 103—109.

108. Еникеев, М. И. Энциклопедия. Общая и социальная психология / М. И. Еникеев. — Москва : ПРИОР, 2002. — 560 с. — Текст : непосредственный.

109. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Желтухина М. Р. — Москва, 2004. — 691 с. — Текст : непосредственный.

110. Завьялова, Г. А. Особенности функционирования прецедентных феноменов в детективном дискурсе (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 — Теория языка / Завьялова Галина Александровна. — Кемерово, 2014. — 22 с. — Текст : непосредственный.

111. Зайнуллина, Л. М. Лингвокогнитивное исследование адъективной лексики (на материале английского, русского, башкирского, французского и немецкого языков) / Л. М. Зайнуллина. — Уфа, 2003. — Текст : непосредственный.

112. Захаренко, И.В. Прецедентные имена и прецедентные высказывания как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева. — Текст : непосредственный // Коммуникация : сб. ст. / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва, 1997. — Вып. 1. — С. 82—103.

113. Звегинцев, В. А. О цельнооформленности единиц текста / В. А. Звегинцев. — Текст : непосредственный // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. — 1980. — Т. 39. — № 1. — С. 13—21.

114. Земская, Е. А. Цитация и способы ее трансформации в заголовках современных газет / Е. А. Земская. — Текст : непосредственный // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. — Москва, 1996. — С. 157—168.

115. Зенкова, А. Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания / А. Ю. Зенкова. — Текст : непосредственный // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2004. — № 5. — С. 184—193.

116. Злоказов, К. В. Психологические особенности вовлечения несовершеннолетних в молодежные экстремистские группировки / К. В. Злоказов, Л. Л. Муслумов. — Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. — 2014. — №5. — С. 81—87.

117. Зырянова, И. П. Полипрецедентность в заголовках российских СМИ / И. П. Зырянова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2008. — № 2 (25). — С. 126—129.

118. Иванов, А. «Россия для русских»: pro et contra / А. Иванов. — Текст : электронный // Русская народная линия. — 2007. — 24 дек. — URL: https://ruskline.ru/analitika/2007/12/24/rossiya_dlya_russkih_pro_et_contra/.

119. Илюшкина, М. Ю. Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Илюшкина М. Ю. — Екатеринбург, 2008. — 272 с. — Текст : непосредственный.

120. Иссерс, О. С. Паша-«Мерседес», или Речевая стратегия дискредитации / О. С. Иссерс. — Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. — 1997. — Вып. 2. — С. 51—54.

121. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва, 2008. — 288 с. — Текст : непосредственный.

122. Какорина, Е. В. Сфера массовой коммуникации: отражение социальной ориентированности языка в текстах СМИ / Е. В. Какорина. — Текст : непосредственный // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / под ред. Л. П. Крысина. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — С. 245.

123. Калхун, К. Национализм / К. Калхун ; пер. с англ. А. Смирнова. — М. : Территория будущего, 2006. — 288 с. — ISBN 5-91129-013-8. — Текст : непосредственный.

124. Карамова, А. А. Метафора как способ структурирования языковой картины политического мира / А. А. Карамова. — Текст : непосредственный // Вестник ОГУ. — 2013. — № 11 (160). — С. 124—129.

125. Кара-Мурза, С. Г. Власть манипуляции / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Академический проект, 2007. — 384 с. — Текст : непосредственный.

126. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2004. — 390 с. — Текст : непосредственный.

127. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград, 2000. — С. 5—20.

128. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров. — Текст : непосредственный // Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. — Москва : Прогресс, 1989. — 312 с.

129. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва, 1987. — Текст : непосредственный.

130. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. — 264 с. — Текст : непосредственный.

131. Караулов, Ю. Н. Язык СМИ как модель общенационального языка / Ю. Н. Караулов. — Текст : непосредственный // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования : тезисы докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 25—27 окт. 2001 г.) / Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. — Москва, 2001. — С. 16—18.

132. Квон, Д. А. Этапы развития национализма / Д. А. Квон, А. В. Рыбаков. — Текст : непосредственный // Власть. — 2016. — № 3. — С. 131—136.

133. Киселева, М. Террористами не рождаются / М. Киселева. — Текст : электронный // Газета.ru. — 2015. — 19 нояб. — URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/11/19_a_7900949.shtml (дата обращения: 23.09.17).

134. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях = КОАП РФ : от 30.12.2001 № 195-ФЗ : (ред. от 2.12.2019) // КонсультантПлюс : сайт. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. — Текст : электронный.

135. Кожевникова, Г. В. Радикальный русский национализм: структура, идеи, лица : [справочник] / Г. В. Кожевникова, А. В. Шеховцов, В. Прибыловский, Н. Юдина, Е. Ларина, М. Розальская ; сост.: А. Верховский, Г. Кожевникова. — М.: Центр «Сова», 2009. — 410 с. — (Научное издание). — Текст : непосредственный.

136. Корда, О. А. Креолизованный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 — Журналистика / Корда Ольга Анатольевна. — Екатеринбург, 2013. — 227 с. — Текст : непосредственный.

137. Коротеева, В. В. «Воображенные», «изобретенные» и «сконструированные» нации: метафора в науке / В. Коротеева. — Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. — 1993. — № 3.

138. Коротеева, В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В. Коротеева. — Москва : РГГУ, 1999. — 139 с. — Текст : непосредственный.

139. Костомаров, В. Г. Единицы лингвокультурного пространства / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. — Текст : непосредственный // Русский язык как иностранный: теория. Исследования. Практика. — Санкт-Петербург, 2003. — Вып. 6.

140. Костомаров, В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. — Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. — 1994. — № 1. — С. 73—76.

141. Костомаров, В. Г. Прецедентный текст как редуцированный дискурс / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Язык как творчество : сб. ст. к 70-летию В. П. Григорьева. — Москва, 1996. — С. 297—302.

142. Костомаров, В. Г. Старые мехи и молодое вино : из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX в. / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2001. — 71 с. — Текст : непосредственный.

143. Красных, В. В. Лингвокогнитивный подход в коммуникации / В. В. Красных. — Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва : Диалог-МГУ, 2000. — Вып. 12. — С. 41—45.

144. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : ИТДК «Гнозис», 2003. — 375 с. — Текст : непосредственный.

145. Красных, В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. Б. Багаева. — Текст : непосредственный // Вестник МГУ. — Сер. 9, Филология. — 1997. — № 3. — С. 62—75.

146. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций. / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 284 с. — Текст : непосредственный.

147. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева. — Текст : непосредственный // Французская семиотика: от структурализма к пост-структурализму. — Москва : Прогресс, 2000. — С. 427—458.

148. Крысин, А. П. Толковый словарь иноязычных слов / А. П. Крысин. — 6-е изд., испр. и доп. — Москва : Эксмо, 2005. — 944 с. — Текст : непосредственный.

149. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — Москва, 1996. — Текст : непосредственный.

150. Кудрина, Н. А. Когнитивная лингвистика: особенности формирования пространства прецедентности / Н. А. Кудрина. — Текст : непосредственный // Концептуальное пространство языка : сб. науч. трудов / под ред. Е. С. Кубряковой. — Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. — С. 53—66.

151. Кузнецова, Я. В. Исследование прецедентных феноменов как способ анализа художественного текста / Я. В. Кузнецова. — Текст : непосредственный // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века : науч.-метод. семинар «Textus». — Санкт-Петербург ; Ставрополь, 2001. — Вып. 6.

152. Кузьминская, С. И. Фоновые знания в массовой культуре : дис. канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Кузьминская С. И. — Орел, 2002. — 177 с. — Текст : непосредственный.

153. Кушнерук, С. Л. Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе / С. Л. Кушнерук. — Текст : непосредственный // Лингвистика : бюл. Урал. лингвистического о-ва. — Екатеринбург, 2004. — Т. 13. — С. 146—155.

154. Кушнерук, С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Кушнерук С. Л. — Екатеринбург, 2006. — 213 с. — Текст : непосредственный.

155. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.
156. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. — Москва : Смысл, 1997. — 287 с. — Текст : непосредственный.
157. Леонтьев, А. А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности / А. А. Леонтьев. — Текст : непосредственный // Текст. Структура и семантика. — Москва, 2001. — Т. 1. — С. 92—100.
158. Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва, 1990. — Текст : непосредственный.
159. Лисоченко, О. В. Явление прецедентности в современной русской речи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Лисоченко О. В. — Таганрог, 2002. — 190 с. — Текст : непосредственный.
160. Лор, Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Э. Лор. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 304 с. — Текст : непосредственный.
161. Лотман, Ю. М. Семиосфера. (Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки) / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. — 704 с. — Текст: непосредственный.
162. Лотман, Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман. — Текст : непосредственный // Труды по знаковым системам. Т. 14. — Тарту, 1981. — С. 95. — (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).
163. Майданова, Л. М. Образ власти в современных медиатекстах / Л. М. Майданова. — Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета. — 2006. — № 40. — С. 147—157.
164. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с. — Текст : непосредственный.
165. Малахов, В. С. Национализм как политическая идеология : учеб. пособие / В. С. Малахов. — Москва : КДУ, 2005. — 320 с. — Текст : непосредственный.

166. Малахов, В. С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме / В. С. Малахов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 200 с. — Текст : непосредственный.

167. Малинова, О. Ю. Прошлое, которое не прошло: что ищут политики в истории / О. Ю. Малинова. — URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-opinion/279017-proshloe-kotoroe-ne-proshlo-chto-ishchut-politiki-v-istorii> (дата обращения: 13.11.2017). — Текст : непосредственный.

168. Мардиева, Л. А. Социокультурная реальность и ее интерпретации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования / Л. А. Мардиева. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. — 358 с. — Текст : непосредственный.

169. Мардиева, Л. А. Виртуальная действительность в языковой и внеязыковой репрезентации (на материале медиатекстов) : дис. д-ра филол. наук : 10.02.01 — Русский язык / Мардиева Ляйля Агъдасовна. — Казань, 2015. — 496 с. — Текст : непосредственный.

170. Мардиева, Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) / Л. А. Мардиева. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2011. — № 3 (15). — С. 202—209.

171. Мардиева, Л. А. Прецедентные визуальные феномены в газетно-журнальных текстах / Л. А. Мардиева. — Текст : непосредственный // Филология и культура. Philology and Culture (Вестник ТГГПУ). — 2007. — № 1 (18). — С. 62—68.

172. Маркин, В. В. Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде. 1-я часть / В. В. Маркин, А. В. Роговая. — Текст : непосредственный // Власть. — 2012. — № 11. — С. 142—146.

173. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В. А. Маслова. — Москва : Флинта : Наука, 2007. — 296 с. — Текст : непосредственный.

174. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. — Москва, 2003. — Текст : непосредственный.

175. Мединский, В. Р. О русском пьянстве, лени и жестокости / В. Р. Мединский. — Изд. 4-е, испр. и доп. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2012. — 574 с. — Текст : непосредственный.

176. Менджерицкая, Е. О. Термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике / Е. О. Менджерицкая. — Текст : непосредственный // Лингвистические проблемы межкультурной коммуникации : сб. статей / под ред. В. В. Красных, Л. И. Изотова. — Москва : Филология, 1997. — С. 130—133.

177. Миллер, А. И. О дискурсивной природе национализмов / А. И. Миллер. — Текст : электронный // Pro et Contra. — 1997. — Т. 2. — № 4. — URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_09.htm.

178. Милосердова, Е. В. Языковая личность в свете прецедентных высказываний / Е. В. Милосердова. — Текст : непосредственный // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. — Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004. — С. 140—148.

179. Михновец, М. Г. Явления прецедентности: лингвистический и литературоведческие подходы / М. Г. Михновец. — Текст : электронный // Известия Российского государственного педагогического университета. — 2006. — № 21-2. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yavlenie-pretседentnosti-lingvisticheskiy-i-literaturovedcheskiy-podhody> (дата обращения: 21.12.2013).

180. Мичурин, Д. С. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 — Русский язык / Мичурин Дмитрий Сергеевич. — Тверь, 2014. — 162 с. — Текст : непосредственный.

181. Наумова, Е. О. Особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Наумова Е. О. — Москва, 2004. — 198 с. — Текст : непосредственный.

182. Нахимова, Е. А. Имена русских царей как прецедентное поле в современных российских СМИ / Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского государственного университета. Российская и зарубежная филология. — 2009. — № 2. — С. 12—20.

183. Нахимова, Е. А. Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен / Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2013. — № 3 (45). — С. 48—56.

184. Нахимова, Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах / Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Лингвистика : бюллетень Урал. лингвистического о-ва. — Екатеринбург, 2004. — Т. 13. — С. 166—174.

185. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т, Ин-т социального образования. — Екатеринбург : [б. и.], 2007. — 207 с. — Текст : непосредственный.

186. Нахимова, Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования: моногр. / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург, 2011. — 313 с. — Текст : непосредственный.

187. Нахимова, Е. А. Прецедентные феномены с ментальным полем-источником «Театр» в современном политическом дискурсе / Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Известия УрГПУ. Лингвистика / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2005. — Вып. 15. — С. 102—114.

188. Нежура, Е. А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве интернета / Е. А. Нежура. — Текст : электронный // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2012. — № 2. — С. 47—52. — URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/012-007_I3DoXo1.pdf.

189. Новикова, О. Ю. Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе (на материале англоязычных СМИ) / О. Ю. Новикова. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы лингвистики : Ураль-

ские лингвистические чтения — 2006 : материалы ежегодной научной конференции, Екатеринбург, 1—2 февраля 2006 г. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. — С. 106—107.

190. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — Москва : ЭЛПИС, 2003. — 944 с. — Текст : непосредственный.

191. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России / О. Н. Паршина. — Текст : непосредственный // Власть и речь в СМИ : научные доклады. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2005. — С. 24—37.

192. Петрова, Н. В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования : на материале англо-американских коротких рассказов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 — Теория языка / Наталья Васильевна Петрова. — Волгоград, 2005. — 31 с. — Текст : непосредственный.

193. Пикулева, Ю. Б. Культурный фон современной телевизионной рекламы / Ю. Б. Пикулева. — Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета. — Екатеринбург, 2002. — № 24. — С. 268—276.

194. Пикулева, Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Пикулева Юлия Борисовна. — Екатеринбург, 2003. — 23 с. — Текст : непосредственный.

195. Плотникова, С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) / С. Н. Плотникова. — Иркутск : Изд-во Иркутского гос. лингвистического ун-та, 2000. — 244 с. — Текст : непосредственный.

196. Пойманова, О. В. Семантическое пространство видеовербального текста : дис. ... канд. филол. наук / Пойманова О. В. — Москва, 1997. — 237 с. — Текст : непосредственный.

197. Политическая символика. — URL: <https://textbooks.studio/uchebnik-teoriya-politiki/politicheskaya-simvolika-22341.html> (дата обращения: 15.01.2018). — Текст : электронный.

198. Полякова, И. С. Прецедентные имена в институциональном политическом дискурсе Кондолизы Райс и Ирины Хакамады (2000—2008 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Полякова И. С. — Екатеринбург, 2012. — 23 с. — Текст : непосредственный.

199. Портал правовой статистики. — URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 29.03.2017). — Текст : электронный.

200. Постнова, Т. Е. «Страсти по мехам» и «Кошмар на улице Вазов» / Т. Е. Постнова. — Текст : непосредственный // Русская речь. — 2001. — № 6. — С. 69—72.

201. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс : учеб. пособие / Ю. Е. Прохоров. — Москва : Флинта : Наука, 2004. — 224 с. — Текст : непосредственный.

202. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. — Москва : ЛКИ, 2008. — 240 с. — Текст : непосредственный.

203. Распаева, Г. Д. Прецедентные феномены с мегасферой-источником «христианская религия» в произведениях Л. Н. Толстого и их переводах на английский язык / Г. Д. Распаева. — Челябинск, 2013. — 225 с. — Текст : непосредственный.

204. Ревзина, О. Язык и дискурс / О. Ревзина. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного университета. Серия 9, Филология. — 1999. — № 1. — С. 25—33.

205. Садуов, Р. Т. Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте : (на материале современного российского политического комикса) / Р. Т. Садуов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2013. — № 4 (46). — С. 221—229.

206. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. — Москва : Лабиринт, 2004. — 320 с. — Текст : непосредственный.

207. Селютин, Ал. А. Пространство и время в интернет-коммуникации: влияние постмодернизма / Ал. А. Селютин. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 6 (260). — С. 122—124.

208. Сергеев, С. М. Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов / С. М. Сергеев. — Текст : непосредственный // Вопросы национализма. — 2010. — № 2. — С. 78—118.

209. Сергеев, С. М. Декабристы — первенцы русского национализма / С. М. Сергеев. — Текст : электронный // Агентство политических новостей. — 2010. — 14 июля. — URL: <http://www.apn.ru/publications/article22993.htm>.

210. Сергей Бодров. Брат. К портрету кинозвезды. — 27.12.2015. — URL: <https://www.filmpro.ru/materials/43408> (дата обращения: 29.11.2017). — Текст : электронный.

211. Силантьев, И. В. Газета и роман: риторика дискурсных смещений / И. В. Силантьев. — Москва : Язык славянской культуры, 2006. — 224 с. — Текст : непосредственный.

212. Словарь русского языка = МАС : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — Москва : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. — Текст : непосредственный.

213. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — Москва : Academia, 2000. — 139 с. — Текст : непосредственный.

214. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. — Санкт-Петербург : Изд-во В. А. Михайлова, 2002. — 383 с. — Текст : непосредственный.

215. Смит, Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализм / Э. Смит ; пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили [и др.]. — Москва : Праксис, 2004. — 464 с. — Текст : непосредственный.

216. Соловей, В. Д. Несостоявшаяся революция: исторические смыслы русского национализма / В. Д. Соловей, Т. Д. Соловей. — Москва : Феория, 2009. — 440 с. — (Сер.: Записки о древней и новой России ; вып. 3). — Текст : непосредственный.

217. Соловьев, А. И. Политология: политическая теория, политические технологии : учебник для студентов вузов / А. И. Соловьев. — Москва : Аспект Пресс, 2006. — 559 с. — URL: http://yanko.lib.ru/books/politologiya/politology-solovyev-2006 a.htm#_Тoc185404383. — — Текст : электронный.

218. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология : пер. с англ. / Р. Л. Солсо. — Москва : Тривола, 1996. — 600 с. — Текст : непосредственный.

219. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — Текст : непосредственный // Оптимизация речевого воздействия. — Москва, 1990. — С. 180—186.

220. Сорокин, Ю. А. Антропоцентризм vs. антропофилия: доводы в пользу второго понятия / Ю. А. Сорокин. — Текст : непосредственный // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва : Филология, 1998. — Вып. 4. — С. 34—45.

221. Сорокин, Ю. А. Феномен прецедентности и прецедентные феномены / Ю. А. Сорокин, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Н. П. Вольская. — Текст : непосредственный // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва : Филология, 1998. — Вып. 4. — С. 5—34.

222. Сорокин, Ю. А. Цитаты как знаки прецедентных текстов / Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева. — Текст : непосредственный // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва : Филология, 1997.

223. Стариков, Н. Механизм создания лжи, или Зачем нужен фальшивый Лермонтов / Н. Стариков. — URL: <https://nstarikov.livejournal.com/425390.html> (дата обращения: 01.12.2017). — Текст : электронный.

224. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов. — Текст : непосредственный // Язык и наука конца XX века. — Москва : РГГУ, 1995. — С. 34—72.

225. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. — 1995. — № 6. — С. 17—29.

226. Сухорукова, О. Н. Конститутивные признаки массово-информационного дискурса / О. Н. Сухорукова. — Текст : непосредственный // Вопросы гуманитарных наук. — 2004. — № 2. — С. 106—111.

227. Тарунин, А. В. Сакральный символ. История свастики / А. В. Тарунин. — Москва : Белые альвы, 2009. — 544 с. — Текст : непосредственный.

228. Теория официальной народности С. С. Уварова. Славянофильство и Западничество. — URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/97818/38/Zubanova_Shpargalka_po_otchestvennoii_istorii.html (дата обращения: 31.04.2017). — Текст : электронный.

229. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. — М. : Слово/Slovo, 2000. — 261 с. — ISBN 5-85050-240-8. — Текст : непосредственный.

230. Тишков, В. А. Забыть о нации : (постнационалистическое понимание национализма) / В. А. Тишков. — Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. — 1998. — № 5. — С. 3—26.

231. Тишков, В. А. Очерки теории и политики этничности в России / В. А. Тишков. — Москва : Русский мир, 1997. — 532 с. — Текст : непосредственный.

232. Уголовный кодекс Российской Федерации = УК РФ : от 13.06.1996 № 63-ФЗ : (ред. от 02.12.2019) // КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. — Текст : электронный.

233. Ухова, Л. В. Жанровое своеобразие коммуникативного пространства социальных сетей / Л. В. Ухова. — Текст : непосредственный // Человек в информационном пространстве : сб. науч. тр. / под общ. ред. Н. В. Аниськиной. — Ярославль, 2014. — С. 72—80.

234. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. — Изд. 3-е, стер. — Москва : КомКнига, 2007. — 280 с. — Текст : непосредственный.

235. Фатеева, Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева. — Текст : непосредственный // Известия АН. Серия литературы и языка. — Москва, 1998. — Т. 57. — № 5. — С. 25—38.

236. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» : (с изменениями и дополнениями). — URL: <http://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 31.03.2017). — Текст : электронный.

237. Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2004. — 312 с. — Текст : непосредственный.

238. Фокина, М. А. Феномен прецедентности в российском политическом дискурсе (на материале блогов политиков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — Русский язык / Фокина Маргарита Андреевна. — Нижний Новгород, 2016а. — 199 с. — Текст : непосредственный.

239. Фокина, М. А. Феномен прецедентности в российском политическом дискурсе (на материале блогов политиков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — Русский язык / Фокина Маргарита Андреевна. — Нижний Новгород, 2016б. — Текст : непосредственный.

240. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум ; пер. с англ. А. А. Васильева. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. — Текст : непосредственный.

241. Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914—1991 / Э. Хобсбаум. — Москва : Независимая газета, 2004. — 630 с. — Текст : непосредственный.

242. Целуйко, А. Граффити: формы бытования и специфика экспонирования / А. Целуйко. — Текст : электронный // Художественный журнал Moscow art magazine. — 2007. — № 64. — URL: <http://xz.gif.ru/numbers/64/tseluiko/> (дата обращения: 18.03.2017).

243. Цендровский, О. Ю. Культурно-мировоззренческие основания глобального сетевого общества XXI в. / О. Ю. Цендровский. — Текст : непосредственный // Человек и культура. — 2015. — № 5. — С. 1—57.

244. Чащина, С. С. Прагматический потенциал прецедентных феноменов в рекламе / С. С. Чащина. — Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 61. — С. 292—297.

245. Чернявская, В. Е. Текст в медиальном пространстве / В. Е. Чернявская. — Москва : Либроком, 2013. — 232 с. — Текст : непосредственный.

246. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская. — Текст : непосредственный // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса / отв. ред. В. Е. Чернявская. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ГУЭФ, 2001. — С. 11—22.

247. Чигаев, Д. П. Способы креолизации современного рекламного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Чигаев Д. П. — Москва, 2010. — Текст : непосредственный.

248. Чистова, С. С. Сопоставительное исследование прецедентных феноменов в российской и американской рекламе бытовой техники и транспортных средств : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Чистова С. С. — Екатеринбург, 2009. — 236 с. — Текст : непосредственный.

249. Чокою, А. М. Роль эмоционально-экспрессивных средств в современном политическом газетном тексте (на материале метафоры и прецедентных

языковых единиц) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Чокою А. М. — Москва, 2007. — 23 с. — Текст : непосредственный.

250. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — 248 с. — Текст : непосредственный.

251. Чудинов, А. П. Интертекстуальность политического текста / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Лингвистика : бюллетень Урал. лингвистического о-ва / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — Вып. 10. — С. 27—36.

252. Чудинов, А. П. Практическая риторика / А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2000. — 91 с. — Текст : непосредственный.

253. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

254. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом : (Заклучена в г. Шанхае 15.06.2001). — URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 31.03.2017). — Текст : электронный.

255. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. — 326 с. — Текст : непосредственный.

256. Шемякина, М. К. Символика цвета в русской традиционной культуре (на примере белого и черного цветов) / М. К. Шемякина, Н. А. Лысенко. — Текст : непосредственный // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики : сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. (Белгород, 25—26 февр. 2016 г.) : в 4 т. / отв. ред. С. Н. Брисов. — Белгород: ИПК БГИИК, 2016. — Т. 1. — С. 195—198.

257. Шепелёв, Л. Е. Геральдика России, XVIII — начало XX века : альбом / Л. Е. Шепелёв. — Санкт-Петербург : Аврора, 2003. — 400 с. — Текст. Изображение : непосредственные.

258. Шестак, Л. А. Прецедентный текст в структуре русской языковой личности: когнитивная природа и структурные модели / Л. А. Шестак. — Текст : непосредственный // Искусство, образование, наука в преддверии III тысячелетия : тезисы докладов Междунар. науч. конгресса, Волгоград, 6—8 апр. 1998 г. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. — С. 448—452.

259. Шнирельман, В. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России / В. Шнирельман. — 2012. — 302 с. — Текст : непосредственный.

260. Щурина, Ю. В. Демотиватор как речевой жанр интернет-общения / Ю. В. Щурина / Publishing house Education and Science s.r.o. — 2012. — URL: http://www.rusnauka.com/9_NND_2012/Philologia/7_104996.doc.htm (дата обращения: 18.03.2017). — Текст : электронный.

261. Щурина, Ю. В. Интернет-мем как прецедентный феномен / Ю. В. Щурина. — Текст : непосредственный // Язык в различных сферах коммуникации : материалы Междунар. науч. конф. — Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2014а. — С. 102—108.

262. Щурина, Ю. В. Интернет-мемы в структуре комических речевых жанров / Ю. В. Щурина. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2014б. — С. 147—153.

263. Щурина, Ю. В. Интернет-мемы: проблема типологии / Ю. В. Щурина. — Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2014в. — № 6. — С. 85—89.

264. Экстремистский текст и деструктивная личность : моногр. / Ю. А. Антонова, Л. Е. Веснина, М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов, Ю. Р. Тагильцева, А. А. Карапетян ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2014. — 271 с. — ISBN 978-5-7186-0621-8. — Текст : непосредственный.

265. Электронная энциклопедия «Кругосвет». — URL: <http://www.krugosvet.ru>. (дата обращения: 07.12.2016, 00:15). — Текст : электронный.

266. Ямпольский, М. Б. Демон и лабиринт. Диаграммы, деформации, мимесис / М. Б. Ямпольский. — Москва : Новое литературное обозрение, 1996. — 335 с. — Текст : непосредственный.

267. Ямпольский, М. Б. Память Тиресия: интертекстуальность и кинематограф / М. Б. Ямпольский. — 1993. — URL: http://royallib.com/book/yampolskiy_mihail/pamyat_tiresiya_intertekstualnost_i_kinematograf.html (дата обращения: 25.11.2016). — Текст : электронный.

268. Agger, G. Intertextuality Revisited: Dialogues and Negotiations in Media Studies / Gunhild Agger. — Text : electronic // Canadian Aesthetics Journal. — 1999. — Vol. 4. — Summer. — URL: http://www.uqtr.ca/AE/vol_4/gunhild.htm (date of access: 28.02.2014).

269. Bardin, L. Le texte et l'image / L. Bardin. — Text : direct // Communication et langages. — 1975. — No 26. — P. 98—112.

270. Coleman, P. T. Addressing extremism : [Position paper] / P. T. Coleman, A. Bartoli. — New York : International Center for Cooperation and Conflict Resolution, Columbia University, 2003. — Text : direct.

271. Hirsch, Jr., E. D. The New Dictionary of Cultural Literacy / E. D. Hirsch, Jr., Joseph F. Kett, James Trefil. — Boston ; New York, 2002. — Text : direct.

272. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Pr., 1982. — 242 p. — Text : direct.

273. Lennon, P. Allusions in Press: An Applied Linguistic Study / P. Lennon. — New York : Walter de Gruyter, 2004. — 297 p. — Text : direct.

Список источников речевых примеров

Группы социальной сети «ВКонтакте»

«Оставайся белым». — URL: https://vk.com/album-33375495_00?rev=1.

«Героическая молодежь». — URL: https://vk.com/album-149747365_00.

«Возрождение Белого Рода по всему Белому Свету». — URL: <https://vk.com/albums-65317909>.

«Русское национальное единство» (РНЕ). — URL: https://vk.com/album-125471182_00.

«ДПНИ Держи кровь чистой». — URL: https://vk.com/public54296039?z=album-54296039_175170436.

«Русский национализм». — URL: https://vk.com/album-112132824_00?rev=1.

«Будь белым». — URL: https://vk.com/album-121180360_00.

«Против шавок и черной мрази». — URL: <https://vk.com/club24080071>.

Персональная страница пользователя Михаила Макеева. — URL: <https://vk.com/albums142482789>.

Персональная страница пользователя Максима Макаренко, 3457 фотографий. — URL: <https://vk.com/id292199559>.

Русский флаг : тема обсуждения // Патриоты Святой Руси. — URL: https://vk.com/topic-172132_23660632?offset=last&scroll=1.

Материалы картотеки (1990—2018 гг.). При сборе материалов использовались материалы научно-образовательного центра экспертиз Уральского государственного педагогического университета.